

18+

Юлия Меган
Пари за гранью
бытия

Юлия Меган

Пари за гранью бытия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50283650

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-07962-5

Аннотация

Герои этой книги по-разному переживают сложные девяностые годы прошлого столетия. Кто-то вынужден унижаться за каждый рубль, а кто-то несправедливо купается в роскоши. Маленький приморский городок обнищал настолько, что его жители готовы продать душу дьяволу за кусок хлеба. Хранитель тьмы довольно потирает руки – давненько у него не было такого обильного «урожая». Вот, например, женщина покорно терпит оскорбления от богатого мужа, её «бедные родственники» готовы целовать ему ноги ради денег, а молодая и красивая любовница принимает дорогие подарки и, подавляя отвращение, ложится с ним в постель. В этом насквозь прогнившем мире выросла юная, чистая девушка. Хранитель света уберег её душу от алчности, но от любви уберечь не смог. Её избранник, приехавший из далекой Москвы, предпочел блеск золота искреннему девичьему чувству. Его душа запуталась в сетях дьявола и обессилена застыла в шаге от черной пропасти. Спасет ли девушка своего любимого, и какую цену она за это заплатит?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	48
Глава 4	78
Глава 5	105
Глава 6	118
Глава 7	145
Глава 8	156
Глава 10	178
Глава 9	198
Конец ознакомительного фрагмента.	223

Юлия Меган

Пари за гранью бытия

Глава 1

**Кем стали ученики Христа после смерти?
Предполагаю, что Апостолы стали Ангелами...**

Огромный алый диск солнца двигался к линии горизонта, очерченной морем. На стыке неба и воды морская гладь окрасилась в пурпурный цвет, полыхающий закатным пламенем. Огненно-красная рябь, переливаясь малиновым, розовым и даже фиолетовым, медленно становилась синей, серой, а затем иссиня-чёрной. В этой пугающей черноте уже нельзя было разглядеть ни песка, ни водорослей, ни весёлых маленьких рыбёшек, шустро плавающих днём. Одна крошечная тьма, недоступная человеческому глазу и оттого отторгающая и страшная.

Где-то там, в морской дали, откуда еле видна полоска берега, на границе заката и ночи, со стороны солнца двигалась тень. Размытое пятно, похожее на сгусток тумана, на фантом. Его движение имело конечную цель – широкую плоскую скалу, торчащую из водной глади посреди бескрайнего моря. В тот миг, когда закатный луч коснулся каменного пла-

то, тень достигла своей цели. Замерев на секунду, она стала сгущаться, приобретая черты человека. Невысокий пожилой дядечка в застиранной рубаше и потёртых брюках возник из сгустка белёсого тумана. Седые волосы обрамляли аккуратную плешь, добрые глаза неопределённого цвета озабоченно взирали на мир. Дядечка был босой, а в руках держал стоптанные ботинки. Кряхтя, он присел на край скалы и устремил взгляд в ту сторону, где было уже темно. Оттуда, со стороны берега, утонувшего во мраке, едва касаясь ступнями поверхности воды, спешил некто ещё. Одетый в какие-то слишком яркие, широкие шорты и майку, бейсболку, повёрнутую козырьком назад, он почему-то был похож на иностранца. Когда алый луч заката разделил плато на вершине скалы ровно пополам, отступая и сдавая позиции надвигающейся ночи, человек, похожий на иностранца, появился на тёмной стороне каменной поверхности. Взглянул на сидящую там фигуру по-жабьи выпуклыми, водянисто-голубыми глазами и произнёс:

– Приветствую тебя, Хранитель Света!

– Приветствую тебя, Хранитель Тьмы, – последовал ответ. – Опять в человеческом облике по волнам шляешься?

– Разве? – удивился вновь прибывший, пытаясь оглядеть себя. – Действительно! Значит, забыл перевоплотиться. Увлёкся, знаешь ли, беседой, с одним молодым человеком. Настолько интересный тип! Давно мне в нашем захолустье таких не попадалось.

– А если бы люди увидели, как ты идёшь по волнам? – с укором спросил Ангел (а это был именно он).

– Ну и увидели бы – подумаешь! Ничего страшного! Людям надо изредка напоминать о нашем существовании. К тому же большинство из них всё равно решило бы, что я – их пьяный бред.

– Да, люди стали много пить, – печально согласился собеседник.

– Они всегда много пили! – скривился Хранитель Тьмы. – Побег от реальности во все времена был объектом вождения.

– К сожалению, – вздохнул Хранитель Света. – Ты подарил людям алкоголь, и они восприняли твой подарок как благо.

– Ты ставишь мне это в вину? Я показал людям способ расслабления и отдохновения, а ты укоряешь меня?

– Отдохновение должно быть в молитве! В духовном воссоединении с Господом нашим!

– Кстати, распятый еврей тоже пользуется моим изобретением, и весьма успешно, – хмыкнул Хранитель Тьмы. – Спаивает церковных прихожан «кагором», выдавая его за свою собственную кровь.

– Не смей так называть Иисуса! – воскликнул Ангел. – И не путай священный обряд причастия с банальным пьянством!

– Иисуса вашего как хочу, так и буду называть, – изогнул

бровь собеседник. – У меня с ним свои счёты, и ты, простой Апостол, мне тут не указ. А что касается пьянства – так, может, церковь его и насадила человечеству? А?

– Что за чушь ты несёшь?! – вознегодовал Хранитель Света. – Господь никогда не призывал людей разрушать свою плоть алкоголем!

– Не призывал, но и не запрещал. Более того – он даже избрал вино в качестве средства причащения! Я склонен рассматривать подобные действия как скрытую пропаганду алкоголизма! – хитро прищурился Хранитель Тьмы.

– Одна ложка церковного «кагора» не способна сделать человека алкоголиком!

– Где одна ложка – там и две. А где две – там и бутылка. Как ты считаешь: может, Христос имеет дивиденды от мирового производства спирта, а?

– Замолчи! – закричал Ангел. Глаза его метнули молнии. Но Хранитель Тьмы лишь довольно расхохотался в ответ.

– Как быстро ты выходишь из себя, – сказал он. – Тебе бы следовало побережь свои нервы.

Луч заката сместился по наскальному плато, уступив ещё немного места надвигающейся тьме. Хранитель Света хмуро взглянул на него и произнёс:

– Времени не так много – солнце заходит. Скоро я вынужден буду уйти. Что ты хотел поведать мне, враг мой?

– Я хотел рассказать тебе о молодом человеке, который прибыл к нам из Большого Города, – отсмеявшись, ответил

собеседник. – Преинтереснейший тип, знаешь ли!

– Ты говоришь о Мечущемся Страннике? – поднял глаза Ангел.

– Вы знакомы? – удивился Хранитель Тьмы. – Когда это ты успел?

– Вчера, после полудня.

– Надо же! опередил меня, ишь какой шустрый! – прищурился собеседник. – И что – его впечатлили твои проповеди?

– Нет. Он покинул моё общество в раздражении, – вздохнул Хранитель Света.

– Я так и думал! Ты, как всегда, не смог найти к человеку подход. Взятся поучать?

Ангел промолчал.

– Можешь не отвечать, я и так знаю, – махнул рукой Хранитель Тьмы. – Ваша братия только и делает, что поучает. Надо менять методы, старина! Не читать мораль, не корить, не пугать, не взывать к совести, а делать что-то другое.

– Что – другое? – посмотрел исподлобья Хранитель Света. – Поделись соображениями.

– Так я тебе и сказал! – воскликнул собеседник. – Мои методы – это моё ноу-хау, я предпочитаю их не разглашать.

– Можешь не думать, что ты умнее меня! – тихо произнёс Ангел. – Я знаю все твои методы – они так же стары, как мир. Ты потакаешь людским порокам, давишь на их слабые стороны и уводишь от реальности в мир разрушающих грёз. Ты покупаешь их души за мифы о золоте и увлекаешь их в про-

пасть Ада. Ты убиваешь ростки совести проповедью эгоизма и наслаждений. Ты окрашиваешь их руки в крови невинных жертв, прикрываясь благими намерениями. Ты – Дьявол!

– Ну да, да! – поморщился Хранитель Тьмы. – Я – Дьявол. Только непонятно – к чему столько пафоса. Я не по-такаю людским порокам, а призываю смириться с ними, не давлю на слабые стороны, а даю право на слабость, не увожу от реальности, а дарю отдохновение. И что с того, что я покупаю человеческие души? Ты тоже это делаешь, разве не так? Только я предлагаю взамен души золото, а ты – нечто эфемерное – любовь Господа. А людям не нравится твоя денежная единица – вот и всё. Что поделаешь?

Дьявол картинно пожал плечами и подмигнул Хранителю Света. Тот ещё больше нахмурился.

– Что ты насупился? – спросил его Хранитель Тьмы. – Бог низверг меня с Небес. Как ты думаешь – зачем? Он был настолько недалновиден и не предполагал, что я начну искушать грехами людской род? Какой же тогда из Него Бог? Или Он сделал это намеренно, одним махом убив двух зайцев? Первое – избавил себя от угрозы быть низвергнутым с престола. А второе – послал меня на Землю, чтобы ему было с кем бороться, а значит, чтобы люди видели его заслуги перед человечеством и уповали на Него, как на Спасителя. Гениальный ход – верно, Апостол?

– К чему ты клонишь? – мрачно спросил Ангел.

– Я клоню к тому, что Иисус был гениальнейшим челове-

ком, когда-либо родившимся на Земле, – задумчиво произнёс Дьявол. – Так вот, Апостол, что-то подсказывает мне, что второй вариант причины моего низвержения является наиболее вероятным. А если так, то, получается, я всего лишь хорошо делаю свою работу. Я помогаю Христу удержаться на Его престоле. Я служу твоему Богу, Апостол!

– Ты не служишь Богу, ты служишь себе!

– Опять упрёк! – картинно расстроился Хранитель Тьмы. – За что ты меня не любишь? За мою расторопность? За то, что я нанял отличный штат менеджеров и внедрил их во все сферы деятельности? А кто тебе мешает работать так же?

Хранитель Света молчал, что, видимо, стоило ему больших усилий.

– Вы, Ангелы, – глупые и ленивые существа, – тем временем, продолжал Дьявол. – Пока вы спите на своих облаках, продирая глаза лишь время от времени, я уже давно добился больших успехов в покорении мира. Да-да! Например, кино и телевидение преимущественно работают на меня, индустрия игорных развлечений моя целиком. Гламур, реклама, книгоиздательство, пресса подвластны мне практически полностью! Ведь всё это существует ради золота, а посему провозглашает золото, ставит золото на пьедестал и заставляет ему поклоняться! А где золото – там и я! Триумф золота – это мой триумф! Я гигантскими шагами иду по этой планете, меня почитают и возносят! И это, заметь, всего лишь

скромные плоды умелого PR-менеджмента. Вот так! Работать надо уметь.

А у вас, Ангелов, что? Посредники эти ваши между людьми и Богом? Священники, сами мечтающие лишь о деньгах? О какой любви Господа может идти речь, глядя на них? Смешно, право. Надо работать с персоналом, Апостол. Сократить всех этих ваших посредников, набрать новый штат менеджеров. Молодых, мобильных, генерирующих свежие идеи. Поставить им сверхзадачу – сделать эту вашу любовь Господа конкурентоспособной на рынке. Пусть они рекламу начнут давать, выпустят акции или облигации. Напишут новые тексты и музыку этих ваших молитв. Неужели вы не понимаете, что у народа уши вянут слушать две тысячи лет одни и те же заунывные песнопения?! К тому же в них не разобрать слов. Стишки попроще сочините, мелодии поритмичнее. Глядишь – и людишки потянутся, особенно если винцом подпоить...

– Протестанты уже давно и поют и пляшут, – хмуро заметил Ангел.

– Так пусть попляшут все христиане! – Дьявол снова весело подмигнул. – Да, и смените дресс-код, в конце концов. Ну сколько можно смотреть на этих священников в рясах? Сшейте им, наконец, новые модели одежды – закажите их у ведущих кутюрье. Пользуйтесь плодами прогресса – и вы приобретёте массу новых сторонников. – Голос Хранителя Тьмы звучал насмешливо. – Начните уже тратить ваши день-

ги на продвижение религиозных идей, хватит набивать ими карманы!

Хранитель Света сверкнул взглядом и горестно вздохнул.

– О каких деньгах ты говоришь? – спросил он.

– Как о каких? – вздёрнул брови Дьявол. – О тех, что ваши священники собирают с прихожан. Там немалые суммы. О тех деньгах, которые вам жертвуют сильные мира сего, замазывая свои грехи. Что вы там им прощаете взамен, а, Апостол? Одному Богу известно... Ты положил свою жизнь на проповедование христианских идей, чтобы потом кто-то использовал их для обогащения. Не обидно?

– Одного я не понимаю, – произнёс Ангел, устремив вдаль потухший взгляд. – За что Господь наказал меня выслушивать всё это?

Дьявол подошёл к границе света и тьмы, но не решился переступить.

– Тебе не нравятся мои слова? – вкрадчиво спросил он. – Я плохой, что поделаешь. Конечно, моё присутствие в этом мире печально, но неизбежно. В конце концов, не было бы меня, не было бы и тебя. Потом, согласишься, одно единоличное господство Ангелов в этом мире сделало бы его невыносимо скучным. Все бы работали, как пчёлы, копошились бы в своих домах. Поспали-поели-поработали; поработали-поели-поспали. Тоска. А где страсть, где азарт, где адреналин? Одно рутинное болото? Да всё население земного шара перевешалось бы от скуки!

Хранитель Тьмы явно сегодня был в ударе.

– В покое есть счастье! – ответил ему Хранитель Света.

– В покое есть смерть! А жизнь – это хаос!

– Ты считаешь, что страсть и азарт возможны только в хаосе?

– Конечно!

– Ты заблуждаешься, – покачал головой Ангел. – Азарт и страсть возможны в любви, в самопожертвовании, в молитве.

– Опять ты со своей молитвой! – скривился Хранитель Тьмы. – Ну, хорошо! Пусть молитва. Но одной молитвой не достигнешь этой вашей любви Господней.

– Нет, одной молитвой не достигнешь, – согласился Хранитель Света. – Должен быть ещё труд. Трудом, верой и молитвой достигнут люди любви Господа.

– А зачем она им вообще нужна, эта любовь? – сделал выпад Дьявол. – Люди хотят материальных благ, а не какой-то непонятной любви. Любовь на хлеб не намажешь!

– Это ты внушил им эту мысль! – нахмурился Ангел. – Ты заставил людей думать, что деньги важнее любви!

– Я! И горжусь этим. Знаешь, почему? Потому что нам с тобой предписана вечная борьба, и я побеждаю и тебя, и твоего Бога. Я смог внушить людям свою мысль, а вы – нет. Я сильнее вас!

– Не делай поспешных выводов, – предостерег Хранитель Света. – Во все времена люди были подвержены искушению

Дьяволом, но всегда и боялись небесной кары за грехи свои.

– Вот! Вот на чём держится ваша правота! – воскликнул Хранитель Тьмы. – На страхе! Разве это правильно? Разве можно через страх прививать Истину?

– Истина возникает в борьбе между добром и злом, а страх – лишь одно из орудий этой борьбы, – парировал Ангел.

– Да? А какие ещё орудия есть в вашем арсенале? Расскажи! Поведай, например, сколько жизней унесли религиозные войны. Сколько невинных душ загублено ради того, чтобы распятый еврей воцарился на своём престоле. Почему Он допускал эти войны? А может быть, даже поощрял? Ответь, Апостол! А как ты объяснишь явление инквизиции, когда миллионы людей убивали ради того, чтобы Христос не утратил своего влияния? Кто направлял карающую руку священников? Только не говори, что я! Я этого не делал, и мы оба это знаем! Страх, войны, убийства... По-твоему, это всего лишь тернии на пути к Истине?

– Тогда ты расскажи мне про гонения на христиан, – произнёс в ответ Хранитель Света. – Про войны ради политических амбиций, денег и власти. Про коммунистов, которые разоряли церкви и убивали священников. Сколько невинных душ загубил ты, а, Дьявол?

– погоди! – поднял палец Хранитель Тьмы. – Мне положено быть плохим, и я своими действиями лишь оправдываю своё предназначение. Господь же должен быть хорошим. Если мы равны с Ним в своих преступлениях, то в чём же

между нами разница? Выходит, разницы нет? Выходит, Он так же, как и я, держит власть с помощью устрашения и силы? Достойно ли это Бога? И зачем нужен такой Бог?

– Господь никогда не желал кровопролития, – покачал головой Ангел. – Недостойные служители церкви извратили Его Учение ради своих корыстных интересов. Потому и было развязано столько войн и загублено столько жизней.

– А что же распятый еврей так распустил своих служителей? – усмехнулся Дьявол. – Не удержал их в узде? Зачем нужен Властитель, не умеющий справиться с собственными подчинёнными?

– Господь увещевал их, но они не слышали Его голоса.

– Священники не слышали голоса Бога? – картинно изумился Хранитель Тьмы. – Вот это нонсенс! А ты не думал, Апостол, что они просто не хотели его слышать?

Хранитель Света схватился за голову и издал страдальческий стон.

– Своими вопросами тырываешь мне сердце, – произнёс он. – Зачем ты мучаешь меня?! Люди предают Христа, который их любит, и ты это знаешь! Если даже служители церкви отворачиваются от Него, то что говорить об остальных? Господь прощает их и оплакивает их души...

– Вот поэтому, – глаза Дьявола победно сверкнули, – на Земле моих сторонников гораздо больше, чем твоих!

– Да, это так, – тяжело вздохнув, согласился Ангел. – Но не спеши праздновать победу в нашей борьбе. Ты ведь зна-

ешь условия игры. Твоя власть над Землёй не установится до тех пор, пока есть хотя бы одна душа, преисполненная любви.

– Идиотские правила, – проворчал Хранитель Тьмы. – Идиотские и несправедливые. Что такое одна душа, преисполненная любви, по сравнению с миллиардами людей, жаждущих денег? Капля в мировом океане? Что она может изменить?

– Ты преувеличиваешь свои достижения, враг мой, – слабо улыбнулся Хранитель Света, отняв руки ото лба. – Тебе неподвластны миллиарды, как бы ты этого ни хотел. Пока ты не смог покорить даже этот посёлок.

– А вот тут ты ошибаешься! – воскликнул Дьявол. – Этот посёлок уже давно у меня в кармане. В нём нет такого жителя, который бы не стремился к материальному благосостоянию! Ни одного! Какая там любовь Господа? Здесь никто о ней даже не помышляет!

– Если есть хотя бы один человек, преисполненный любви, ты не можешь торжествовать победу, – снова сказал Ангел.

– Да знаю, знаю! – поморщился Хранитель Тьмы. – Незачем мне десять раз повторять! Но такого человека нет.

– Есть!

– Кто?!

– Хрупкая Душа.

– Ты о ком? – удивился Дьявол и досадливо махнул ру-

кой. – А, эта маленькая некрасивая девушка – твоя ученица! Ну, ты бы ещё про детей вспомнил! Она пока слишком молода, почти ребёнок. Придёт время, и я склоню её на свою сторону, не сомневайся.

– Не будь столь самонадеянным, – произнёс Ангел. – Моя ученица никогда не продаст тебе свою душу. Не для того я потратил столько лет на её воспитание, чтобы ты смог с ней справиться. К тому же я привёл к ней Мечущегося Странника. Этот юноша, прибывший из Большого Города, стоит на распутье. Он сомневается, а в сомнении есть зерно Истины. Хрупкая Душа сможет показать ему верный путь, и на моей стороне будут уже два человека.

– Когда ты всё успел? – усмехнувшись, спросил Хранитель Тьмы. – Я расстался с Мечущимся Странником буквально перед закатом!

– Вот после этого и успел, – смиренно опустил глаза Хранитель Света.

– Твои усилия напрасны, – пожал плечами Дьявол. – Гость из Большого Города нищ, а все нищие мечтают о богатстве. Я выведал у Мечущегося Странника его мечты. Он, как и все, жаждет банальных материальных благ и ни словом не заикнулся ни о какой любви. Твоя девчонка ничего не сможет с ним сделать.

– Посмотрим, – уклончиво сказал Ангел.

– Ты, как утопленник, цепляешься за последнюю соломинку, – скривился Хранитель Тьмы. – Смешно наблюдать

за твоими жалкими потугами.

– Не наблюдай, – последовал ответ.

– Нет уж, я привык держать ситуацию под контролем!

Кстати, Апостол, давно хотел задать тебе один вопрос.

– Какой? – напрягся Хранитель Света.

– А что сделает с тобой твой Бог, если ты упустишь этот посёлок?

Пожилой дядечка в застиранной рубаше отвернулся и промолчал.

– Что молчишь? – напирал Дьявол. – Тебя назначили на пост Ангела Южного округа, чтобы ты хранил свет в душах его жителей. Но твоя миссия на грани провала. Какое наказание тебе назначит распятый еврей? А? Расскажи!

– Зачем тебе это знать?

– Просто интересно. Что ваш Господь делает со своими нерадивыми слугами?

Хранитель Света горестно вздохнул и обратил свой взор к небу. В глазах его стояли слёзы.

Луч солнца сместился ещё ближе к краю скалы, оставив Ангелу лишь немного места для босых ступней.

– Ты ещё что-нибудь хочешь мне сказать, враг мой? – спросил пожилой дядечка. – Солнце почти совсем село, мне пора уходить.

– Не надейся, что я так просто отдам тебе Мечущегося Странника! – произнёс Дьявол.

Алый диск практически скрылся за горизонтом, забрав за собой свои огненные лучи. Лишь малюсенький краешек виднелся над границей неба и моря, даря плоской скале слабое пятнышко света. Водная гладь полностью погрузилась в чёрную, непроглядную тьму. Но с другой стороны уже вставала луна, светлая и яркая, готовясь прочертить через морскую поверхность свою золотистую дорожку.

– Мне пора! – сказал Хранитель Света. – Я не прощаюсь с тобой, Хранитель Тьмы. Наверное, я никогда не смогу сказать тебе: «Прощай!» и буду обречён жить с тобой бок о бок бесконечно.

– Вот именно, – ответил Дьявол. – Скорее всего, это и будет наказанием для тебя, не уследившего за людскими душами и не оправдавшего надежды Бога. Иди! До встречи.

Невысокий пожилой дядечка в застиранной рубаше и потёртых брюках подхватил свои стоптанные ботинки и ступил со скалы на морскую гладь, торопясь догнать уходящее солнце. В ту же секунду светило скрылось за горизонтом. Ангел исчез вместе с ним, растаяв, как сгусток белёсого тумана.

Хранитель Тьмы посмотрел ему вслед торжествующим взглядом ледяных, водянисто-голубых глаз.

– И не шляйся больше по волнам в человеческом облике! – долетел до него голос из-за горизонта.

Дьявол усмехнулся, потянулся всем телом так, что хрустнули позвонки, резко выдохнул и тоже ступил на морскую

поверхность. Только путь его лежал по направлению к утонувшему во мраке берегу. Не торопясь, он пошёл, с каждым шагом превращаясь в серый фантом.

Глава 2

Июнь 1999 г.

Где-то на юге России...

На подходе к конечной станции поезд двигался медленно, мерно покачиваясь. А хотелось, чтобы он шёл быстрее, чтобы уж прибыл. Чтоб подхватить сумку и выпасть из душного вагона, размять затёкшие от долгого сидения и лежания ноги, прошагать по перрону, выглядывая знакомое лицо. В висках стучало: «Быстрее-быстрее-быстрее!» Большую вялую железную гусеницу хотелось подстегнуть хворостиной, чтобы она ускорила темп. Стрелка наручных часов как будто прилипла к циферблату. В конце концов Сашка решил, что лучше уж совсем не смотреть на часы, а глядеть в окно. Можно попытаться увидеть полоску моря. Хотя вряд ли удастся – пробегающие за окном пейзажи были далеки от морских: поля, леса, какие-то дома и ветхие постройки, бетонные заборы и автомобильные дороги. Ни малейшего намёка на песчаный берег и морские волны. Даже никакая захудалая чайка мимо не пролетела. Ну что ж, придётся терпеть и ждать. Соседи по вагону тоже застыли в томительном ожидании конца пути. Сашка огляделся. Смешно – практически все обитатели плацкартных вагономест так же, как он, остекленевшими взглядами пялились за окна. На уставших после длительно-

го путешествия лицах явственно читалась всё та же мысль: «Скорей бы уже!» Измученные пассажиры, ослобившиеся от жары и духоты вагонов, прибыли на курорт.

Поезд перешёл на черепашью скорость, шумно вздохнул несколько раз и, наконец, встал. Как по команде люди разом вскочили со своих мест. Суетливо толкаясь, пихая друг друга чемоданами и сумками, они выстроились в узеньком коридоре, ожидая высадки. Сашка остался на месте, смирив свое нетерпение. Пусть пихаются – он ждал этой минуты сутки пути, подождёт и ещё немного. Шумные, толстые мамы с вертлявыми детьми, их потные мужья, обвешанные поклажей, неспавшие после бурной попойки студенты – все воззрились на хмурую тётку в синей униформе, ожидая, когда же она проскрежетает железной дверью и выпустит их в другой мир. Мир чистого воздуха, зелёных деревьев, свободы и морского простора. Мир, который называется одним простым словом – курорт.

Прислонившись спиной к вагонной перегородке, Сашка ждал. И дождался.

– Молодой человек, вы спите, что ли? Приехали!

Парень открыл глаза. Хмурая тётка в униформе, уже вооружённая веником и совком, чтобы подмести ветхую ковровую дорожку, высланную вдоль вагона, глядела строго и вопросительно.

– Спасибо. Извините, задумался, – ответил новоиспечённый курортник.

Резко и легко поднялся, подхватил спортивную сумку и пошагал к распахнутому металлическому зеву. Прыжок со ступеньки – оп-па! – и, наконец, под ногами асфальт – твёрдая субстанция, которая не ходит под ногами, не норовит качнуться так, что попадётся носом в не слишком хорошо пахнущие носки какого-нибудь субъекта, пьяно храпящего на верхней полке.

Сашка огляделся и сразу увидел знакомое лицо. Молодой парень топтался у вагона с выражением явной маеты на физиономии. Коротко стриженный, одетый в спортивные майку и шорты, с золотым крестом на внушительной толщины цепочке, он держал руки в карманах и озирался по сторонам.

«Да-а, в Москве у такого кадра сразу бы паспорт спросили», – добродушно хмыкнул про себя Сашка. Рот сам собой растянулся до ушей, а ноги пошагали навстречу.

Этот парень приходился ему двоюродным братом со стороны матери. Он тоже заметил появившегося из вагона родственника, заулыбался, вытащил для приветствия руку из кармана, но озираться по сторонам не перестал.

– Здорово, братан! А я уж думал: куда ты делся? На поезд в Москве вроде сел, а здесь не сошёл. По дороге, что ль, потерялся?

Парень крепко пожал Сашке руку, обнял за плечи и как-то по-отечески потряс.

– Привет, Славик! – Прибывший из Москвы гость был искренне рад и не скрывал этого. – А я боялся тебя не узнать.

Шутка ли – десять лет не виделись! А вот – сразу узнал!

– Ага! – Славка уже подталкивал брата локтем, приглашая двигаться в сторону лестницы, ведущей вниз. Над лестницей виднелась надпись: «К вокзалу».

Сашка немного опешил. Он ждал волнующей встречи, каких-то киношных скупых мужских слёз, но ничего этого не было. Славка явно спешил и всем своим видом показывал, что надо ускоряться к выходу. Брат повиновался. Замелькали ступеньки, затем ларьки и палатки, торгующие всякой снедью прямо в здании вокзала, зловонно пахнуло туалетом. Славка шёл быстро, почти бежал.

– Ну как дела-то? Нормально? – бросил он на ходу и, получив положительный ответ, удовлетворённо кивнул.

Преодолев небольшую площадь с обязательным для бывших советских городов памятником посередине, парни свернули на автостоянку. Таксисты, пристающие ко всем, кто выходил из вокзала, при виде Славки замолкли и даже как-то посторонились.

Среди разномастных «жигулей», «лад» и «волжанок», в большинстве своём стареньких и грязных, на стоянке явно выделялось несколько иномарок. Люди, усаживаясь в отечественные автомобили, осторожно бросали в их сторону завистливые взгляды. Славка вытащил из кармана брелок с ключами от машины и нарочито небрежным движением нажал на кнопку. Серебристый «ауди» с тонированными стёклами приветственно пикинул и мигнул фарами.

– Это что? – удивлённо поинтересовался московский гость. – Твоя машина?

Брат молчал. Сохраняя озабоченное выражение лица, он снял с Сашкиного плеча сумку и бросил её в багажник.

– Послушай, я не понял, – помотал головой тот, будто отгоняя наваждение. – Ты что – на иномарке ездешь?

– А ты разве не видишь? – Славка пытался оставаться равнодушным, но заметно было, что его просто распирало от удовольствия.

– А это что? – Сашка ткнул пальцем в лобовое стекло, где, на куске картона были изображены российские флаг и герб.

– Пропуск, – лениво бросил родственник.

– Куда пропуск?

– А куда надо.

– Чиновников возишь?

– Ага. Одного. Чиновника. Садись давай! Семечек хочешь?

Сашка отказался. Послушно влез на переднее сиденье и, оставаясь в лёгком ступоре, потянул на себя ремень безопасности.

– Да брось ты его! – недовольно зыркнул Славка. – Не бойсь, не улетишь!

– А если оштрафуют?

– Не бойсь! – повторил водитель.

«Ауди» довольно резко снялся с места и на скорости, неприлично высокой для движения в районе парковки, по-

ехал в сторону шлагбаума, отгораживающего стоянку от шоссе. Там дежурил человек в зелёном жилете, явно желающий получить с выезжающих определённую мзду. Однако, завидев Славкин автомобиль, парковщик безропотно поднял шлагбаум, и «ауди» пронёсся мимо, обдав того пылью.

– Ты тут прямо как хозяин едешь, – произнёс Сашка, оглянувшись и наблюдая, как мужик отряхивает пыль с зелёного жилета.

– Ну не хозяин, а личный водитель хозяина, – наконец-то внёс ясность Славка. – Я, братан, большого человека вожу! Эту машину здесь каждая собака знает. И уважает. Если бы этот урод сейчас шлагбаум не открыл, я бы его снёс к чёрту. И ничего бы мне за это не было!

– А-а-а, – протянул московский родственник и откинулся на сиденье. От всего произошедшего в душе образовался неприятный осадок. Внезапно зависть нахлынула на него, сменившись затем стыдом.

«Ну зачем было так явно удивляться иномарке? – принялся корить себя Сашка. – В Москве, что ли, их не видел?» Хотя, если честно, в салоне подобного автомобиля он сидел впервые. В столице у него были знакомые владельцы машин, но всё отечественных. А чтобы вот так, на «ауди»... К тому же, Славка ещё и сам за рулём, а у Сашки даже прав нет.

Парень почувствовал явную неприязнь к сидящему рядом брату.

– А ты, оказывается, крут! – произнёс он. – Личный води-

тель – это звучит гордо!

Сашка постарался, чтобы его слова прозвучали иронично и даже с чувством превосходства. Подумаешь, личный водитель! Чтобы баранку крутить, особого ума не надо. Но Славка иронии или не заметил, или просто ею пренебрёг.

– А почему ты парковщика уродом обозвал? – решил внести дополнительную ясность московский родственник.

– А-а... Все они уроды, – ответил брат, сосредоточенно следя за дорогой.

– Кто – все? – не унимался парень.

– Все, – твёрдо произнёс Славка, поставив на теме жирную точку. Сашка возражать не стал. Как не стал и задавать вопрос: а кого именно снёс бы брат своей машиной, шлагбаум или урода, – справедливо полагая, что обоих.

«Ауди» летел по улицам города, лишь слегка притормаживая на светофорах, подрезая всех, кто попадался на пути, проскакивая на полной скорости пешеходные переходы.

– В общем, слушай сюда, – сказал Славка деловым тоном. – К матери тебя не повезу. Она в доме каждый закуток сдала – приткнуться негде. Сам понимаешь – сезон, надо деньги зарабатывать. В другое место поедем.

– В какое? – поинтересовался Сашка.

– Ко мне на хату. Хорошая квартира, с удобствами. Я там пока живу.

– Почему «пока»?

– Потому что «пока».

Славка явно не страдал многословием. Брат вздохнул и попытался снова наладить мосты.

– Ты сам-то как? – спросил он.

– В шоколаде, как видишь, – усмехнулся родственник, давя на педаль газа.

Больше Сашка не нашёлся, что спросить.

Машина выехала за городскую черту и стрелой понеслась по шоссе. Дорога была настолько узкой, что, казалось, со встречными автомобилями разъехаться нет никакой возможности. Сашка, привыкший к широким московским проспектам, инстинктивно поджал ноги от страха.

– Чё ты дёргаешься?! – захохотал Славка. – Не бойсь, не улетишь!

Парень опустил ноги и покраснел. Но брат, надо отдать ему должное, больше не смеялся.

Остаток пути ехали молча.

Славка сбросил скорость, повернул под «кирпич», не обращая ни малейшего внимания на стоящий тут же, на перекрёстке, автомобиль ГИБДД, затем повернул ещё раз и затормозил у подъезда обшарпанной пятиэтажки.

– Всё, братан, приехали – конечная станция.

Сашка покорно вылез из машины. Подхватил из багажника сумку, огляделся. Странно.

Почему-то ему казалось, что рядом с морем должны стоять исключительно санатории и пансионаты. А кроме мест

обитания отдыхающих, на курорте имеют право на существование романтические маленькие домики – двухэтажные, деревянные, со ставнями. Что навеяло такие образы – воспоминания детства, кинофильмы ли, книги, Сашка не знал. Но в воображении стояла именно такая картина: он в комнате на втором этаже одним движением распахивает оконные ставни и в дом врывается волна свежего, опьяняющего морского воздуха. Тёплый ветерок треплет волосы, заходящее солнце мягко ласкает лучами лицо...

Славка привёз его к обычному пятиэтажному зданию постройки шестидесятых годов. Грязный двор, мамыши с колясками, бабульки на лавочках. Не вязалось это с Сашкиными представлениями. И самое главное – никакого намёка на то, что где-то рядом есть море.

– А море-то где? – озвучил Сашка свою мысль.

– Щас объясню, найдёшь, – пробубнил родственник, локтем подталкивая брата к подъезду. Любопытные бабульки на лавочках впились глазами в лица парней, нисколько не стесняясь.

– Здравствуйте, – сказал им московский гость, чувствуя неловкость от такого внимания. Бабульки активно закивали.

– Здравсти, – процедил Славка, тоже обращаясь к пенсионерам, но при этом глядя куда-то поверх их голов.

Подъезд тоже был неимоверно грязным. Облупленные стены, исписанные матерщиной, искорёженные ряды почтовых ящичков, углы, нестерпимо воняющие мочой. Однако

дверь квартиры на втором этаже, которую Славка принялся открывать, была новой и добротной. Но ещё больше удивился Сашка, когда перешагнул порог своего будущего пристанища. Крохотная однокомнатная «хрущёвка» блестела, как конфетка. Присвистнув, московский гость поставил сумку на пол и прошёлся, заглядывая во все двери. Подивился на кухню с встроенной бытовой техникой, на полукруглую ванную, на зеркала, подсветку и роскошные обои. В Сашку, московское жилище которого «щеголяло» ремонтом двадцатилетней давности, подобная обстановка вселяла щенячий восторг.

– Это что – твоя хата? – с плохо скрываемой завистью спросил он у Славки.

– Сейчас моя, – последовал ответ.

– Сейчас твоя? А завтра?

– И завтра моя.

Манера брата говорить загадками начинала раздражать.

– Я всё-таки не понимаю, Слав. Откуда у тебя эта квартира?

– Ладно, не парься, – родственник решил пожалеть недоумевающего Сашку и открыть карты. – Это шефа моего хата. Сейчас временно я тут обитаю. По семейным обстоятельствам. Теперь ты тут поживёшь.

– А ты?

– Что – я?

– Ты разве тут жить не будешь? Вместе со мной?

– А спать я тоже буду вместе с тобой? – усмехнулся Славка. – Спальное место одно.

Брат кивнул на чёрный кожаный диван, стоящий у стены.

– Нет, я к матери поеду, у неё поживу, – пояснил он.

– Ты же сказал, она все углы в доме сдала? – не отставал родственник.

– Мой угол свободен, – заверил Славка.

Сашка неуверенно переминался с ноги на ногу.

– А твой шеф меня отсюда не выгонит? – спросил он.

– Не бойсь, всё договорено.

– Неловко как-то...

– Неловко штаны через голову надевать, – отрезал брат.

– Да? Ну, тогда спасибо.

– Располагайся, не стесняйся, – предложил Славка. –

Шмотки в шкаф можешь повесить, там места полно. Холодильник пустой – уж извини. Да ты, наверное, на пляж сразу пойдёшь. Там, на набережной, кафешки разные – можешь пообедать. Бабки есть? Или одолжить?

– Что? – не расслышал Сашка. Он никак не мог собраться и взять себя в руки.

– Бабки, спрашиваю, есть? – повторил свой вопрос брат, с усмешкой наблюдая за ним.

– А? Деньги? Есть, да, конечно.

– Шашлык возьми – шашлык здесь вкусный. Ну, чё еще? А, держи ключи. Это будут твои, у меня свой комплект. Я на работу поехал – мне ещё шефа домой отвезти надо. Вечер-

ком заеду. А не заеду, так позвоню. Давай, будь! – протянул Славка руку.

– Ага, пока, – ответил родственник, пожав протянутую ладонь. – А как на пляж-то пройти? – спохватился он.

– Из подъезда направо, а потом в гору. Там спросишь. Пока!

Вытащив из кармана горсть семечек, брат повернулся и вышел из квартиры.

Сашка остался один. Выглянул из окна кухни, посмотрел, как Славкин «ауди» резко сдал назад, чуть не врезавшись в скамейку с пенсионерками и, вспугнув стаю голубей, скрылся за поворотом.

Парень присел на стул. Попытался справиться со смятением. Было стыдно и немного обидно за себя. Чёрт, в двадцать пять лет пора научиться контролировать свои эмоции. А он, как детсадовец, раскрыл рот при виде ярких игрушек – красивой машины и шикарной квартиры. То, что Славкины машина и квартира достойны эпитета «шикарные», Сашка даже не сомневался. Не смущало московского гостя и то, что настоящим владельцем сих предметов роскоши являлся некий загадочный «шеф». Брат всем этим пользовался, а значит, остальное оставалось за кадром и не имело значения.

* * *

Своего двоюродного брата Сашка не видел десять лет. Собственно, они и до этого не часто встречались. Славкина

мать, родная сестра Сашкиной матери, вышла замуж за моряка и уехала из подмосковного отчего дома на юг России. Сашкина мать тоже вышла замуж, но супруг увёз её в другом направлении – в Москву. Так получилось, что братья появились на свет в один год. Славкин отец всю жизнь проходил в море матросом, честно вкалывал, хотя изредка и выпивал.

А вот про своего отца Сашка мало что знал. Мать часто рассказывала, что его родитель был безумно красив. Московские художники писали картины с его мощного торса и вдохновлялись совершенными чертами лица. Говоря проще, папаша работал натурщиком. Как любой настоящий служитель богемы – а именно таковым он себя и считал, – папёнька очень любил выпить. Его мощным торсом вдохновлялись, естественно, не только художники, но и художницы. Страсть к спиртному и женщинам, а также хроническое безденежье отца до добра не довели. Сашкина мать ушла от него через год после рождения сына. Папёнька с бывшей семьёй не общался, алиментов не платил. Сашка и не видел его никогда, если не считать нескольких фотографий и одного портрета, писанного кем-то с идеального отцовского лика.

Однажды зимой, когда Сашке было шестнадцать, мать пришла с работы и хмуро бросила:

– Отец твой умер.

Сашка молча поднял на неё глаза, в которых стоял немой вопрос. Он не знал, как ему надо реагировать на это изве-

стие. Мать поняла вопрос по-своему.

– От водки умер. Под забором, как собака. Пьяный в сугробе замёрз, – пояснила она.

Больше они с матерью никогда на эту тему не говорили.

Славка, росший в провинции, в школе был троечником и задирой. Москвич Сашка тоже отличником не был, но троек в дневнике не носил. А ещё он унаследовал папенькину тягу к прекрасному. Но, если папаша прекрасное понимал весьма своеобразно, то у сына была тяга к книгам. С детства он читал запоем. Книги были его страстью, единственной и неповторимой любовью. Сашка всегда получал пятёрки по литературе, а сочинения писал лучше всех в классе. И если Славка после восьмилетки закончил ПТУ и пошёл служить в армию, то Сашка дотянул десять классов и отправился поступать в МГУ на факультет журналистики. К своему собственному удивлению, поступил.

Шёл 1991 год. Августовский путч перевернул всю страну. Распадался Советский Союз, разваливались предприятия, росли цены, люди месяцами сидели без заработной платы.

Сашка учился в университете. Он жил, наблюдая за происходящим как будто со стороны. Утром ходил на лекции, после обеда пропадал на тренировках в бассейне. Парень занимался плаванием и имел разряд мастера спорта. А вече-

ром его всегда ждал вкусный ужин, приготовленный матерью. Как и откуда мать брала продукты, чтобы накормить его, парень не задумывался. Раз на столе стоит тарелка и в ней есть еда, значит, всё хорошо.

В университете царил сумбур. Систему преподавания, формировавшуюся десятилетиями, требовалось враз сломать и перевести на демократические рельсы. Преподаватели пытались на скорую руку накопать новый курс лекций. Оставив бесплодные попытки, возвращались к старым, отработанным методам образования. И терялись под напором студентов, жаждущих перемен и не желающих изучать устаревшие, по их мнению, науки. Преподаватели не знали, что преподавать. А студенты просто не хотели учиться – во всеобщей неразберихе им было весело.

Сашка во всём этом не участвовал. Он расслаблялся за партой и закрывал глаза, дабы не раздражать их зря. Глаза созданы, чтобы созерцать прекрасное, а не орущих сокурсников.

Сашка был красив. Папенькины гены сделали своё дело. Парень унаследовал от отца и мощный торс, и совершенные черты лица. В отличие от своих товарищей, Сашка любил сдавать экзамены. Во-первых, он продолжал много читать и много знал. А во-вторых, преобладающим большинством преподавателей были женщины. Сашка смотрел им в глаза.

Не стесняясь. Просто говорил и смотрел. Женщины тушевались. Все. И молодые, и пожилые. Сашка засекал время. Через полминуты женщины переставали слышать, что говорил красавец студент. А ещё через пять минут ставили в зачётку «отлично».

Однкурсницы просто были скучны для Сашки. Они падали к его ногам, как скошенная трава. Он перепробовал их всех. В студенческом общежитии всегда находилась свободная койка. Некоторые из студенток приглашали его к себе домой. Сашка приходил – почему нет? Иногда даже знакомился с чьими-то родителями. И быстро забывал об очередной подружке, когда появлялась новая.

Были только две вещи, которых он никогда не допускал – беременность (за этим он следил всегда сам) и секс у себя дома. Дома не было места – они с матерью жили в однокомнатной квартире.

Так прошли для Сашки пять студенческих лет. В МГУ, слава богу, была военная кафедра, поэтому в армию он не попал. Страну все эти годы трясло, лихорадило, крючило и корёжило. Кто-то там кого-то убивал, делил какую-то собственность, захватывал какую-то власть. Сашка во всё это не вникал. А когда вышел из стен родного вуза, вдруг осознал, что надо вступать в жизнь и идти зарабатывать деньги.

Почему-то он оказался к этому не готов.

Шёл 1996 год. Имея диплом журналиста, Сашка сумел устроиться в одну небольшую газету. Получил скромный оклад в три с половиной миллиона рублей минус налоги.

А дальше надо было проявлять себя: бегать, искать материал, выпрашивать интервью, предлагать новые идеи. В общем, как говорят, «крутиться». И не просто «крутиться», а вкалывать день и ночь. У журналистов, как известно, ненормированный рабочий график. Сашке это не нравилось. Работать должен трактор – он железный.

В университете его научили потреблять знания – и только. Работать – не научили. А еще молодой выпускник МГУ умел сдавать экзамены женщинам.

Но в газете эти его умения никому не были нужны.

Мать начала роптать. Ей не нравилось, что повзрослевший сын живёт с ней в одной комнате. Сашке тоже это не нравилось – без студенческого общежития оказалось, что ему некуда водить женщин. Но перспектива жить без матери пугала. Парень был большим мальчиком и понимал, что, кроме неё, тарелку с вкусным ужином на стол никто не поставит.

Деньги стали для Сашки большим вопросом. Мать требовала, чтобы сын отдавал ей часть зарплаты. Он не хотел. Трёх миллионов едва хватало ему на собственные нужды: проезд

до работы, обед в столовой и покупку кое-какой одежды. А ещё была голубая мечта – машина. И совсем уж нереальная голубая мечта – квартира. Пусть небольшая, однокомнатная, но обязательно с ремонтом. Потому что жить без ремонта – это всё равно что жить в хлеву. А в хлеву должна жить скотина, но никак не Сашка. А когда будут квартира и машина, можно жениться. Чтобы жена ставила на стол тарелку с вкусным ужином. Тогда мать пилить перестанет.

* * *

Мысли о еде напомнили Сашке, что он голоден.

Как и обещал брат, холодильник оказался пустым. Пустотой зияли и кухонные шкафчики – не было даже чая и сахара. Тоскливо оглядев сие хозяйство, московский гость решил, что в поисках пропитания лучше всего воспользоваться советом и идти в кафе.

Парень вышел из подъезда, пересёк двор и, провожаемый внимательными взглядами бабулек на лавочках, повернул к морю. Тёплый летний ветер подул в лицо, и Сашка понял, что идёт в нужном направлении. Откуда ещё в приморском посёлке может дуть ветер? Только с моря. Но пока перед глазами возникла лишь асфальтовая дорога, ведущая вверх. Вожаделённой глади видно не было. «Что это за курорт такой, до моря никак не доберёшься, – мелькнула ворчливая мысль. – Теперь вот ещё в гору идти».

Улица, по которой шёл журналист, была довольно пустынной. Лишь несколько редких прохожих так же, как и он, от-

дуваясь, тяжело шагали вверх.

Преодолев подъём, Сашка оказался на перекрёстке. «Улица Ленина», – гласила табличка на одном из домов. «Значит, я в центре посёлка», – догадался парень.

Самая большая и широкая улица любого российского населённого пункта почти всегда носит имя Ленина. Что поделаешь – наследие советского прошлого.

Дом с табличкой не имел ничего общего с пятиэтажкой, в которую брат поселил Сашку. Небольшое, двухэтажное кирпичное строение с остроугольной коричневой крышей, со ставенками на окнах и цветочными ящиками на балконах кокетливо выглядывало из-за раскидистых дубов. И дальше, насколько хватало взгляда, стояли невысокие, будто сказочные, домики, утопающие в зелени. Сашка невольно остановился. Вот где он хотел бы жить! Распахивать оконные ставни и вдыхать запах моря. Домик мечты, домик из сна. Можно даже обозначить его как несбыточная голубая мечта номер три. Машина, квартира и домик у моря. Что ж, список желаний пополнился. Где бы ещё золотую рыбку найти? Сашка грустно усмехнулся.

А море уже шумело где-то, совсем близко. Уже отчётливо слышался рокот прибоя, и, наконец, когда деревья расступились, синяя масса пенной воды, искрящаяся и переливающаяся, оглушила и ослепила его. Парень даже остановился и на миг зажмурился – таким ярким ему показался этот мир воды, солнца и прозрачного, дрожащего воздуха. Мир, напол-

ненный криками чаек и мягким шумом волн, мир широты пространства и ощущения простора и свободы.

Неужели он добрался до моря!

* * *

Все обитатели мегаполисов рано или поздно начинают страдать от тесноты. Проведя ночь в крошечной квартире, городской житель выходит на улицу и попадает в давку общественного транспорта или автомобильную пробку. День его протекает в узком пространстве офисного помещения, где на комнату в двадцать метров приходится четыре-пять рабочих столов его коллег.

Битком набитые вагоны метро, очереди в супермаркетах, толпы на автобусных и трамвайных остановках. Места отдыха тоже всегда полны людей. Хочешь посидеть с девушкой в кафе – подожди, пока освободится столик. В театрах и кинозалах практически всегда аншлаг. Летом на немногочисленных городских пляжах – тех, которые еще можно посещать с минимальным вредом для здоровья, – в солнечные дни яблоку негде упасть.

Теперь вы понимаете, что ощущает обитатель мегаполиса, выбравшись на простор?

* * *

Сашке хотелось прыгать и орать от счастья. Так ведёт себя собака, которую отпустили с поводка и дали порезвиться вволю. Он набрал полную грудь воздуха, желая заорать, что

есть мочи, и... выдохнул. Что поделаешь – цивилизованный человек не может вести себя, как дикарь. Покосился по сторонам – не заметил ли кто его щенячьего восторга, и степенно пошёл вдоль по набережной.

Так вот почему улицы посёлка пустовали – все люди переместились на побережье. Широта морского простора оказалась не более чем пейзажем, на фоне которого суетная жизнь продолжала свой бег. Вся набережная была уставлена пластиковыми столами, стульями, деревянными скамейками и широкими зонтами, под которыми жевала, потягивала пиво и тупо смотрела пустыми глазами в пространство многочисленная людская толпа. Невероятное количество людей расположилось на пляже под палящим солнцем. Тётки сверкали целлюлитными ляжками, бегали и визжали дети, маялись от безделья отцы семейств. Но Сашка не смотрел на них. Забыв о голоде, он торопливо спустился по ступенькам, ведущим с набережной на пляж, скинул одежду и ступил в море.

Тут же спиной ощутил женские взгляды, направленные в его сторону, и досадливо повёл плечами. Сейчас ему было не до этого – очень уж хотелось искупаться.

И Сашка нырнул в тёплые волны. Вынырнул и, сильными гребками рассекая воду, поплыл от берега.

Раньше мать вывозила его на море каждое лето. Работая в системе «Интурист», она имела такую возможность. Сашка объездил всё черноморское побережье: Ялту, Севастополь,

Геленджик, Сочи. Но после развала Союза путёвки давать перестали, а потом и вовсе уволили мать по сокращению.

Сашка любил плавать в море и не боялся заплывать далеко. С презрением относился к тем, кто трусил или у кого попросту не хватало здоровья соперничать с волнами. Сам он всю жизнь занимался спортом и сейчас уверенно и сильно бросал своё тело вперёд, дальше от берега, безумно наслаждаясь водой. Он привык доплывать до буйков и сейчас пытался найти глазами хотя бы одну красную точку, пока, наконец, понял, что буйков нет. Их забыли или попросту поленились выставить. Сашка перевернулся на спину и распластался на воде, мягко и даже вальяжно покачиваясь. Минуты утекали одна за другой, он потерял им счёт.

Какая-то слизь скользнула по коже, парень брезгливо дёрнул рукой. Слизь заскользила снова, неприятно обволакивая руки и ноги. Целый сонм желеобразных медуз с прозрачными куполами-зонтиками окружил его. Вздрагивая от отвращения всем телом, парень поспешил покинуть неприятное для себя общество, радуясь, что не успел получить ожог. Выбравшись на чистую воду, он решил плыть назад, к берегу. И тут понял, что обратный путь уже не будет таким приятным – суши почти не было видно.

В такой ситуации главное – не поддаваться панике. Сашка сделал глубокий вдох и перешёл на кроль. Он чувствовал, что силы ещё есть. Чем бояться, лучше активно работать но-

гами, а уж они зададут темп рукам. Раз! – вдох, раз-два! – выдох. Только бы ногу не свело. Темп, ещё раз темп, и активнее ногами. Раз! – вдох, раз-два! – выдох. Ощувив усталость, парень переключался на неторопливый брасс и восстанавливал силы. В одну из таких передышек Сашка обратил внимание, что пляж, переполненный людьми, остался в стороне, как бы сместился влево. А та полоска земли, до которой он пытался добраться, была каменистой, и отдыхающие явно обходили её стороной. К тому же на этом участке моря никто не купался. Ещё один рывок – и Сашка почувствовал под ногами камни. Случилось это почти у самого берега. В изнеможении он выбрался из воды и сел, отплёвываясь и вытирая лицо.

– Эй, парень, ты живой?

Невысокий пожилой дядечка в застиранной рубашке и потёртых брюках стоял перед Сашкой. Седые волосы обрамляли аккуратную плешь, добрые глаза неопределённого цвета озабоченно смотрели на пловца. В руках дядька держал стоптанные ботинки.

– Вроде, живой. – Сашка с трудом переводил дыхание.

– Пьяный, что ли? – В голосе дядьки звучала тревога.

– Да нет, голодный, – усмехнулся парень.

– Что? Голодный? А не пьяный?

– Да не пьяный, не пьяный!

– Куда ж тебя чёрт понёс, если ты не пьяный?! Здесь же дна нет! – всплеснул ботинками пожилой дядечка.

– Как дна нет? – удивился Сашка.

– А так. Яма здесь. Видишь – никто не купается. Одного тебя, дурака, занесло! Хорошо, что доплыл! А если бы ногу свело?! – кипятился дядька.

– Я не знал, что здесь яма.

– Не знал... А в воду ты как заходил?! На крыльях влетел?!

– Я не здесь заходил.

– Не здесь? А где?

– Вон там, где народу много.

Дядька повернул голову в указанном направлении и при-
свистнул:

– Ничего себе! Это в какую ж даль ты заплыл, что тебя так течением снесло? А? Пловец? Олимпиец? Это сколько ты проплыл? Километров десять туда-обратно? Когда назад поворачивал, берег видел? Или одни суда дрейфовали? – Мужчина присел возле Сашки. – Чего молчишь?

Парень прищурился и смерил говорившего пристальным взглядом. Дыхание его уже практически восстановилось. Тираду в свой адрес он действительно проигнорировал.

– Мне одежду надо найти, – произнёс он.

– Одежду? А где ты её оставил, помнишь?

– Сразу возле лестницы.

– Возле лестницы... Здесь штук десять этих лестниц. Возле какой именно?

– Там асфальтовая дорога к набережной шла.

– Асфальтовая дорога, набережная... Пошли, найдём.

Вставай, олимпиец! – Дядька протянул Сашке руку.

Парень глянул на протянутую ладонь и встал сам. Мужчина посмотрел на него с уважением.

– Слышь, олимпиец, тебя как звать-то?

– Александр.

– Угу, Сашок значит. А меня Павел. Дядя Павел. Пошли здесь, по кромке – удобнее будет.

И они направились в сторону набережной, плюхая босыми ногами по воде.

– А я вон там, на маяке работаю. – Дядька кивнул на полосу, красно-белую башню, возвышавшуюся над берегом. – Там же и живу. Иду домой, смотрю – чья-то башка в волнах ныряет. И прямо на яму идёт. Ну, думаю – не дотянет пловец. Побежал на «спасалку». Во-он она, там, на общественном пляже. – Дядя Павел указал на облезлый домик спасательной станции, стоящий вдалеке. – Думаю, сейчас Лёшке скажу – он на моторке сгоняет, глянет. А этого чёрта и нет – на обед, видать, ушел. И помощничков его сопливых тоже не видать. Небось, в кафешку пиво сосать пошли. А ведь должны неотрывно дежурить, по очереди на обед ходить. А они только и глядят, как бы смотаться или водки нажраться. Сядут и пьянствуют, вместо того чтобы за народом следить.

Сашка шёл молча, до ворчания спутника ему дела не было. Дядя Павел продолжал:

– Здесь море опасное. Это я тебе говорю, чтоб знал и дурью не маялся, не заплывал бог знает куда. Здесь тебе не ли-

ман, где по воде километр можно прошагать и всё воробью по колено. Здесь такие места есть – два шага шагнул и с головой ушёл. У нас когда-то пол-отряда пионеров утонуло... При социализме ещё. Так же вот, в яму попали, и в воронку затянуло...

– Да не тонул я, дядя. Я плавать умею, – возразил Сашка.

– Э-э, умеешь... Лучше б не умел! Кто плавать не умеет, тот и не тонет. Тот просто на глубину не лезет. Так, у бережка поплещется, и ему хватает. А тонут как раз те, кто хорошо плавает и лезет куда не надо. Сегодня ещё штиль, а если б волны были? Тогда что?

– Что?

– Башкой об камни – вот что. Знаешь, сколько таких олимпийцев, как ты, за сезон тонет? Семь-восемь человек, а в прошлом году десять утопло. И все приезжие, отдыхающие, да по пьяни. Они думают, если они у себя в Москве бассейн два раза переплывают, то и море по колено. Ты вот тоже из Москвы небось?

– Небось, – согласился столичный житель.

– Вот. Я так и подумал. Уж больно вы, москвичи, в себе уверенные. А стихия-то, ей без разницы, уверен ты в себе или нет, по башке даст – и до свиданья. Мать-то есть у тебя?

– Есть. – Сашке уже порядком поднадоела эта лекция.

– Вот. А ты о матери подумал, когда тонуть собрался?

– Да не тонул я, дядя! – раздражённо отрезал парень. – Я мастер спорта по плаванию! Спасибо за заботу. Дальше я

сам дойду.

И он зашагал к уже виднеющемуся знакомому спуску. Потом всё-таки приостановился и бросил:

– До свидания!

– До свидания, – грустно вздохнул дядя Павел. – Не тони больше, олимпиец!

Взгляд дядьки упал на две бутылки из-под пива, валяющиеся в песке. Подобрал их, дядя Павел тоже отправился восвояси.

Глава 3

Славка Воробьёв, развалившись на удобном сиденье «ауди», одной рукой держал руль, а другой кидал в рот семечки, лущил их и сплёвывал шелуху в открытое окно.

Покинув брата, парень поспешил на работу. Его начальник, Степан Васильевич Штырь (для своих просто Васильич), был владельцем и генеральным директором местного винно-водочного завода. Славка служил у него личным водителем. Шеф был мужиком не зажимистым и пользоваться служебным транспортом для своих нужд парню разрешал. Будучи на короткой ноге с местными властями, Васильич снабдил набором атрибутов, обеспечивающих беспрепятственный проезд в любую точку области, все принадлежащие заводу машины. Вот и на лобовом стекле «Ауди» красовался гербовый пропуск, открывающий дорогу даже на закрытые государственные объекты, а в багажнике лежал синий проблесковый маячок. Но серебристую иномарку с тонированными стёклами все посты ГИБДД знали и так и никогда не останавливали даже за грубое нарушение правил.

Сегодня пятница, и в два часа дня водителю надлежало уже стоять под окнами кабинета начальника. Васильич в принципе не любил задерживаться на работе, а пятница вообще святой день – работать вредно для здоровья. Особен-

но после обеда. Поэтому дольше чем до двух Штырь торчать на заводе не желал. Славка должен был везти шефа домой, в загородный особняк. Особнячок был выстроен на морском побережье, километрах в двадцати от города. «Скромный» домик на тысячу квадратных метров, расположенный на участочке в полгектара земли. Там проживало малочисленное семейство Степана Васильевича – жена да тёща.

Подъезжая к зданию завода, Славка сбавил газ и аккуратно, можно даже сказать, чинно припарковал автомобиль на отведённое ему место. Посмотрел на часы – слава богу, успел, приехал даже на полчаса раньше. Неторопливо выбрался из машины и вразвалку подошёл к охраннику, стоящему на входе. Тот приветственно кивнул:

– Чё, передать, что ты на месте?

– Ага, – сказал водитель. – Жду.

И направился назад к машине, слыша, как охранник докладывает по рации о его приезде.

– Эй, Славк! – понеслось вдогонку. – Васильич сказал, машину сменить! «Мерина» возьми! Нового!

– А эту куда? – обернулся Воробьёв. – В гараж?

– Ща спрошу. Ага, в гараж!

Через двадцать минут Славка уже восседал за рулём новенького шестисотого «мерседеса». Васильич приобрёл эту машину совсем недавно, и парень не успел ещё к ней привыкнуть. Сиденья, обтянутые светлой кожей, пахли новизной, руль приятно ласкал ладони, передняя панель мерца-

ла множеством непонятных значков и кнопок, которые ещё предстояло изучить. Главный, на Славкин взгляд, атрибут роскоши – встроенный телевизор – транслировал футбольный матч. Картинка была отвратительной – чёрно-белой, с помехами. Но удовольствия от просмотра это всё равно не портило.

Стрелки часов ещё не успели показать два, а двери проходной уже распахнулись, и оттуда выплыла грузная фигура шефа в сопровождении начальника охраны завода.

Васильичу было сорок шесть лет, но выглядел он на все шестьдесят. Нежная любовь к выпивке и жирной пище сделали его толстым и обрюзгшим. Позади генерального маячила парочка здоровенных ребят в отглаженных костюмах – телохранители, которых тот иногда брал с собой для пущей важности. Славка, забыв про свою вальяжность, суетливо выскочил из машины и распахнул перед шефом заднюю дверцу. Но Васильич сразу садиться не стал, а сперва обошел «мерседес» кругом, одобрительно похлопывая его по бокам, как породистого рысака.

– Какую я лошадку приобрёл, а, Серёж? – обратился он к начальнику охраны.

– Хорошая лошадка, – растянул губы в ниточку тот, изображая улыбку.

– Отличная лошадка, – пропыхтел шеф. – Как раз мне по рангу. Даже у нашего мэра такой нет! Да, Славик? – Взор генерального упал на водителя. – Ты, двоечник, все кнопки

на панели изучил? Куда-зачем нажимать, знаешь?

Шеф явно был в хорошем расположении духа, и вопрос прозвучал больше насмешливо, чем строго.

– Все! – Славка моментально уловил настроение Васильича и решил пошутить:

– Как на рояле могу сыграть! Сонату Моцарта!

– Сонату... Бреешь небось опять. – Шеф принялся записывать своё объёмистое тело на заднее сиденье. – Инструкцию хоть открывал?

– Открывал, Степан Васильич!

– Открывал... Ладно, сейчас проверю.

– Степан Васильич, мне куда садиться? – Начальник охраны решил переключить внимание генерального на себя. – К вам или в машину сопровождения?

Тот шумно вздохнул.

– Сзади езжай. Мне тут одному в самый раз, а с тобой тесно будет.

– Степан Васильич, в целях безопасности хотя бы один человек из охраны должен сидеть рядом с вами.

– Да ладно – в целях безопасности! – отмахнулся тот. – Ты с твоими молодцами мне больше для эскорта нужен, чем для безопасности. Валяйте в «козёл».

Сергей молча захлопнул дверцу. Небольшой кортеж из двух внушительных автомобилей – шестисотого «мерседеса» и «гелендвагена», который Васильич ничтоже сумняшеся обозвал «козлом», – тронулся с места.

– Куда едем? – поинтересовался Славка. – Домой?

– Нет, сначала в ресторане пообедаем, – пропыхтел генеральный.

– В «Прибое»? – уточнил водитель.

– В «Прибое» – где ж ещё. Больше у нас в городе ничего приличного нет, – высказал своё мнение Васильич и добавил: – Кондиционер-то включи! Жарища...

Пропустив мимо ушей последнюю просьбу, Славка послушно порулил в указанном направлении.

– Ну что, брата встретил? – поинтересовался шеф.

– Встретил, Степан Васильич, – последовал ответ.

– Ну и как?

– Да нормально.

– Узнал хоть его? После десяти лет-то?

– Узнал, – кивнул водитель. – Да он и не изменился почти. Десять лет назад такой же был.

– Понятно... А чем он у тебя занимается? В смысле профессия какая?

– Журналист в какой-то газете. Забыл название. Мать говорила, заумная какая-то газета – такая, что и читать не будешь

– Я-ясно, – протянул шеф. На его широком лице проступили капли пота. – Ты кондиционер включил или нет, не пойму?

– Включил, Степан Васильич, а как же! – заверил Славка.

– Так не дует ни черта! – возмутился генеральный.

– Как не дует? Дует. Я уже замёрз, вообще!

– Ты замёрз! Так он на тебя дует, вот ты и замёрз! А ты включи, чтоб на меня дул!

Васильич недовольно заёрзал на сиденье. На Славкином лице отразился мучительный мыслительный процесс. Куда нажимать, он явно не знал. Наконец ткнул в первую попавшуюся кнопку.

– Извините, Степан Васильич! Всё – включил.

– Что ты включил, я опять ничего не чувствую!

– Просто до вас холодный воздух пока не дошёл! Через минуту почувствуете, – изо всех сил выкручивался Воробьёв.

– Через минуту? Ну ладно. Врёшь небось, – проворчал шеф. – Опять инструкцию не прочитал...

Шумно дыша, он направил раздражённый взгляд за окно.

– Ну а как твой брат... как, кстати, его зовут?

– Сашка.

– Ну, а как твой Сашка на машину отреагировал? – решил Васильич продолжить допрос. – Он в такую и не садился небось никогда, только издалека видал!

– Да он пропуск на стекле увидел – понял, что не моя, – ответил Славка.

– Ну, естественно, не твоя. Но всё равно – оценил? Двигатель там, амортизаторы, навороты всякие...

– В «ауди» наворотов-то мало, – пожал плечами водитель.

– Да ладно – мало! В общем, ничего твой брат не оценил, –

вынес вердикт генеральный.

– Не, он не понимает.

– Да уж куда ему с журналистской зарплатой в машинах понимать! В своей Москве только на метро небось и ездит... Славка! – выпрямился в кресле Васильич.

– Что? – дёрнулся тот.

– Где обещанный холодный воздух? Я сейчас закиплю тут к чёрту! Минута уже прошла!

– Он дует, Степан Васильич, – засуетился Воробьёв. – Просто пока тёплый, не остыл ещё. На улице слишком жарко. Может, вам пока окошко открыть?

– Вот ещё – буду я пылью дышать. – Шеф недовольно осел назад. И после паузы продолжил: – Ну, от квартиры твой брат точно обалдел! – уверенно заявил он.

– От квартиры – да, – согласился Славка. – «Твоя, что ли?» – спрашивает.

– А ты чего?

– А я говорю: «Да, моя!»

– Поверил? – усмехнулся генеральный.

– Да я потом сам признался, что не моя.

– Ну и зря. Пусть бы думал, что ты – парень не из простых. Пусть бы обзавидовался! Им, москвичам, полезно ихнее место указывать. А то они больно много о себе думают! Понаедут тут и пальцы загибают, – пропыхтел Васильич.

– Да нет, Сашка не такой, – помотал головой водитель.

– Ну, может, и не такой... Хотя мало верится... А осталь-

ные все такие! Сидят там, в своей Москве, жируют. К стране, как пиявки, присосались. Вот и надо им в нос тыкать, что мы тоже люди не бедные!

– Всё равно бы кто-нибудь сказал, что это ваша квартира. Красней потом, – отмахнулся Славка.

– Кто же это скажет? – поднял брови Штырь.

– Да хоть мать моя или бабки на лавочке. А то ещё Миледи, если вдруг заявится.

– Миледи? – Упоминания этого имени шеф явно не ждал, что отразилось на его лице. – При чём тут Миледи?

– Как при чём? – удивился Воробьёв. – А вдруг приедет?

– Нет, не приедет. Не приедет она больше. – В голосе генерального послышались грустные нотки.

Славка уловил интонацию и заботливо глянул на шефа в зеркало заднего вида.

– Жалеете, Степан Васильич?

– Нет, – отрезал тот. Но потом засомневался: – А вообще, не знаю... Весело с ней было. Заводная баба. Как выпьет, на столах выплясывать любила. Помнишь, как тогда, в ресторане этом?

– В «Кипарисе»? – услужливо подсказал водитель.

– Да-да, в «Кипарисе»!

* * *

«Миледи» было прозвищем одной известной в своё время актрисы, блиставшей в молодости в советских фильмах, а ныне исчезнувшей с экранов. Несколько лет назад она объ-

явилась здесь, в курортном городе. Занесло её сюда ветром путча, дефолта, безработицы и прочих несчастий. В те годы, в начале 90-х, киноиндустрия новой России пришла в упадок. Алису Павлову, как и многих других актёров, перестали приглашать на съёмки. Будучи невостребованной в профессии, она уехала из Москвы. Как и зачем она попала на Черноморское побережье, не знал никто. Зато здесь, на курорте, бывшая звезда советского кино ухватила удачу за хвост – ей подвернулся Штырь. «Миледи», как её прозвали местные жители за красоту, строптивый нрав и житейскую хитрость, свой шанс не упустила. Став любовницей Васильича, она опустошала его кошелёк регулярно и на весьма крупные суммы. Но тот об этом несколько не жалел. Взамен Алиса устроила в жизни директора завода настоящий праздник – организовала кинофестиваль. Её не смутил даже тот факт, что на Черноморском побережье уже активно существовал сочинский «Кинотавр». Миледи придумала своё название, хотя и неоригинальное – «Кинокараван» – и начала действовать.

Наприглашала массу знаменитых актёров и режиссёров, которые взяли да и согласились приехать.

Десять дней побережье сотрясали шумные банкеты, фейерверки, пьянки и гулянки. Почему-то именно так Миледи представляла себе кинофестиваль. Она сумела напоить всех, причём к утру мало кто вспоминал, а зачем он, собственно, сюда приехал. Позабыли и про фильмы. Впопыхах, между

попойками, присудили кому-то Гран-при и пошли отмечать это событие в ресторан.

Васильич, как спонсор, играл в этом предприятии главенствующую роль. Ему страшно нравилось находиться среди звёзд, закатывать для них банкеты и сутками напролёт пить с ними на брудершафт. Чувствовать, так сказать, свою причастность к большому искусству, сеять разумное, доброе, вечное. Вся эта фестивальная кутерьма тогда встала Штырю в копеечку, но он был только рад.

Для интимных встреч с любовницей Васильич прикупил небольшую квартирку и оборудовал там уютное гнёздышко. Алиса милостиво согласилась какое-то время в ней пожить. Но ближе к зиме на курорте ей стало скучно. Бросив и Штыря, и квартиру, она вернулась в Москву.

* * *

– Да-а, тогда она наклюкалась – будь здоров! – хохотнул Славка. – И все её киношники с фестиваля тоже в «отключке» были. Один там, помню, разулся, босые ноги на стол задрал и чёрную икру из банки наворачивал столовой ложкой. Икра из банки сыплется, все на ней подскальзываются и падают. Та-акая куча мала была!

– Точно! – Васильич тоже засмеялся. – Вот как раз тогда Миледи по столам-то и пошла. Дескать, на полу скользко, так я по столу до туалета дойду. И правда почапала! Рюмочки только – дзынь-дзынь – падают! У официантов глаза на лоб!

Смехота!

– Ага, народ-то – одни знаменитости собрались. По телевизору та-кие все серьёзные. А тут нате – нажрались, как свиньи.

– Ну так на халяву-то чего не нажраться, – резонно заметил Васильич. – Платил-то кто? Винно-водочный завод. В такую сумму банкетик тот вылился – страшно вспомнить... – Да ну её, эту Миледи! – махнул рукой он. – Укатила в свою Москву, и чёрт с ней. Кстати, ты в курсе, как она улетала?

– Не-а, – помотал головой водитель. – А чё было?

– Чё было... С бодуна, как всегда, глаза еле продрала, глядь – на рейс опаздывает. Пока до аэропорта добралась, самолёт уже на взлётную полосу выруливать начал. Ну она же крутая мадам, у неё сотовый телефон ещё тогда был. Она давай с этого телефона начальнику аэропорта звонить: «Задержи, – говорит, – самолёт, на пять минут, я на борт сяду!»

– Надо же! – удивился Славка. – Я эту сплетню не знал! И что, задержали?

– Какая сплетня! Правда всё! Мне потом сам начальник аэропорта и рассказывал! – возмутился генеральный. – Задержали – почему нет? Решили «приколоться» напоследок. Трап-то уже отогнали, самолёт на взлётной полосе стоит. Как в него влезешь? Если только сам взлетишь. Весь аэропорт к окнам прилип – что же она делать будет.

– Ну и что она? Требовала, чтобы ей трап подогнали? – Воробьёв был заинтригован.

– Нет, не стала. Догадайся с трёх раз.

– Не могу.

– Лестницу верёвочную ей скинули, она по ней и влезла!

– По лестнице?! По верёвочной?! Мама моя!!! – вытаращил глаза водитель. – Я этого не знал!.. Да как же она смогла?! Это ведь трудно – по верёвочной лестнице... Да-а, даёт Миледи! И что, прямо так, на каблучищах своих, карабкалась?

– Нет, она босоножки скинула и в зубах держала. В люк влезла, а там стюардесса стоит, как соляной столб, ничего сказать не может. А Миледи босоножки из зубов вытащила и говорит: «Чего, мол, смотришь? Шампанского неси!» А та её спрашивает: «Как же вы смогли-то?»

Славка уже вовсю давился смехом.

– А та чего?

– А та говорит: «А я, когда в фильме «Катастрофа» снималась, научилась».

– Обалдеть! – Воробьёв был в шоке. – Улёт просто! Да-а... А багаж как же? У неё же здесь шмотья чемоданов на десять было!

– А багаж я ей потом контейнером отослал. Да и в контейнер-то всё еле влезло, можно было прицепной вагон спокойно брать.

Васильич внезапно замолк, и в воздухе повисла неловкая пауза.

– А Миледи сейчас, говорят, растолстела сильно, – решил

продолжить тему Славка.

Шеф не ответил. Его подёрнутый поволокой, меланхолический взгляд был направлен за окно.

Так, ни шатко ни валко, обсасывая старые сплетни, они подкатили к ресторану. Васильич, обливаясь потом и матеря бестолкового Славку, так и не сумевшего включить кондиционер, выбрался из «мерседеса». Троица охранников уже поджидала его на улице.

– Что-то больно много вас – стадо целое, – окинув их взглядом, резюмировал Штырь. – Всех кормить не буду, и не надейтесь! Славку вон для компании возьму. Славк, вылезай! Серёга, тоже пошли! А вы здесь сидите, машины сторожите, – обратился Васильич к двоим парням в костюмах. – Их, конечно, и без вас никто не угонит. Но с понтом дела посидите!

«Прибой», по сути дела, был ночным клубом – считалось, очень даже приличным. На первом этаже заведения располагалась дискотека, на втором – ресторан, на третьем – казино. В ресторане взору представала балюстрада, огораживавшая круглое пустое пространство посередине. Облокотившись на её перила, можно было наблюдать внизу танцпол дискотеки, который с наступлением ночи заполнялся людьми. По всей длине окружности балюстрады, в три ряда, стояли довольно простенькие столики – квадратные, накрытые белыми ска-

тертями. В центре такого столика красовалась дурацкая ва-
зочка с искусственными цветами. Ни дать ни взять, вагон-ре-
сторан – не хватало только занавесок из простыни на окнах.
Но окон в заведении в принципе не имелось, да и изыскан-
ностью вкуса никто из посетителей явно не отличался. Кста-
ти, в зале сидело много народа, хотя рабочий день в стране
ещё не закончился. Пока люмпен-пролетариат вкалывал за
гроши на своих рабочих местах, здесь было царство богатых
и сытых. Оставалось только догадываться, кто же все эти лю-
ди, которые, несмотря на пробушевавший не так давно де-
фолт, могли себе позволить отдыхать в злочных заведениях.

Троица медленно поднималась по лестнице. Одышливый
Васильич с трудом переваливал своё грузное тело со сту-
пеньки на ступеньку. Наконец, достигнув-таки второго эта-
жа, мужчины упёрлись взглядами в стройную женскую фигу-
ру. Обладательница подтянутых форм заученно улыбалась,
на её блузке в области груди болтался бейджик с надписью:
«Светлана. Администратор»

– Дорогой Степан Васильич! – Администратор Светлана
обнажила зубы в улыбке. – Мы так рады вас видеть! Для вас
самые лучшие места – какие пожелаете! Хотите в VIP-зал с
камином, в кабинет или в кабинет с прилегающей спальней?

– С прилегающей чем? – не понял Штырь.

– Спальней! – Светлана усиленно улыбалась. – Степан Ва-
сильич, а вы разве не знаете? Вы давно у нас не были!

– Был я у вас на прошлой неделе, никаких спален не видел, – отрезал тот.

– Ну так пойдёмте, я вам покажу. Это у нас сам Вахак Зурабович распорядился сделать, на третьем этаже, рядом с казино. Для супер-VIP-клиентов!

– Трахаться, что ли, в ваших спальнях? – Генеральный любил называть вещи своими именами.

Администраторша игриво захихикала.

– Ну почему же, можно просто прилечь, отдохнуть после сытного обеда!

– А тёлки прилагаются? – решил вступить в разговор Славка.

Светлана захихикала пуще прежнего.

– Ну, если пожелаете, обращайтесь – и это организуем.

– Ясно всё с вами, – подвёл итог Штырь. – На третий этаж не потащусь. Передай Вахе, вместо спален лучше бы лифт построил для супер-VIP-клиентов. Веди в кабинет!

– Как скажете. – Обладательница стройных ножек засеменяла вперёд, провожая почётного гостя.

– А может, в каминном зале посидим? – заикнулся Славка. – Чего там, в кабинете, на стены пялиться?

– А в каминном зале на кого смотреть? – буркнул Василийч. – Мы пожрать пришли или в театр? – Секунду подумал и затем смилостивился. – Ладно, пошли в каминный зал!

Администраторша кивнула и, цокая каблучками, провела гостей в боковую дверь.

В полутёмном помещении VIP-зала действительно имелся большой камин, встроенный в стену, но по случаю жаркой погоды, естественно, не топившийся. По бокам от него полукругом стояло несколько низких столиков, окружённых диванами. Посетителей в зале не наблюдалось.

Васильич плюхнул своё грузное тело на диван и недовольно бросил администраторше, протягивавшей ему меню:

– Так! Ты давай-ка иди отсюда!

– Да, конечно, я приму ваш заказ и уйду. – Светлана продолжала улыбаться.

– Я сказал, иди отсюда! – повысил голос Штырь. – Официантку пришли!

– У наших лучших клиентов я принимаю заказы. – В глазах девушки появились тревога и недоумение.

– А я сам буду решать, кто у меня заказ примет! – рявкнул шеф. – Мне твоя рожа не нравится! Иди! Чего встала?!

Славка, услышав эти слова, насмешливо хмыкнул.

Светлана вздрогнула, побледнела, молча положила меню на стол и вышла.

– Дура, блин! – понеслось ей вслед негромко, но в тишине зала достаточно отчётливо.

Воробьёв продолжал ухмыляться.

– Что это вы её так, Степан Васильич?

– Дура потому что! Овца, блин... «Вы у нас давно не были!» – передразнил генеральный девушку. – Я сюда каждую неделю хожу! А то и в неделю по два раза! Я что – такой

незаметный?! Или меня легко с кем-то перепутать?! Башкой думать надо, что людям говоришь! Скажу Вахе, чтоб уволил её, к чёрту!..

К столу подошла официантка. Боязливо улыбнувшись, спросила:

– Вы что-нибудь уже выбрали?

– Чего будете? – Васильич исподлобья глянул на сотоварищей. Те замешкались с ответом, и девушка решила взять инициативу в свои руки.

– Могу предложить вам наше фирменное блюдо «Стерлядь по-старорусски», – зачастила она. – Рыба, нашпигованная приправами, запекается на углях, на гарнир подаётся...

– Блин, ещё одна дура! – вскипел Штырь. – Я тебя о чём-нибудь спрашивал?!

Официантка растерянно замолчала.

– Я тебя о чём-нибудь спрашивал?! – Генеральный покраснел от натуги. – Я вот им вопрос задал! – указал он на своих спутников. – А ты чего затараторила?! Ты не видишь, к кому я обращаюсь? Ты слепая?! Или тупая?!

Девушка изменилась в лице.

– Пошла вон отсюда! Дура! Другая пусть придёт! Поумнее!!!

Оскорблённая официантка выбежала из зала.

– Ваха одних дур набрал, блин. Овец тупых каких-то, – продолжал негодовать Васильич. – Скажу, чтоб всех уволил!

Через минуту на подгибающихся от страха ногах к столу

подошла третья девушка. Натянув улыбку на лицо, она молча застыла – в глазах плескался ужас.

– Мне голонку и пиво «Балтика», ноль пять, тройку, – снизошел наконец шеф и сделал заказ. – Пиво чтоб холодное принесла, а не мочу козлиную! Вам чего взять? – спросил он у Славки с Сергеем.

– То же самое, – ответил водитель.

Штырь недоумённо поднял брови.

– Не понял! Ты, двоечник, за рулём пиво пить собрался?

– А, девушка! – всполошился тот. – Вместо пива минеральную.

Официантка кивнула и перевела взгляд на начальника охраны.

– То же самое, и тоже с минералкой, – поддержал компанию Сергей.

– Всё? – трясущимися губами прошептала официантка.

– Всё! – отрезал Васильич. – И скажи там, на кухне, чтоб через пятнадцать минут было готово! Иначе всем головы отрываю!

– Да-да, конечно. – Девушка согнулась в полупоклоне и попятилась назад. Оступилась, но сохранила равновесие, и мелкими шажками быстро-быстро зашагала к выходу.

Славка ухмылялся. Сергей молча наблюдал за сценой, не выражая никаких эмоций. За время службы на винно-водочном заводе начальник охраны насмотрелся всякого. Эта ситуация была скорее обыденной, чем из ряда вон выходящей.

Штырь любил «строить» обслуживающий персонал – официанток, горничных, продавщиц. Он делал это изошрённо, явно получая удовольствие. Особая нелюбовь у шефа была к крупье казино. Когда проигрывал, Васильич материл их нещадно, а проигрывал он практически всегда. Нынешний случай в ресторане был так, мелочью, на которую даже не стоило обращать внимания.

Девушка принесла заказ и удалилась. Три огромные свиные ноги, истекающие жиром, возвышались на тарелках. Мужчины принялись за поедание мяса.

– Вот готовят здесь хорошо, – удовлетворённо прочавкал генеральный, – повар хороший. А официантки дуры.

– Да бабы все дуры, – тоже с набитым ртом промычал Славка. – У них в башке только одно – как бы замуж побыстрее выскочить. А в другом направлении мозги не работают.

– А если выйдут замуж, то о чём думают? – скептически поинтересовался Сергей.

– А если выйдут замуж, то вообще ни о чём, – хохотнул Славка. – У них тогда мозги сразу отключаются за ненадобностью.

– Они тогда начинают думать, как бы им побольше денег потратить, которые муж зарабатывает! – веско высказался Васильич. – Такую губу раскатывают, что только успевай кошелёк открывать!

– Да? У вас жена много денег тратит? – участливо спросил водитель.

– Нет. – Шеф прихлебнул пива. – Она бы потратила, да кто ей даст! Я её за шестнадцать лет так воспитал, что теперь экономит. А поначалу норовила, да. Один раз меня до ручки довела. Приносит из магазина какой-то лифчик с трусами и трясёт у меня перед носом: «Смотри, – говорит, – какие красивые!» Я ей сразу вопрос: «Сколько стоит?» Она мне: «Ой, да копейки! Пятьдесят долларов». Я от этих слов чуть инфаркт не заработал! У меня в те времена люди на заводе в месяц такие деньги не все получали! А она, видите ли, лифчики по пятьдесят баксов покупает! Я говорю: «У тебя полшкафа забито этими лифчиками!» А она: «Ну а этот же в комплекте с трусами!» Нормальный аргумент, да? – Василийч глянул на собеседников, явно ища поддержки.

Славка хмыкнул, Сергей предпочёл эмоций не выражать.

– Ну, и чё вы сделали? – Воробьёв смачно глодал свиную ногу.

– Да, что я сделал... Мозговое внушение. «Вот теперь, – говорю, – и жри свой лифчик всю неделю! На еду денег не получишь!» Деньги в сейф закрыл, чтоб без спроса не хапала. Ничего, недельку на голодной диете посидела – поняла, что к чему. Теперь в глаза заглядывает и, чуть что, кланяется.

– Так что ж, вы ей денег совсем не даёте? – уточнил водитель.

– Почему, даю. Продукты надо в дом покупать. Бегает, ищет, где подешевле, и за каждую копейку отчитывается.

– Лифчики больше не приносит?

– Приносит, только по пятьдесят рублей, а не по пятьдесят баксов.

Повисла пауза, во время которой все сосредоточенно ели.

– Нет, я вообще эту тему не понимаю, – решил продолжить Штырь. – Зачем покупать дорогое нижнее белье? Кому его показывать? Вот я шестисотый «мерин» купил, так его все видят. А лифчиком кто будет любоваться? Даже если он в комплекте с трусами? Любовник?

– Вы, – пожал плечами Славка.

– А мне на фиг не надо на него смотреть, – отрезал генеральный. – Я мужик, я на сиськи люблю смотреть, а не на тряпки.

– Так вы бы ей это объяснили.

– Так я и объяснил. – Съеденная свинина настроила Васильича на мирный лад. – Говорю же, теперь денег много не тратит. А хочет много тратить – пусть идёт зарабатывать! Правильно я считаю?!

– Правильно! – бодро отозвался водитель.

– Вот именно, правильно... Так что, Славик, надумаешь жениться, ищи жену экономную! Чтоб бабки не транжирила почему зря. Да, Серёга? – обратился Штырь к начальнику охраны и зачем-то потрепал его по загривку. Тот выдержал экзекуцию с каменным выражением лица.

– А ты чего молчишь? – спросил его генеральный. – У тебя жена экономная?

– Нормальная, – подал голос тот.

– А ещё лучше, – решил высказаться Славка, – чтобы жена работала и мужа содержала.

Услышав эти слова, Васильич удивлённо вздёрнул брови.

– А что? – продолжил свою мысль водитель. – У меня один друган пристроился. Жена пашет, он дома сидит. Баба, правда, старовата – ей тридцатник уже. Зато с квартирой, с машиной, бухгалтершей в супермаркете работает, деньги лопатой загребает. Он ей про любовь в уши надудел, она и растаяла.

– Правда, что ли? – не поверил шеф.

– Конечно, правда, – кивнул Воробьёв. – Чего мне врать? Пацан живёт весь в шоколаде. Спит до обеда, потом до вечера телек смотрит. Вечером жену идёт с работы встречать.

– Надо же, – удивился генеральный. – Какие нынче нравы пошли. Мужики бабам на шею садятся. И жена его такого терпит?

– Не просто терпит, а ещё и рада по уши, – заверил Славка. – Она до тридцати лет просидела, замуж никто не брал. Рыдала в платочек, что старой девой останется. А тут вдруг такое счастье привалило – мужик. Она теперь с него пылинки сдувает.

– Так он женился или просто с ней живёт? – покачивая от удивления головой, уточнил Штырь.

– Женился, пришлось, – последовал ответ. – В этом плане она его прижала. Ультиматум поставила – или женись, или пошёл вон. Он и расписался. Да подумаешь – развестись-то

всегда можно. Бабам штамп в паспорте важнее жизни. Ну вот она его и получила, теперь ходит довольная.

– Страшная небось?

– Ну как сказать – обыкновенная. Не фотомодель, конечно. Но для моего друга сойдет. Он сам не Аллен Делон.

– И что, он просто сидит дома, и всё? – не успокаивался Васильич. – Ему не надоело? По-моему, если дома всё время сидеть, от скуки взвоешь.

– Ну он вроде бы не просто сидит, а рейса ждёт, чтобы в море уйти, – почесал затылок водитель. – Кто-то там ему что-то наобещал. Но сейчас в море уйти, сами знаете, без связей просто нереально. На чём идти-то? Судов-то нет.

– Да, от нашего флота ничего не осталось, – согласился шеф. – Все суда флотское начальство приватизировало. А потом с этими судами кто куда рванул. Теперь наши кораблики где только не встретишь! Под иностранными флагами ходят.

– Что, прямо ни одного судна не осталось? – снова подал голос начальник охраны, видимо заинтересованный темой.

– Почему? Ржавые посудины, никому не нужные, остались. На таком корыте в море выйдешь – и только богу молись, чтоб не затонуть. Им давно в металлолом пора, а их всё в рейсы снаряжают, – ответил Штырь.

– Ага, – добавил Славка, – проболтаешься на таком судёнышке полгода, жить не захочешь. А заплатят гроши. Так лучше уж дома сидеть.

– А на иностранных судах хорошо платят? – Сергей явно хотел войти в курс дела.

– Хорошо, – ответил Славка. – А ты пойдёшь устроишься к иностранцам! Английский надо знать плюс всякие международные морские штучки. Диплом соответствующего образца иметь, конкурс пройти. Очередь – сто человек желающих.

– Или просто дать взятку кому надо, – хохотнул Васильич. – За тысячу «зелёных» тебе и диплом сляпают, и без конкурса первым на очередь поставят.

– Не, у иностранцев фишка с взяткой не проходит, – мотнул головой Воробьёв.

– Это ты ходов не знаешь, – махнул рукой Васильич. – Спорим, я твоего друга за неделю на любое иностранное судно устрою?

– За тысячу «зелёных»? – уточнил водитель.

– Тысяча – это только на взятку тем, кто конкурс проводит. И две тысячи мне за посредничество, – шеф запальчиво глянул на водителя, а затем расхохотался.

Сергей со Славкой переглянулись. Усмехнувшись шутке генерального, Воробьёв ответил:

– Да нет, я думаю, моему другу этот рейс на фиг не нужен. Это он так, отмазку придумал, чтобы окружающие не донимали. Типа я такой бедный-несчастный, хочу работать, но нету возможности.

– Так получается, баба его полностью содержит?

– Ага, – кивнул водитель.

– Это не дело. Я бы со стыда умер ходить и у бабы денег на сигареты просить, – высказался шеф. – Позорище!

– А он не курит, – пожал плечами Славка.

– Всё равно. Да и баба эта скоро поймёт, что он из себя представляет, и бросит его.

– Нет, не бросит, – возразил Воробьёв. – Ей тридцатник уже. Кому она на фиг нужна в таком возрасте? Ей же рожать надо. Пока другого мужа будет искать, уже родить не сможет – годы-то идут. Да и не факт, что она другого мужа найдет. Мы, мужики, сейчас в дефиците!

Славка довольно откинулся на спинку стула.

– Это точно! – с готовностью согласился Васильич. – А хорошие мужики вообще на вес золота!

– Хорошие – это какие? – решил уточнить начальник охраны.

– Хорошие – это те, которые могут и бабу обработать, и денег заработать, – поучительным тоном высказался Штырь. – Такие, как я! Ну, и как вы со Славкой. Я, кстати, по этому поводу знаете что думаю? Лет через сто наступят такие времена, что хороших мужиков будут просто с аукциона продавать.

– Чего? – Славка даже подавился свининой. – Вы как скажете, Степан Васильич!..

Сергей вопросительно поднял брови.

– А что? – продолжил шеф свою мысль. – Именно с аукциона, и никак иначе! И бабы будут за нас платить. Вернее, нам

платить. Хочешь замуж? Плати бабки. Кто больше заплатит, той и хорошего мужика в мужья. Нормальная тема, а?

Сергей со Славкой снова переглянулись.

– Да нет, не будет такого, – мотнул головой водитель. – Чё-то уж совсем...

– Будет-будет, – уверенно заявил Штырь. – Бабы и так на нас гроздьями вешаются, глаза друг дружке выцарапывают. А через сто лет просто всё приобретет более цивилизованную форму. Аукцион! Заплатила – и ты при муже.

– А разводиться, получается, нельзя? – хмыкнул начальник охраны.

– Не, можно, – хохотнул Воробьёв, – бабки получил, а на следующий день развод. И опять на аукцион, пусть опять какая-нибудь дура платит. Красота! Степан Васильич, нормальная тема! Мне нравится!

– Брачный договор будут составлять! – продолжал авторитетно вещать генеральный. – К примеру, за пятьдесят тысяч долларов пятьдесят лет совместной жизни.

– Что-то маловато! – возмутился водитель. – По штуке баксов в год! Копейки просто. У меня зарплата двести баксов в месяц. Если я ей буду всю зарплату отдавать, эдак она быстро свои бабки отошьёт! И ещё в наваре останется!

– Дурак, что ли? Всю зарплату отдавать! Полтинник в месяц, и хватит с неё, – отозвался Штырь. И, блаженно откинувшись на спинку дивана, произнёс: – Ладно, это действительно всё шутки. А в общем, мужики, суть какова? Нас ма-

ло, и мы должны себя ценить! И бабы должны нас ценить! И не лезть, когда их не спрашивают! Правильно?

– Правильно, Степан Васильич! Абсолютно с вами согласен! – воскликнул Славка.

Сергей молча кивнул.

Тем временем шеф засобирался.

– Ну что, ребята, поели? Пора в путь-дорогу. Где там эта дура, пусть счёт принесёт!

В дверном проёме возникла официантка, неся на подносе кожаную папочку с вложенным в неё счетом. Васильич мельком глянул на трёхзначную цифру, небрежным жестом кинул на поднос купюру и проворчал:

– Ладно, сдачи не надо. Пригласи-ка мне повара, который это мясо готовил.

– Что-нибудь не так? – решила открыть рот девушка.

– Пригласи, я сказал!

Официантка мигом рот захлопнула и поспешила ретироваться.

В зал вплыла объёмистая фигура повара в белом колпаке.

– Слышь, мужик, хорошее мясо готовишь. Молодец! Держи за труды! – Штырь вложил в ладонь мужчины стодолларовую купюру.

– Эй, вы! – обратился он к ожидавшим его Славке и Сергею. – Геть на выход!

И тройца потопала к дверям, провожаемая благодарным взглядом повара.

– Вообще-то мне отлить нужно. – Васильич резко изменил траекторию движения и направился к туалету. Водитель поспешил за ним, начальник охраны проводил обоих до двери и остался снаружи.

Переминаясь с ноги на ногу и явно тоже желая посетить заветную кабинку, Сергей услышал в соседнем, женском помещении, сдавленные рыдания. Дверь была приоткрыта, и он решил заглянуть. Администратор Светлана нервно курила у подоконника, рядом вытирала слёзы официантка, на которую недавно наорал Васильич.

– Ладно, хватит реветь, – Светлана выбросила окурок и принялась кусать ноготь. – Меня он тоже душой обозвал, я же слёзы не лью.

– Ну за что, Свет, ну за что?

– А ни за что! У него денег много, поэтому он всегда прав. А ты терпи, ты никто и звать тебя никак! Хочешь здесь работать – терпи. А не хочешь – увольняйся, дорога открыта. На твоё место очередь стоит, в затылок дышит. Иди в больницу санитаркой! Дерьмо выгребай из-под лежащих больных за пятьсот рублей в месяц! Хочешь?!

– Нет! – Девушка судорожно всхлипывала.

– А нет – тогда вытирай сопли и марш в зал, клиенты ждут!

Официантка закивала, высморкалась, вытерла потёкшую тушь и, вздохнув, вышла из туалета. Заметив Сергея, сто-

явшего под дверь, испуганно остановилась. Хотела было что-то сказать, открыла рот, но не решилась, а оглянулась на Светлану, ища поддержки. Та тоже увидела охранника, перестала кусать ноготь и вопросительно посмотрела на парня. Тот, не выдержав немых женских взглядов, резко повернулся и скрылся за дверь мужского туалета.

– Свет, это же... – Официантка попыталась найти определение для Сергея, но не смогла.

– Телохранитель Штыря, – помогла ей администраторша.

– А что он здесь делал? А? – растерянно заморгала та.

– Что-что... Подслушивал! – прошипела Светлана. – Теперь побежит, хозяину доложит.

– И что будет? – На глаза официантки вновь навернулись слёзы. – Мы же вроде бы ничего такого не говорили...

– «Что будет, что будет»! – передразнила администраторша. – Не бойся, не убьют! С работы попрут, и всех делов...

– Да я сама уйду, – судорожно всхлипнула девушка. – Вот прямо сейчас возьму и уйду! Зачем мне это надо – нервы трепать ни за что ни про что?!

– Успеешь ещё! Не паникуй раньше времени. Может, и не будет ничего, обойдётся...

Но официантка продолжала всхлипывать.

– Давай, иди в зал! – прикрикнула на неё Светлана. И застыла, глядя, как девушка удаляется, цокая каблучками.

Дверь мужского туалета открылась, из-за неё, шаркая, вывалился Васильич. Хмурым взглядом покосился на застыв-

шую Светлану, повернулся и пошёл прочь. За ним хвостом тащились водитель и начальник охраны. Глаза девушки сузились в щёлочки, кулаки сжались сами собой.

– Ненавижу! Козлы!! Ненавижу!!! – сдавленно прошептала она, сверля взглядом затылок Штыря.

Глава 4

Свою одежду Сашка отыскал сразу.

– А мы уже думали, вы утонули! – раздался игривый женский голос. – Где вы были, молодой человек? Мы успели соскучиться!

Парень оглянулся. Две ничем не примечательные девицы в купальниках смотрели в его сторону. Обе явно провалялись на солнце много времени и были цвета взбесившегося томата. У одной из них – обладательницы белёсых волос, бровей и ресниц – обгорел нос. Сашка усмехнулся. Ему нравились блондинки, но для себя он делил их на две категории: собственно блондинок и белобрысых. Собственно блондинки, кроме платинового цвета волос, обладают ещё роскошным телом и сексуальностью. А белобрысые, как правило, обладают целлюлитом и колхозной рожей. Призывно глядящая девица, распластавшаяся на пляжном полотенце, явно относилась ко второму типу. Рядом с её пышным телом притаилась худенькая, даже костлявая, подруга. В отличие от толстухи, она была маленькой, безгрудой, и смотрела так, как будто чего-то стеснялась. Её жиденькие тёмные волосики были собраны в пучок на затылке. На лбу у обеих красовались пластмассовые очки от солнца.

– Купался я, девушки, – ответил Сашка без особого желания и отвернулся.

– А вы всегда так долго купаетесь? – не отставала бело-брыся.

Сашка оставил этот её вопрос без ответа. Голова его была занята другим. Парню не хотелось натягивать джинсы на мокрые плавки. Он сосредоточенно думал, что лучше сделать: обсушить их и потом надеть джинсы или снять и надеть джинсы на голое тело. Если остаться на месте и обсыхать, придётся общаться с назойливыми девицами. А чтобы снять плавки, надо пойти в кабинку для переодевания, в которую змеилась очередь. Стоять в очереди тоже не хотелось. К тому же голод настойчиво давал о себе знать – надо бы побыстрее сходить поесть. Кстати, деньги на месте?!! Сашку прошиб холодный пот. Поддавшись романтическому настроению, он бросил без присмотра брюки, в которых оставил приличную денежную сумму. Трясущимися руками парень стал шарить по карманам.

– Молодой человек, вы что-то потеряли? – Белобрыся явно была настроена на активные действия.

Сашка вытащил из кармана заветные купюры и вздохнул с облегчением.

– Да мы ваши джинсы сторожили, не беспокойтесь, – заверила его девица. – Деньги и ценности на месте.

Снова повисла пауза.

– Могли бы и поблагодарить, – уже обиженно произнесла толстуха.

– Спасибо, – процедил Сашка и всё-таки решил отпра-

виться к кабинке для переодевания. Некрасивых и назойливых женщин он не любил. Секунду подумал, повернулся и бросил напоследок:

– Я женат, девушки, и у меня восемь детей!

– Хам! – проворчала белобрысая и перевернулась на спину, опустив тёмные очки со лба на нос.

– Какой красивый парень! – Худенькая девушка не разделяла негативного настроения подруги. Её восхищённый взгляд был устремлён вслед удаляющемуся Сашке.

– Ирка, козёл он! – Толстуха попыталась вернуть свою спутницу с небес на землю. – Я тебе сразу сказала, когда он ещё только первый раз появился. С такой смазливой рожей – сто процентов козёл. Или бабник, или голубой. Он нам нахамил, а ты вздыхаешь!

– Наташ, ты всегда думаешь о людях плохо. Может, у него просто настроения нет знакомиться! – принялась защищать парня Ира. – Может, у него неприятности – мало ли что. Может, он просто голодный! Мужики всегда злые, когда голодные...

– Ага, сбегай, накорми его – глядишь, подобрееет. Борща из дома принеси в кастрюльке, – съязвила Наташа.

– Да он уже ушё-ёл..., – расстроено протянула подруга.

– А то бы побежала? – хмыкнула толстуха.

Ира не обратила внимания на подначку и вздохнула.

– Почему так всегда? Когда мне кто-то нравится, он непременно куда-то исчезает.

– Потому что ты на красавцев заглядываешься! – заявила белобрысая. – А красавцы – все козлы! Или бабники, или голубые.

– Я это уже слышала, – ответила худенькая девушка.

– А ты ещё раз послушай! Тебе сто раз скажи – всё без толку. И вообще, больше я с твоими предметами обожания знакомиться не буду! Если тебе надо, сама с ними знакомься. А то она притаилась и молчит, а я отдувайся. И главное, мне это всё на фиг не нужно! У меня Колька из рейса скоро придёт, и мы поженимся.

Проглотив эту отповедь, Ира ещё раз вздохнула и тоже перевернулась на спину.

Переодевшись, Сашка поднялся на набережную, заполненную праздной публикой. Шашлык жарили сразу в нескольких местах – в воздухе витал аппетитный запах, дразнящий ноздри. Цены приятно радовали глаз. Отстояв небольшую очередь и получив вожелённую пластиковую мисочку с жареным мясом и неким подобием салата, он сел за столик под огромным пляжным зонтом с надписью «Sprite». Столик только что покинула шумная компания, оставив после себя гору одноразовой посуды и пивных бутылок, убирать которые никто не спешил. Брезгливо сдвинув их в сторону, Сашка пристроился на краешке стола, стараясь не смотреть на объедки. Но долго пребывать в одиночестве ему не пришлось. Практически сразу над ухом раздалось де-

ликатное покашливание, и вкрадчивый мужской голос поинтересовался:

– Молодой человек, у вас свободно?

Сашка нехотя кивнул. Напротив возник нестарый, но практически весь седой мужчина с выпуклыми жабыми глазами водянисто-голубого цвета. Одетый в какие-то слишком яркие широкие шорты и майку, бейсболку, перевёрнутую козырьком назад, он почему-то был похож на иностранца, хотя вопрос свой задал на чистейшем русском языке. К столу он пришёл с такой же, как у Сашки, пластиковой миской мяса и открытой бутылкой красного вина. Узрев использованную неубранную посуду, мужчина тоже расчистил себе место для трапезы. Устроившись, сосед вдруг стал внимательно разглядывать Сашкины руки.

– Вы из Москвы? – внезапно спросил он.

– Да, – удивлённо ответил Сашка. – А как вы догадались?

– Не удивляйтесь, – произнёс мужчина, приступая к еде. – Я просто увидел, как вы держите вилку и нож, и сразу узнал столичного жителя. На этом курорте никто, кроме москвичей, не умеет правильно пользоваться столовыми приборами. Это я вам заявляю как отдыхающий со стажем! Понасмотрелся, знаете ли, на приезжих из других городов. А про местных я вообще молчу! Они не то что нож с вилкой держать – говорить правильно не могут. Абсолютно неотёсанный народ. Книг не читают, в театры не ходят, спортом не занимаются. Основное развлечение – пьянки и гулянки. Хо-

тя, согласитесь, здесь не такая уж дыра. Курорт всё-таки.

– Часто здесь отдыхаете? – сделал из вышесказанного вывод Сашка.

– Каждый год. Приезжаю в начале июня и провожу здесь всё лето.

– А приезжаете, естественно, из Москвы? – уточнил парень.

– Из неё, родимой, – улыбнулся мужчина, – напрямиком с Кутузовского. А вы, простите, в Москве на какой улице проживаете?

Сашка чуть не подавился шашлыком и посмотрел на соседа по столику с плохо скрываемой завистью. Жить на Кутузовском проспекте, где располагаются дома сталинской постройки с огромными шикарными квартирами – предел мечтаний любого москвича. Сашкин домашний адрес такой престижностью не отличался. Слегка замявшись, он ответил:

– Я живу в Метрогородке.

И замер, ожидая реакции.

Метрогородок – это практически рабочая окраина Москвы. По-сравнению с Кутузовским – небо и земля. Обитатель элитного района должен был бы скорчить презрительную мину, узнав место жительства своего собеседника, но ничего подобного не произошло. Наморщив лоб, новый знакомый вдруг спросил:

– А где это – Метрогородок?

* * *

Москвичи не знают города, в котором живут. Это просто невозможно – знать все улицы огромного, многомиллионного мегаполиса. Да к этому никто и не стремится. Человек живёт в границах своего, зачастую небольшого, района. Ходит в детский сад, расположенный во дворе дома, затем в школу за углом. Нередко и вуз стараются выбрать поближе к собственному жилищу, чтоб не надо было вставать спозаранку и тратить на дорогу массу времени. Для многих москвичей возможность подольше поспать дороже профессиональных пристрастий. И смешно, и грустно, но это так. Посмотрите, кто движет столичный прогресс? Кто, в большинстве своём, заправляет бизнесом, политикой, культурой? Это всё неуёмные провинциалы, зубами прогрызающие себе путь наверх, к материальному благополучию. Коренные москвичи же, как правило, вялы и апатичны. Предмет мечтаний провинциалов, – московская квартира и прописка, – у них имеются с рождения. А годам к двадцати пяти-тридцати у столичного жителя обязательно умирает какая-нибудь бабушка, тоже москвичка, и оставляет любимому внуку ещё одну квартиру. Вот и готов бесперебойный источник денежных средств. Львиную долю бюджета практически каждого москвича составляют доходы от сдачи в аренду жилья. Причём, размеры их таковы, что целая семья из трёх-четырёх человек вполне может жить, ни в чём себе не отказывая. Так для чего делать лишние телодвижения? Зачастую коренные жители столицы либо не работают вообще, либо ходят на службу

за небольшую заработную плату, исключительно ради того, чтобы пообщаться с трудовым коллективом и обсудить последние сплетни. Как вы можете догадаться, данная контора, само собой, располагается рядом с домом. Человеку просто нет необходимости таскаться по огромной Москве, а значит и изучать названия районов и улиц.

* * *

– Метро Сокольники, – сориентировал собеседника Сашка, немного приврав. На самом деле, от Сокольников до Метрогородка надо ехать на трамвае около часа (а если попадёшь в пробку, то и дольше). Но о таких «мелочах» у москвичей не принято упоминать. Тем более что Сокольники – хороший старомосковский район. И, если кто-то не в курсе дела, то можно и не посвящать его в подробности собственного домашнего адреса, добавив тем самым несколько очков к своему столичному статусу.

Приём сработал – мужчина посмотрел на Сашку уважительно, явно причислив его к клану культурных во всех отношениях московских жителей.

– Анастас, – протянул мужчина руку.

– Как? – переспросил Сашка, стараясь не показывать удивления.

– Анастас. Можно просто Стас.

– Александр, – ответил на рукопожатие парень.

– Замечательно, очень рад! – Собеседник явно был доволен.

– Взаимно. – Сашка радости не разделял, но вежливо улыбнулся. Ему уже начало порядком надоедать, что сегодня с ним без конца кто-то пытается заговорить. Теперь вот придётся слушать этого назойливого земляка. Тот не заставил себя ждать и заявил, наливая вино из своей бутылки в Сашкин стакан:

– За знакомство надо выпить! – Потом вдруг спохватился: – Пардон! Я не спросил – может, вы не хотите?

Парень жестом разрешил продолжать.

– Итак, мой тост – за знакомство! – Стас поднял пластиковую ёмкость, приглашая собеседника чокнуться. Сашка принял приглашение, хотя смысла в этом не видел. Зачем чокается одноразовой посудой, которая не звенит? Выпив, новый знакомый заговорил вновь:

– Александр, вы здесь на отдыхе? Или, может, по делам?

– На отдыхе.

– Пансионат или частный сектор?

– Частный сектор. – Столь размытая формулировка пришлась парню, как нельзя, кстати.

– Я тоже в частном секторе, – непонятно чему обрадовался собеседник. – Это, знаете ли, намного дешевле, чем пансионат. Снимаю чудесную, большую комнату у одних моих давних знакомых. А дом расположен прямо рядом с морем. Для меня самое главное – чтобы дом, в котором я живу, находился как можно ближе к морю. Я, знаете ли, простор люблю, воздух! А море так просто обожаю. Готов целые дни про-

водить возле воды! С утра проснусь, оденусь – и сразу сюда. И дышу, дышу! Не могу надышаться. В Москве-то где такой воздух возьмёшь? Вот и приходится насыщаться кислородом на год вперёд, прочищать лёгкие.

Заметив, что Сашка допил вино, Стас принялся снова наполнять его стакан.

– Давайте, Александр, выпьем за воздух! Воздух – наша жизнь, а чистый воздух – наша долгая жизнь.

Тот не возражал.

– Питаюсь здесь, – рассказывал новый знакомый. – Шашлык, если вы успели заметить, очень дешёвый!

– Так вы что же, одним шашлыком питаетесь? – решил уточнить Сашка.

– Ну что вы – нет, конечно! – ответил Стас. – Если есть одну жареную свинину, можно язву желудка заработать! Здесь есть кафе. Оно расположено чуть дальше, возле кипарисовой аллеи. Называется «Ветерок». Очень рекомендую. Там можно поесть суп и множество других блюд по очень приемлемым ценам. А впрочем, может быть, вы сами всё это знаете? А я вас мучаю тут своими рассказами!

– Нет, я ничего этого не знал, – заверил Сашка. – Я сегодня первый день как приехал.

– Первый день?! – снова невесть чему обрадовался Стас. – Первый день – это же замечательно! Я так вам завидую, Александр! У вас весь отдых впереди! Надо за это выпить!

Вино пилося легко, как компот, Сашка даже не чувствовал

опьянения. Поэтому согласился на третий стакан. А вот его собеседнику выпивка явно совсем развязала язык, который у него и так болтал без умолку.

– Вы знаете, Александр, этот маленький посёлок просто прекрасен! – вещал он. – Я сюда езжу отдыхать уже много лет подряд. Именно сюда, и больше никуда. И как вы думаете, почему?

– Потому что здесь дёшево? – предположил тот.

– А вы меркантильны, Александр! Но я сюда езжу из-за женщин! Женщины, я вам скажу, здесь удивительны, поразительны и, самое главное, – чрезвычайно легко доступны!

– Да?! – усмехнулся Сашка. – Проститутки, что ли?

– Ну что вы! – Резкое высказывание собеседника даже немного смутило Стаса. – Почему сразу проститутки?! С проститутками я не общаюсь. Я пока ещё не настолько пал, чтобы покупать женщину за деньги.

– «Пока ещё»? Значит, вероятность падения всё-таки не исключается? – не мешкая, прицепился к словам парень. Его настроение, испорченное впечатлениями дня, давало о себе знать.

Стас осёкся, прищурился и внимательно посмотрел на собеседника. Какая-то мимолётная тень скользнула по его лицу, мгновенно сменив глуповато-радушное выражение на подозрительно-напряжённое.

– Какой вы! – медленно произнёс он, сверля Сашку взглядом. – Поймали меня на слове... Но мне это, знаете ли, нра-

вится. Когда один человек ловит другого на слове, значит, тот, другой, попал впросак, так ведь? Я попал впросак, то есть впредь мне надо быть умнее и следить за тем, что говорю. Это для меня урок!

– Вы не ответили на мой вопрос, – проигнорировал парень тираду нового знакомого.

– Ну если я так сказал, значит, действительно вероятность низко упасть для себя не исключаю. А собственно, что тут такого? Ведь говорят же, что нельзя зарекаться от сумы и от тюрьмы! Другими словами, будь готов ко всему в этой жизни, – произнёс Стас с лёгкой улыбкой. – Или вы придерживаетесь иного мнения?

– Конечно, иного, – безапелляционно заявил Сашка. – Я считаю, что нельзя допускать морального падения ни при каких обстоятельствах. Человек должен идти по жизни с гордо поднятой головой. Иначе он просто не сможет себя уважать!

– Да? – изогнул Стас одну бровь. – Может, оно и так. Только при чём здесь продажные женщины, которых вы зачем-то упомянули?

– При том, что пользоваться их услугами позорно! Лично у меня, кроме чувства брезгливости, они ничего более не вызывают. А необходимость платить им деньги просто унижает. Только ущербные и морально опустившиеся мужчины могут заниматься платным сексом.

– То есть, вы разглядели во мне именно такого мужчину? – усмехнулся новый знакомый.

– Надеюсь, что нет. Хотя ваши слова о доступности женщин меня насторожили.

– А вы не любите общаться с ущербными людьми? – последовал вопрос.

– Нет, не люблю. Так же, как и с морально опустившимися. Ущербные люди вызывают во мне унижительное чувство жалости, а после общения с морально опустившимися хочется сходить в душ и смыть грязь.

– Понятно, – собеседник сцепил пальцы рук. – Значит, по-вашему, морально опустившиеся люди заслуживают презрения?

– Конечно!

– И вы не собираетесь принимать во внимание причины этого падения? Внешние факторы, сопутствующие обстоятельства? Может, человек заслуживает не презрения, а сочувствия?

– Сочувствие – это форма жалости, а жалость, как я уже сказал, унижительна. Что же касается внешних факторов, то я считаю, человек прикрывается ими, чтобы оправдать собственную слабость. Никакие обстоятельства не способны повлиять на наше решение, если мы того сами не хотим! – заявил Сашка.

Стас посмотрел на него внимательно и слегка насмешливо, но парень проигнорировал этот взгляд.

– Допустим, – произнёс новый знакомый. – А если речь идёт о естественных инстинктах? Сексуальном влечении, на-

пример? Такое обстоятельство способно повлиять на наше решение?

– Вы всё пытаетесь оправдать мужчин, которые пользуются услугами проституток? – усмехнулся парень. – Для вас это большая тема?

– Ну почему же большая! Просто раз мы с этого начали, надо до конца разобраться.

– Проявление любого естественного инстинкта – это проявление слабости. Человек тем и отличается от животного, что должен уметь контролировать свои инстинкты. Или хотя бы просчитывать последствия, к которым они могут привести.

– Тогда давайте конкретизируем, – предложил Стас. – Если я отказываюсь от секса, то я – человек? А если я покупаю любовь продажной женщины, то я – животное? Всего лишь потому, что в первом случае я якобы контролирую свой инстинкт, а во втором – нет?

– Именно.

– А вы не считаете, что в первом случае, последствия, о которых вы упомянули, могут быть хуже, чем во втором?

– Чем же?

– Ну хотя бы расстройством здоровья. Воздержание вредно для мужчин, знаете ли. Оно может привести к импотенции и даже бесплодию, – улыбнулся собеседник.

– Это не оправдывает использования услуг проституток. Для здоровья надо заниматься сексом с любимыми женщи-

нами, – ответил Сашка.

Стас откинулся на пластиковом сиденье, в его глазах заплескалось откровенное веселье.

– Мне нравится множественное число, которое вы употребили, – произнёс он. – Не с «любимой женщиной», а с «любимыми женщинами». Все ваши напыщенные фразы, друг мой, перечёркнуты этими двумя словами. Я неплохой психолог, знаете ли. И сейчас с уверенностью могу сказать, что, как бы вы ни упирались, в подсознании вы не приемлете моногамную любовь, а приемлете полигамную. А это уже огромный шаг к сексуальной свободе. Так что зря вы накинулись на меня, Александр. Я поймал вас на слове, как недавно это сделали вы. Один-один, знаете ли.

Сашка сделал некое движение головой, выражающее то ли досаду, то ли безразличие к услышанному.

– Хорошо, я больше не буду мучить вас этой темой, – произнёс новый знакомый. – Хотя, собственно говоря, я и не собирался говорить с вами о проститутках. Это вы взъелись на меня непонятно за что. Прицепились к словам... Ну да ладно. На самом деле я хотел поговорить с вами о любви.

– О любви? – усмехнулся журналист. – Или всё-таки о сексуальном влечении?

– А какая разница?

– Духовная и телесная любовь – это разные вещи!

– А вот тут вы в корне не правы, Александр! Эти две любви взаимосвязаны, отдельно одна от другой они просто не

могут существовать! – возразил Стас.

– С чего вы взяли?

– Ну как с чего? Судите сами. Вы могли бы любить женщину духовно и не желать её физически?

– Мог бы. – Сашка не был абсолютно уверен в своём ответе, но произнёс эти слова из чистого упрямства.

– Позвольте вам не поверить! – хитро прищурился новый знакомый.

– Почему? Не все же такие, как вы. На свете существуют разные люди.

– Кто? Покажите! Только, пожалуйста, не приводите в пример себя – это слишком банально.

– Тогда кого я могу вам показать? – удивился молодой человек. – Общих знакомых у нас с вами нет. Если только персонажи из художественной литературы...

– Ох, Александр, оставим литературу в покое! – вздохнул Стас. – Написать можно что угодно, а жизнь расставит всё по своим местам! Если мужчина любит, но не желает женщину – значит, он импотент. Коротко и ясно.

Не ожидавший такого поворота беседы, парень нахмурился. Он явно проигрывал в затеянном им самим сражении. Заметивший это Стас едва заметно усмехнулся.

– Так давайте же выпьем за здоровых мужчин и красивых женщин! – предложил он, чтобы разрядить ситуацию. И расстроено протянул, заглядывая в пустую бутылку: – Э-эх, а вино-то уже кончилось! Пойду прикуплю ещё. О, а вот и

официантка! Не прошло и полгода, что называется. Девушка, у нас на столике очень грязно. Уберите, пожалуйста. И ещё бутылочку «каберне» принесите, если можно.

– У нас самообслуживание, – буркнула девица, составляя на поднос использованную посуду.

– Понял! Нет вопросов! – закивал новый знакомый. – Александр, вы только никуда не уходите. Я сейчас принесу ещё одну бутылочку винца, и мы с вами продолжим нашу беседу. Хорошо?

– Хорошо, – пожал плечами Сашка. Спешить ему всё равно было некуда.

Откинувшись на спинку стула, парень повернул голову в сторону моря и ахнул. За разговором он даже не заметил, какая неопишуемая красота царила вокруг. День уже шёл к своему завершению, и солнце, матово красное, медленно двигалось к горизонту. Море играло и переливалось мириадами бликов. Отражение алого диска дробилось в воде, сверкало и поблёскивало розовым светом. Но этот свет не раздражал глаз, а, наоборот, радовал и успокаивал. Белые чайки летали над тихой рябью, то садясь на поверхность, то вновь взмывая в прозрачный воздух. Дневную жару уже сменяла вечерняя прохлада, но люди не спешили покидать пляж, предпочитая нежиться под бархатными лучами. Маленькие дети подбирались к ласковой воде и, когда волны тихонько задевали их босые ножки, визжали от удовольствия.

Глядя на них, Сашка почувствовал спокойствие и умиротворение. Это был один из тех моментов, которые невольно запоминаешь на всю жизнь. Вроде бы ничего такого не происходит. Просто море, безветрие и прозрачный воздух, напоенный ароматами зелени. Просто ты молод и здоров. Тебе сейчас, сию минуту хорошо.

Сашка поднял руки и с хрустом потянулся всем телом. Действительно, ну чего он взъелся на этого мужчину со странным, редким именем. Анастас, Анастас... Что-то знакомое было в данном созвучии. Ах да, конечно! Анастас Микоян, соратник Сталина. От этого воспоминания тут же повеяло чем-то холодным и тревожным.

«Вот что значит, влияние стереотипа! – одёрнул себя Сашка. – Вспомнил про Сталина и тут же напрягся. Глупость какая. Ну подумаешь, человека назвали как какого-то Микояна. Он же не виноват! Хотя эти его ледяные, по-жабьи выпуклые глаза всё равно почему-то неприятны...»

И тут журналист почувствовал на себе чей-то взгляд.

Необъяснимое ощущение, не правда ли? Ты сидишь, занятый своими мыслями, и вдруг, сам не зная почему, поворачиваешь голову в сторону и видишь кого-то, бесцеремонно тебя рассматривающего. С кем из нас такого не случилось?

Сашка заёрзал на стуле и, повинувшись странному чувству, обернулся. И тут же наткнулся на два сверливших его жен-

ских глаза. Заходящее солнце, светившее в щёку, мешало как следует рассмотреть лицо девушки. К тому же она заметила, что её рассекретили, и склонилась над бокалом, стоящим перед ней. Парень узнал белобрысую макушку её подруги, сидящей напротив. Мгновенно он вспомнил об них. Это были те девицы, которые сегодня пытались познакомиться с ним на пляже. Сашка досадливо отвернулся.

К столику почти бегом приближался Стас.

– Александр! Простите, что задержался! – воскликнул он. – Заглянул по пути в отхожее место. Знаете, я мыл руки и заметил, что у меня язык фиолетовый!

– Язык фиолетовый? – вздёрнул брови журналист. – В каком смысле?

– В прямом! Это значит, что вино, которое мы пили, было некачественным! Ужасно! Везде стараются облапошить. Хорошее виноградное вино никогда не окрасит рот! А в это псевдо-«каберне» был добавлен краситель. Получается, мы с вами выпили по полбутылки химического раствора!

– Да?!

– Вот именно! Поэтому второй раз «каберне» я покупать не стал. Взял бутылку «кагора». Александр, вы пьёте «кагор»?

– Пью, – подтвердил тот.

– Вот видите, я угадал. А ещё вы, наверное, не курите и занимаетесь спортом. – Стас принялся разливать вино в преду-

смотрительно захваченные им чистые пластиковые стаканы.

– Угадали, – кивнул Сашка.

– Представьте себе, я тоже пытаюсь вести здоровый образ жизни! Именно пытаюсь – иногда получается, а иногда нет. Но я положительно вижу в вас родственную душу! Давайте за это выпьем.

Стас протянул свой стакан, приглашая собеседника чокнуться. Парень, слегка подуставший от неуёмной болтовни нового знакомого, приглашение принял. Выпив, мужчина снова заговорил:

– Знаете, Александр, чтобы не остаться в ваших глазах ущербным или морально опустившимся человеком, я всё-таки позволю себе закончить свой рассказ о женщинах. Не откажете мне в такой любезности?

В голосе нового знакомого звучала ирония. Сашка это заметил, но кивнул, стараясь продемонстрировать снисхождение.

– Надеюсь, информация окажется для вас полезной! – объявил Стас. – Так вот – женщины на этом курорте просто чудесные. Многие готовы броситься к вам в объятия буквально в первый же день знакомства. Не все, замечу! Многие. Этих многих надо уметь выбирать. Я езжу сюда постоянно, и каждый раз у меня новый роман. Такой всплеск чувств, заряд эмоций, что хватает потом на весь год, до следующего лета. Мне хочется жить, здешние женщины вселяют в меня такое желание. И никаких проституток, я вас уверяю! Ника-

ких денег, всё по-честному!

– По-моему, здешние женщины вселяют в вас не жажду жизни, а сексуальное желание, – хмыкнул Сашка.

– Конечно, сексуальное желание! – Мужчина и не думал отрицать. – Именно сексуальное! А секс есть жизнь. Эти два понятия взаимосвязаны, разве не так? Если в жизни нет секса, то для чего тогда жить? Вот вы разве живёте для чего-то другого? А? Расскажите.

– Я не готов ответить, – пожал плечами парень. – Не знаю.

– Ну да, – закивал Стас. – Вы ещё слишком молоды, чтобы знать ответ на этот вопрос. А вот я для себя уже давно решил, что живу исключительно ради секса. И нисколько этого не стыжусь, знаете ли, говорю прямо. Ну, может быть, и ради других удовольствий. Один мой знакомый – врач, профессор, преподающий в медицинском институте, – говорит так: «В жизни человека есть три физиологических удовольствия. Первое – поесть, второе – заняться сексом». А третье знаете какое?

– Поспать? – предположил Сашка.

– Не угадали! В туалет сходить! – Новый знакомый затрясся от смеха. – И я с ним полностью согласен! Но из трёх вышеперечисленных составляющих я отдаю предпочтение сексу. Это лучше, чем быть рабом своего желудка и, как следствие, унитаза. Да-с. А для чего ещё жить? Работать где-нибудь на заводе и приумножать чьё-то богатство? Чтобы этот кто-то наслаждался сексом вместо меня? Увольте. Для семьи

и детей? Тоже не моё – я, знаете ли, не люблю детей. Я люблю женщин! Причем самая лучшая женщина угадайте какая?

– Какая?

– Новая! – захохотал Стас.

Сашка тоже усмехнулся.

– А теперь давайте вернёмся к началу нашего разговора, – почему-то шёпотом заговорил его собеседник, – и расставим все точки над *i*. У нас в стране сейчас демократия?

– Демократия, – ответил Сашка, не очень понимая, к чему клонит собеседник.

– Свобода слова? Свобода мысли? Свобода всего, не знаю чего?

– Ну да...

– Так почему же вы пытались осудить меня за то, что я всего лишь предположил – заметьте! – всего лишь предположил! – что я мог бы воспользоваться продажной любовью. А? – прошипел Стас, уперев в Сашку ледяной взгляд, от которого у того побежали мурашки по коже. – Если смысл моей жизни – секс, почему вы осуждаете меня за пути его достижения? Почему вы вешаете на меня ярлык ущербного и презираете за моральное падение?

Парень отстранился от собеседника и едва заметно поёжился.

– Непритязательный смысл жизни вы себе выбрали, – ответил он.

– Да? А кто это определяет? Вы?

– Общество.

– Откуда вы знаете, что думает общество? Вы у него спрашивали?

– Моральные ценности всем прививали ещё в школе. – Слова журналиста почему-то звучали как оправдание.

– В какой школе? Социалистической? Когда в головы вдалбливали, что надо жить и умирать ради Сталина и коммунистической партии?

– А вы считаете, детям надо говорить, чтобы они жили и умирали ради секса? – прищурился парень.

– Я считаю, что смысл жизни каждый выбирает себе сам! – поднял палец Стас. – И никто не вправе человека за этот выбор осуждать!

– Хорошо! – Сашке уже порядком надоела эта беседа. – Но платить деньги за секс всё равно позорно!

– Почему? Ведь ты его получишь! Хоть за деньги, но получишь! А иначе можешь вообще остаться ни с чем!

– Ну и пусть ни с чем! Унижаться за секс не стоит!

– Платить деньги – это унижаться?

– Да!

– А за что тогда стоит унижаться? – упорно допытывался новый знакомый.

– Ни за что не стоит! Что вы ко мне пристали? – Парень откинулся на спинку стула.

– Уверены?

– Уверен! И вообще, я вам уже достаточно сказал, отвя-

житесь от меня!

– Понял! – Стас тоже выпрямился. – Вопросов больше нет. Ни за что не стоит унижаться. Хорошо. Посмотрим, как вы поведёте себя через некоторое время, мой друг. Куда вы придёте со всеми вашими принципами.

– Что? – переспросил Сашка. Но мужчина внезапно заговорил о другом.

– Вы знаете, Александр, сзади вас за столиком сидят две дамы, – произнёс он. – Одна из них просто поедает взглядом ваш затылок.

Парень растерянно оглянулся. Он ещё не успел перевернуть предыдущую тему и явно не понимал, о чём речь.

– Посмотрите на ту девушку за соседним столиком! – указал ему Стас. – У неё такой жаркий взгляд, обращённый на вас, а вы не замечаете.

– Да нет, я заметил... – пробурчал журналист. – Просто она не в моём вкусе.

– Не нравится? А зря... Она смотрит на вас с таким обожанием! Я бы мимо такого взгляда не прошёл!

– Стас, взгляд меня мало интересует! Я видел её на пляже в купальнике. Она очень худая и невыразительная особа. – Сашка вошёл, наконец, в колею и покривился. – А грудь у неё просто отсутствует.

– Вы любите женскую грудь?

– Конечно. А вы разве нет?

– Да-да, я тоже, разумеется. Но, вы знаете, с возрастом я

стал ценить в женщинах другое.

– Что – другое?

– Как бы вам это объяснить? Попробую на примере. Вот эта девушка смотрит на вас с немым обожанием, так? Как вы думаете, на что она ради вас готова?

– Не думаю, что на многое, – хмыкнул Сашка.

– Почему же? Как минимум она готова лечь с вами в постель!

– Мне этого от неё совершенно не нужно!

– Но вы только недавно говорили про естественное сексуальное влечение, за которое позорно платить деньги!

– Ну и что?

– Так вот вам способ удовлетворить это самое влечение, причём бесплатно!

– А, вот вы о чём! – сообразил парень. – Но я не хочу удовлетворять своё сексуальное влечение с ней! У меня-то к ней нет сексуального влечения!

– А к кому есть?

– К красивым женщинам!

– А вы уверены, что красивая женщина будет смотреть на вас с таким обожанием?

– Нет, не уверен. Но я буду за ней ухаживать...

– Угу, ухаживать... – Стас скептически посмотрел на своего собеседника. – А вот чтобы ухаживать за красивой женщиной, без денег не обойтись. Какие бы там теории про продажную любовь вы ни выстраивали. Деньги-то у вас есть?

– Смотря сколько, – замялся Сашка.

– Вот именно – смотря сколько. Много. Современные красивые женщины стали корыстны. Издержки гласности и демократии, знаете ли. Это при социализме девушка модельной внешности шла работать на завод и считала это нормой жизни. А нынешние красавицы не хотят работать вообще! При социализме красотка могла выйти замуж за водителя трамвая. А сейчас всем подавай миллионеров! Демократы развратили женщин. – Новый знакомый разволновался – видимо, эта тема задела его за живое. – Хотите маленький пример? – И, не дожидаясь согласия, крикнул: – Девушки! Идите к нам, мы вас вином угостим!

По набережной, явно красуясь, вышагивали две фигуристые девицы. Дорого одетые, благоухающие, они двигались по направлению к ресторану, расположенному здесь же. В этот ресторан, скрытый от взглядов толпы зеркальными витринами, заглядывала публика исключительно с тугими кошельками. Покосившись в сторону наших героев, сидящих за пластиковым столиком над дешёвой бутылкой вина, одна из них презрительно бросила:

– А мы пьём только «мартини»!

И, гордо тряхнув волосами, обе скрылись за створками зеркальных дверей.

– Видели?! – усмехнулся Стас. – Идите, покоряйте её своим обаянием! А вон сидит девушка, – мужчина кивнул в сторону соседнего столика, – заполнить которую ничего не сто-

ит. Только свистни, на задних лапках прибежит! Таковую не то что стакан вина, стакан воды устроит!

– Стас, а вы женаты? – неожиданно спросил Сашка.

– Нет, – просто ответил тот.

– А были?

– Нет.

– А почему?

– Да так. Не получилось, не сложилось. Да и потом, семья – это накладно. Женщины много хотят, знаете ли. Сначала она хочет родить одного ребенка, потом второго. Работать с маленькими детьми она не может, а значит, я должен всех их содержать. С какой стати? У меня не такой большой доход и есть свои нужды и желания. Я найду, куда потратить деньги, кроме как кормить ораву голодных ртов. По молодости не женился, а в зрелом возрасте я уже понял, что мне это и не нужно. А удовлетворять свои сексуальные желания можно и без штампа в паспорте, так ведь?

– Приехать сюда и найти девушку, смотрящую на вас с обожанием, – закончил его мысль Сашка. – Всё с вами ясно.

– Именно! – Стас навалился грудью на стол и зашептал: – Послушайте, Александр, та особа, про которую я вам говорил, уже осталась одна. Её подруга ушла. А она сидит и продолжает сверлить взглядом ваш затылок. Не теряйтесь, друг мой! Вы её возьмёте голыми руками, бурная ночь обеспечена!

Глава 5

– Ирка, у меня уже задница болит сидеть столько времени! – Белобрысая Наташа метала глазами молнии. – Что мы тут высиживаем? Ты ему взглядом дырку в затылке просверлить хочешь?!

– Наташ, ну давай посидим ещё немножечко, ну пожалуйста, – умоляюще ныла Ира. – Скушай вот чипсиков. Пивка тебе купить?

– Я уже все кусты обегала от твоего пивка! – возмущалась подруга. – А от чипсиков твоих у меня изжога! Я на солнце обгорела! Я домой хочу! Принять душ, намазаться кремом и пожрать нормально!

– Ну давай ещё посидим, ну Наташ... Ну пять минуточек!

– Мы уже десять раз по пять минуточек посидели! Чего ты ждешь? Ты думаешь, он сейчас обернётся, увидит тебя и влюбится без памяти?

Ира растерянно заморгала глазами.

– Ну нет, я так не думаю...

– А чего мы тогда тут сидим?!

– Не кричи, он услышит! – зашипела девушка.

– Да и пусть слышит! Мне по фигу! Я жрать хочу! – продолжала возмущаться толстуха.

– Наташ, я тебе сейчас шашлычка куплю, успокойся. Сейчас, подожди...

– Не надо мне твоего шашлычка! – проворчала та. – Богачка какая нашлась – шашлыком угощать! Мне просто тебя, дуру, жалко! Ну что ты в нём нашла? Надменный хам. Он в твою сторону даже не смотрит!

– Наташ, он такой красивый, ну такой!... Просто вылитый Леонардо ди Каприо!

– Блин, сколько раз тебе повторять? – Наташа схватилась за голову. – Козёл он, Ирка! Козёл!!

Внезапно Ира покраснела и пригнулась к столу, опустив глаза в бокал с пивом.

– Что? – напряглась толстуха.

– Он обернулся!

– Ну и что? Смотрит на тебя влюбленным взглядом?

– Нет, отвернулся. Разговаривает со своим другом.

Наташа просто заполыхала негодованием.

– И друг у него козёл! Я этого престарелого бабника знаю! Он в прошлом году Вальке из нашего дома всё лето мозги канифолил. Она ходила довольная, всем рассказывала, что свадьба у неё скоро. Что жених у неё москвич, и она к нему в Москву жить уедет. Ага, уехала! Так до сих пор дома и сидит. Лето кончилось – и женишок тю-тю. Умотал к себе в столицу, только один, без Вальки. Теперь вот опять приехал, но не думаю, что за своей прошлогодней любовью. Говорят, он сюда каждый год приезжает и каждый раз новую бабу заводит.

– Да какое мне до него дело? – отмахнулась Ира.

– А такое, что дурак дурака видит издалека! И козёл козла тоже! Если твой ди Каприо с этим козлом спелся, значит, он такой же козёл! А ты дура – такая же, как Валька!

Закончив тираду, подруга недовольно откинулась на спинку пластикового стула. Ира возмущённо сверкнула глазами в её сторону.

– Наташ, а сама-то ты что ходишь и рассказываешь, что у тебя с Колькой свадьба скоро? – запальчиво спросила она.

– А ты не сравнивай, – назидательно произнесла толстуха. – Колька свой, местный, а не пижон столичный. Мы с ним со школы дружим. К тому же он с матерью на ножах, давно от неё свалить хочет. А мне бабка квартиру оставила. Я ему и сказала – если поженимся, туда жить поедем. Знаешь, как он обрадовался! Так что я его за жабры крепко держу. Пусть попробует не жениться! Будет тогда со своей маменькой-алкашкой до конца жизни куковать.

– Как будто квартира для отношений – это главное! – возразила Ира.

– Конечно! Конечно, главное! – без тени сомнения заявила Наташа. – Что это за отношения без квартиры? Так – перепихон по случаю? А семью без квартиры ты вообще никогда не создашь. Особенно по нынешней жизни, когда государство всех как липку ободрало. А по-твоему – что главное?

– По-моему, главное – любовь! – заявила подруга.

– Любо-овь, – жалостливо протянула толстуха. – Неуже-

ли? Ты серьёзно?

– Конечно! – дёрнула плечом Ира.

– Ага. Ты только никому про это не говори – засмеют. Про любовь она вспомнила! Ты, Ирка, поменьше книжек читай, а побольше людей слушай, особенно семейных. Кому она нужна, твоя любовь, если жить негде? Глаза разуй и погляди, как народ из-за жилплощади грызётся. Башку готовы друг другу проломить!

– Так что же, твой Колька из-за квартиры с тобой встречается? – прищурилась Ира.

– Когда мы встречаться начали, бабка ещё жива была, – резонно заметила Наташа, – и квартиры у меня не было. С седьмого класса под ручку ходили. Думаешь, без любви? А вот замуж Колька мне предложил, только когда жилплощадь появилась. Мужикам, чтобы обручальное кольцо на палец надеть, стимул нужен, толчок, понимаешь? Одной любви им мало. Сегодня он одну любит, завтра другую, послезавтра третью. Невест знаешь сколько? А вот невест с квадратными метрами не так уж много.

– Значит, если бы у тебя квартиры не было, он бы на тебе не женился, – подвела итог подруга.

– Тогда бы я другой способ искала, – пожала плечами Наташа. – Залетела бы, например. Но это уже как последний вариант – самый худший. Мужики сильно не любят, когда их ребёнком к стенке припирают. Способ с квартирой гораздо эффективнее.

– Почему?

– Ну, – задумалась толстуха, – честнее, что ли. Вроде, как он сам решение принимает на тебе жениться. А если забеременеть, то получается, что ты за него решение приняла и потом его перед фактом ставишь. Мужикам это не нравится.

– А ты-то сама своего Кольку любишь, Наташ? – вздохнула Ира.

– Люблю! – заверила та.

– А если он тебя бросит, что будешь делать?

– Не бросит! – последовал ответ. – Колька – не дурак!

– А если – всё-таки?

– Ну если – всё-таки, тогда другого найду! Знаешь, сколько желающих отыщется? В отдельной квартире без родителей пожить? Очередь выстроится, ещё выбирать буду! А ты, чем своего ди Каприо гипнотизировать, лучше бы попроще вариант поискала. Соразмерно своим возможностям.

– Каким возможностям? – опешила Ира.

– Жилищным. Квартиры у тебя нет, зато есть отдельная комната. Чем о принце мечтать, лучше бы там ремонт сделала. И нормального мужика привела, а не этого... гостя из столицы.

– Наташ, ну о чём ты, о чём? Я вообще не понимаю! – возмутилась девушка. – Квартиры, комнаты, ремонт! А ты про любовь вообще не думаешь?

– Опять двадцать пять! А что про неё думать? Нет её. Есть секс и есть расчёт. А всё остальное – сказки для глупых де-

вочек, таких, как ты.

Ира сникла, негодование в её глазах потухло, сменившись печалью.

– Грустные вещи ты говоришь, Наташ, – произнесла она.

– Зато правду. – Толстуха смачно захрустела чипсами.

– Ты знаешь, а мне такая правда не нужна. Я без любви просто жить не смогу. Зачем? Для чего?

– А зачем все живут? Нас, когда рожали, не спрашивали.

А родили тебя – живи! Устраивайся, как можешь.

– Но как я могу себя пересилить? Ну хочется мне любить, ну что я сделаю? Парень вот этот понравился...

– Силу воли тренируй! – усмехнулась Наташа. – Аутотренингом займись. А лучше всего знаешь что? Представь вашу будущую семейную жизнь. Только не в розовых красках, а реальную. Представь, как ты приведёшь его в свой обшарпанный дом без центрального отопления. Как вы будете топить углём котелок, спать на твоём узком диване, умываться холодной водой из ржавой раковины. Как его длинные ноги не будут помещаться в ваш маленький туалет и он будет вынужден делать свои дела с открытой дверью по ночам, когда все спят. А спать у вас ложатся ой как не рано! Как придёт пьяный вдрызг папочка и будет ломиться к вам в комнату, чтобы выпить с зятьком. Как мать будет стучать вам в стенку, когда вы слишком громко занимаетесь любовью и мешаєте ей спать. Как вы будете ходить в общественную баню по субботам, а среди недели мыть голову в тазике. А главное,

как от всего этого он будет раздражаться и вымещать свою злобу на тебе. Ну что – нравится картинка?

Совсем расстроенная Ира посмотрела на подругу тоскливым взглядом.

– Ну а с чего ты взяла, что он будет злиться? – неуверенно спросила она. – Может, и не будет совсем...

– А у него на роже написано. Посмотри, какой он холёный! Мужики с такими рожами котелки углём не топят. Такие мужики живут в квартирах со всеми удобствами и жён себе подбирают соответствующих. Но подожди, я тебе ещё не всё рассказала!

– Что-о ещё? – грустно протянула Ира.

– А ещё у вас родится ребёнок. В доме поселится запах детского дерьма и подгоревшего молока. Без конца надо будет стирать пелёнки, а стиральной машины нет. А главное – станет невозможно спать, потому что ребёнок будет орать по ночам. И вот тогда твой ди Каприо перестанет ночевать дома. А потом соберёт манатки и уйдет совсем. К другой. У которой есть отдельная квартира со всеми удобствами. А ты останешься одна с ребёнком, в грязной дыре, без денег и без мужа. Так и закончится твоя любовь.

– Наташ, ты мне сейчас ужасы какие-то рассказываешь, даже слушать не хочется! – На глазах Иры выступили слёзы. – Но почему надо обязательно жить у меня? Ведь можно же уехать к нему!

– Ага, одна уже уехала! – фыркнула Наташа. – Валька из

нашего дома, я тебе говорила. До сих пор едет, всё доехать никак не может. Вон, кстати, смотри – дружок твоего ди Каприо к фотомоделям клеится!

Толстуха заинтересованно обернулась на громкий мужской голос, кивком указывая подруге на развернувшуюся неподалёку сцену.

– А они его послали – оп-па! Молодцы девочки!

Наташа удовлетворённо хмыкнула, а затем продолжила:

– Понятно, кто твоему красавцу нужен? Фотомодели! Ты у нас на фотомодель тянешь? – Она привстала из-за стола, скептически оглядывая подругу. – По-моему, не очень. Росточком, сто процентов, не вышла. Хотя вес бараний, по весу подойдешь. Но во всём остальном... – скривилась толстуха, – Клаудии Шиффер из тебя не выйдет. Шансов, Ирка, у тебя ноль. Можешь о своём ди Каприо даже не мечтать!

Ира судорожно пыталась сглотнуть подступивший к горлу комок.

– Ты действительно так считаешь? – тихо произнесла она. – Можно даже не мечтать?

– Наконец-то, – шумно вздохнула Наташа, – дошло до жирафа на третий день! Да, Ира, я действительно так считаю! И вот уже полдня пытаюсь донести эту мысль до твоего затуманенного мозга.

– А как же жить без мечты?

– Ну, собственно, мечтать-то ты можешь, кто тебе не даёт? А вот жить надо реалиями, понимаешь? Трезво смотреть

на вещи! Вот с этим парнем, – подруга выразительно показала глазами, – у тебя абсолютно никаких шансов! Он в жизни к тебе не подойдёт, а уж тем более не женится. Не теряй времени, Ир! Ведь у тебя уже возраст подпирает. Двадцать лет, а ты всё в облаках витаешь. Через пять лет ты вообще никому не нужна будешь! Тебе замуж надо быстрее! А вот найдёшь мужа и мечтай сколько влезет. Как все женщины. Лежат в кровати и мечтают о голливудских звёздах, а рядом Вася Печкин пьяный храпит.

– Как – все? – удивилась Ира. – И ты тоже?

– И я тоже, – кивнула подруга, вытряхивая себе на ладонь остатки чипсов из пачки.

– А только что говорила, что Кольку любишь...

– Люблю, – пожала плечами та.

– Так почему же тогда о другом мечтаешь?

– Потому что жизнь такая! – Толстуха закинула чипсы в рот и принялась жевать.

Солнце уже скрылось за горизонтом, и сумерки стали быстро накрывать побережье. Прохладный ветерок задул с моря. Наташа зябко поёжилась.

– Пошли домой, Ир!

– Нет, я... всё-таки ещё посижу, – ответила та. – Знаешь, не хочу я лежать в кровати с одним, а думать о другом. Посижу я ещё. Мало ли что...

– Ничего на тебя не действует, – раздражённо проворчала

подруга. – Никакие уговоры. Ну и торчи тут всю ночь, если хочешь. Пока!

– Пока, – попрощалась Ира и поёрзала на стуле, устраиваясь поудобнее.

Между тем темнота стала стремительно сгущаться. Уставшие от жары вереницы отдыхающих потянулись вверх по асфальтированному склону, направляясь по домам, пансионатам и санаториям. Столики летнего кафе постепенно заполнялись публикой, совершенно отличной от той, которая наводняла его днем. Исчезли семейные пары с выводками детишек. Компании молодых людей в обнимку с девушками и бутылками пьяно шатались по набережной. Напомаженные красотки в коротких юбках скромно присаживались на пластиковые стулья. Заказав одинокую чашку чая, они стреляли глазами в сторону иномарок, подъезжающих к ресторану с зеркальными витринами. Пузатые мужчины с прорезывающимися лысынами рассматривали красоток сальными взглядами. Практически у всех представителей сильного пола на пальцах поблёскивали обручальные кольца, но жён поблизости явно не наблюдалось. Ире стало неуютно среди этих людей. Она сгорбилась, пытаясь стать незаметнее.

Действительно, чего она ждёт? Девушка чувствовала, что эйфория прошла, речи подруги возымели действие. Она сидела здесь уже из тупого упрямства. «Раз уж прождала столько времени, буду ждать до конца, пока он не уйдет», – реши-

ла Ира. Зачем? Она и сама не знала. Она даже не нашлась бы, что сказать, если бы объект её интереса вдруг действительно подошёл к ней. Скорее всего, промолчала бы. «И я дура, и ситуация дурацкая», – сердито подумала девушка.

И обмерла от страха и сладкого предчувствия. Красавец парень резко встал со своего места и направился в её сторону.

* * *

– Знаете, Стас, – Сашка уже изрядно накачался вином, – мне совершенно не нужна эта девица. Я подойду к ней, но только для того, чтобы вы от меня отстали. Ждите здесь. Надеюсь, она быстро убежит, и моё отсутствие будет недолгим. Прихватчу ваше вино, не возражаете?

Взяв початую бутылку, парень нетвёрдым шагом направился к столику, за которым, нахохлившись, как испуганный воробей, сидела девушка. Вперив нетрезвый взгляд ей прямо в лицо, он шёл к цели. Подойдя, задел ногой легкий пластмассовый стол, пошатнулся, наклонился вперед, чтобы сохранить равновесие, и разлил всё содержимое бутылки по столешнице. Вино растеклось и закапало девушке на подол платья.

– Извините, – пьяно пробормотал Сашка.

Ира подскочила. Омерзение и ненависть к самой себе нахлынули на неё. Так вот чего в результате она дождалась! Идиотка! Она повернулась и побежала прочь, краем глаза

замечая, что многие люди, находящиеся на набережной, с удивлением наблюдают за ней.

«Господи, какой позор!» – пронеслось в голове. Ира бежала и молилась только об одном – чтобы поблизости не оказалось никого из знакомых. Иначе завтра её дурацкое поведение будет обсуждать половина посёлка.

– Девушка, вы куда? – дурашливо развёл руками Сашка. – Я же хотел с вами познакомиться!

Парень повернулся к Стасу – тот покатывался со смеху. Помявшись на месте, журналист потопал обратно к своему столику.

– Ну вот, а вы говорили – бурный секс на всю ночь. – Сашка продолжал дурачиться и разводить руками. – Ускакала, как горная коза. Ещё и вино из-за неё разлил.

– Александр, вы шли так, что любая бы на её месте убежала, – веселился Стас. – Вы выглядели, как медведь, который идёт загрызть свою жертву. Даже я бы испугался, честное слово!

Стас отсмеялся, а затем пристально посмотрел на парня.

– А ведь вы не так пьяны, Александр. Вы это сделали специально? Признайтесь!

– Что? – округлил глаза тот.

– Вы специально напугали девушку?

Журналист подтвердил:

– Специально.

– Зачем? – удивился мужчина.

– Уж больно она страшная. Пусть лучше домой идёт.
Стас часто заморгал, а потом снова зашёлся от смеха.

Глава 6

Штырь любил называть свой загородный дом усадьбой, категорически не принимая никаких других названий. Дача, коттедж – всё не то. При слове «дача» в голове любого бывшего советского гражданина возникает образ курятника на болоте. В коттеджах живут уже более привилегированные слои общества, но рангом ниже, чем позиционировал себя Васильич. А вот в усадьбах живут баре. Баринот директор завода как раз себя и считал. Было ещё звучное слово «резиденция», но его Штырь милостиво оставил для мест обитания королей и президентов. Статус хозяина усадьбы вполне его устраивал.

Барское жилище было прямоугольным, двухэтажным, без каких-либо архитектурных изысков. Вытянутое в длину, оно имело два входа. Один из них был обращён к въездным воротам, другой – на приусадебный участок. На участке росли величественные сосны. Пряный аромат смолы наполнял лёгкие и кружил голову. А если пересечь участок по прямой и выйти через заднюю калитку, то тут открывалась настоящая красота: лазурное море и практически пустой, огромный песчаный пляж.

В таком вот месте Васильичу удалось отхватить себе кусок земли и построить дом.

Шестисотый «мерседес», переваливаясь по ухабам просёлочной дороги, подъехал к гаражным воротам. Двойные металлические створки, крашенные коричневой краской, закрывались на висячий замок, который Славка потопал открывать. «Мерседес», а за ним и «гелендваген», запылённые по самую макушку, медленно и устало въехали в просторный гараж.

Рядом с гаражными были расположены ещё одни, деревянные ворота, открывающие въезд на гостевую стоянку для автомобилей. На ней скромно притулилась маленькая красная «тойота». Штырь недовольно покосился в её сторону:

– Кого ещё чёрт принёс?

Как бы в ответ на этот вопрос из-за дома появились четыре фигуры – три женские и одна мужская. По мере их приближения лицо Васильича приобретало всё более недовольное выражение. Навстречу ему шли жена Лена, тёща Егоровна и брат жены со своей супругой. Все четверо слащаво улыбались.

– Стёпа! – замахала рукой Лена. – А у нас гости! Виталик с Катей приехали!

Хозяин усадьбы, дождавшись, пока компания подойдет поближе, хмуро спросил:

– Чего это? – И, не здороваясь, кивнул в сторону шурина с невесткой: – Я их не звал, а они припёрлись?

Улыбки с лиц родственников не исчезли, но из слащавых превратились в вымученные. Жена Васильича потупилась,

испытывая явную неловкость. При этом никто из присутствующих не выглядел ни удивленным, ни шокированным. Выходка хозяина усадьбы молчаливо принималась как данность.

Нарушив возникшую паузу, подала голос тёща:

– Стёпушка, а мы уже заждались, стол накрыли, я пирог испекла!

– Пирог – это хорошо, – закричал Штырь. – Здраваться кто будет? – Вопрос был обращён к незванным гостям.

– Здравсте! – отозвались те нестройным дуэтом.

– Здравсте, – хмыкнул родственник, сверля парочку пытливым взглядом.

За спиной Васильича молчаливой группой стояли охранники, бесстрастно наблюдающие семейную сцену.

– Стёпа, пойдём в дом, – косясь на них, попросила Лена. Ей явно хотелось скрыться от посторонних глаз.

– А чего в до-ом? – вдруг обиженно, как ребёнок, протянул Штырь. – Погода какая! Я на улице хочу посидеть.

– Конечно, конечно, на улице! – засуетилась Егоровна, бросив раздражённый взгляд на дочь. – Мы сейчас там и накроем, и ужин туда подадим!

– Ужинать не буду – сыт, – произнёс Васильич. – А вот чайку попою! С тёщиным пирогом. С чем пирог-то, а?

– С зелёным луком, Стёпушка – твой любимый. – Егоровна была рада до смерти, что ей удалось купировать вспышку недовольства зятя. Вдвоём с дочерью они исчезли в доме,

туда же поспешили ретироваться и шурин с невесткой.

– Степан Васильич, нам куда? – прозвучал из-за спины голос начальника охраны. Штырь обернулся.

– Давайте-ка «мерина» мойте, – отдал он распоряжение телохранителям. Те, облачённые в отглаженные костюмы, спали с лица, но возражать не посмели. – А потом все вместе езжайте на «козле» на завод, – продолжал командовать шеф. – Машину на заводе оставите – и по домам, отдыхать. Славка, «козёл» в городе помоешь! На мойку заедешь, вот тебе деньги.

– Так, может, и «мерина» в городе помыть? – с надеждой спросил начальник охраны.

– Нет, «мерин» мне завтра здесь нужен! – отрезал генеральный. – Бабенко в гости жду. Пусть приедет, позавидует!

Никита Петрович Бабенко был мэром города.

– Мойте как следует, чтоб блестел! Языками вылизывайте! Приду – проверю!

Распорядившись, Штырь заковылял к дому. Потом вдруг остановился и спросил:

– Славка, семечки есть?

Тот кивнул.

– Отсыпь!

Воробьёв залез в карман шортов и с готовностью отсыпал начальнику порцию в протянутую ладонь. Довольный, тот продолжил свой путь.

Лена с Егоровной носились как заведённые, накрывая на улице стол к чаю. В таком же темпе крутилась и Катерина. А её мужа просто усадили под сосной в плетёное кресло. Кресла были сделаны на заказ, в соответствии с необъятными габаритами Васильича, и потому напоминали небольшие диванчики. На таком же диванчике разместил свой широкий зад и сам хозяин усадьбы, смачно сплёвывающий шелуху от семечек себе под ноги.

– Ну что, Виталя, как житуха-то? Ничего? – хитро прищурив один глаз, спросил Штырь.

– У кого-то, может, и ничего, – плаксиво ответил родственник, – а у нас плохо!

– Что так?

– Меня с работы хотят уволить...

– Да ну! Какие гады! – картинно всплеснул руками Васильич. – За что же это тебя, бедного?

– Сделок совсем нет, – продолжал плакаться шурин. – Народ без денег сидит, ничего не покупает. Не до жилья сейчас людям.

– Это плохо, – согласился хозяин усадьбы.

– Плохо, – кивнул Виталий.

– Что ж, совсем никто ничего не покупает? У нас всё-таки курортный город, спрос на недвижимость всегда был.

– Был, – опять кивнул родственник.

– А сейчас нет спроса?

– Нет.

– Плохо.

– Плохо.

Штырь продолжал лущить семечки.

– А ты арендой займись, Виталь! – посоветовал он. – Народ на отдых всё равно едет – лето же. Комнаты снимают, квартиры. Вот ты и возьми на себя посредничество.

– Не могу! – заявил тот.

– Почему?

– Конкуренция большая, вытесняют!

– А ты конкурентов сам потесни!

– Не могу!

– Почему?

Виталий шумно вздохнул, опустил глаза и отвернулся.

– Мальчики, к чаю! – певуче зазвучал голос Лены.

– Пошли чай пить, нищий ты наш агент по недвижимости, – с издёвкой пригласил Васильич. Виталий предпочёл не обратить внимания на едкий эпитет в свой адрес. Встав, он потопал на зов сестры.

Рассевшись за овальным плетёным столом, покрытым белоснежной скатертью, семейство принялось за трапезу. Огромное блюдо с ещё тёплым луковым пирогом источало аппетитный аромат. Вокруг него теснились многочисленные вазочки с печеньем и конфетами. Свежезаваренный чай янтарно поблёскивал в тонкостенных сервизных чашках. Хозяин усадьбы, довольно крякнув, положил себе внушительный кусок пирога. Отправив в рот значительную его часть,

он принялся жевать, прижмурившись от удовольствия.

– Катерина, тут мне твой муж на жизнь жаловался, – облизывая пальцы, обратился он к невестке. – С работы, говорит, увольняют. Жить скоро не на что будет.

– Да, у нас сложная жизненная ситуация, – потупив глаза, произнесла та. – У Виталички проблемы.

– Бедные вы, бедные... – усмехнулся Штырь. – А я смотрю, на машине новой приехали. Или это так, кто-то покаяться дал?

Катерина рассерженно зыркнула в сторону мужа. Тот сделал вид, что не заметил.

– Машина не новая, а подержанная, – стала оправдываться невестка. – Три года ей. По дешёвке взяли, последние деньги отдали. Но она в очень хорошем состоянии. Пробег всего десять тысяч. Потому и взяли, что хорошая и дешёвая.

– А-а-а, – протянул Васильич. – Ну, если хорошая и дешёвая, тогда можно и последние деньги отдать. Да, Виталичка?

Шурин снова предпочёл не отвечать.

– Что молчишь-то, родственник? – спросил хозяин усадьбы, отправляя в рот следующий кусок пирога. – От проблем на работе язык отнялся? Кушай вон пирожок – мамка испекла!

Лена, всю беседу явно страдавшая от выпадов мужа в адрес гостей, попыталась сменить неприятную тему.

– А как у Тёмы дела в институте? – задала она вопрос.

– Хорошо, – подал голос Виталий. Потом вдруг чихнул и

трубно высморкался в платок.

Васильич, жуя, насмешливо наблюдал за ним.

Брат Лены вид имел бледный, даже болезненный. Сколько Штырь его помнил, тот всегда был худым, с землистым цветом лица и постоянно простужался. Казалось, ткни в него пальцем – и он рассыплется на части. Жена Виталия, наоборот, тело имела дородное, на лице всегда играл румянец. Мужу спуску не давала, держала его в строгости, на коротком поводке. Сопровождала супруга везде и всюду. Кроме того, Катерина была старше Виталия на несколько лет, ухаживала за ним, как мамка, и последнее слово в доме всегда было за ней. Все вокруг это знали и тихонько посмеивались, но в глаза, кроме Васильича, никто ничего не говорил.

– Приболел никак, а, Виталька? – хмыкнул Штырь, сведя на нет старания жены разрядить обстановку. – Катька, что за мужем не ухаживаешь? Заболел вон, чихает... Ты к нам лечиться приехал, Виталь? Морским воздухом подышать, ингаляцию сделать?

Невестка подавилась пирогом, а Виталий, с хмурым видом пряча в карман носовой платок, сердито ответил:

– Я к матери приехал. Навестить.

Васильич картинно вздёрнул брови.

– Егоровна, так это он к вам, оказывается, прикатил! – изумился он. – А я думал, ко мне. Ошибся, значит. По простоте душевной не понял, что к чему.

– Стёпа, Виталик по делу приехал, – стараясь не смотреть

на мужа, произнесла Лена.

– По де-елу, – протянул супруг. – А я, знаешь, и не сомневался, что по делу. Какое-то чутьё прямо-таки подсказывало, что Виталик приехал именно по делу! Ну давай, родственник, выкладывай, какое у тебя ко мне дело.

Подцепив из вазочки конфетку, хозяин усадьбы принялся медленно разворачивать фантик, обводя присутствующих насмешливым взглядом.

За столом повисло молчание. Все, как один, уставились в чашки с чаем.

– Ну, я слушаю! – поторопил Штырь и надкусил шоколадный батончик, церемонно придерживая его двумя пальцами.

Шурин закашлялся, покраснел и, закрыв рот салфеткой, выскочил из-за стола. Не переставая кашлять, он скрылся в доме.

– Так, Виталька выбыл, – констатировал Васильич и переключился на невестку. – Катька, может, ты тогда изложишь суть вопроса?

Но вместо Катерины внезапно подала голос Лена.

– Стёпа, Виталик хочет занять у тебя денег, – на выдохе проговорила она. Было видно, что эта фраза стоила ей больших усилий.

– А кто бы сомневался, что Виталик хочет денег, – хмыкнул супруг. – Виталик к нам по другим поводам и не приезжает. Я имею счастье лицезреть его рожу, исключительно когда ему надо денег. И мать тут ни при чём. Да, Егоровна?

– Что? – встрепенулась тёща, услышав своё имя.

– Я говорю, что сын твой к нам приезжает, только когда деньги нужны!

– Виталик занятой очень, – уважительно произнесла та. – Не может часто приезжать. У него работы много. А сюда ехать далеко. А я не обижаюсь. Время-то сейчас какое! Тяжело всем. И потом, телефон есть! Зачем попусту машину бить, бензин жечь. По телефону можно поговорить.

– И часто ты с ним по телефону разговариваешь? – поинтересовался Васильич.

– Часто, – закивала Егоровна. – Вот вчера как раз разговаривала. Он позвонил, а я трубку взяла. Говорит, приедем к вам завтра, дело у меня к Степану. Вот я сегодня пирог-то и испекла.

– Пирог – это хорошо! – Штырь потянулся за следующим куском сдобы. – И много вам денег надо, Катерина?

– Сейчас Виталик придёт и скажет, – ответила невестка. Глаза, в которых плескалось раздражение, она старалась ни на кого не поднимать.

– Да ладно, – махнул рукой Васильич, – мы все и так знаем, кто у вас в семье руководит. Пусть твой Виталик там, в доме, кашляет. Говори сама.

Катерина поёрзала на кресле, бросая быстрые взгляды на присутствующих, помяла в руках салфетку и выпалила:

– Нам нужно десять тысяч долларов!

– Ого! – изумился хозяин усадьбы, замерев с куском пи-

рога у самого рта. – Ничего себе! Для чего же вам столько денег? В магазин за хлебом сходить?

– Мы хотим открыть своё агентство по недвижимости!

– Ишь ты! – удивился зять. – Своё агентство! В чужом агентстве, значит, Виталька работать не может – сделок у него нет. А в своём, значит, сможет? И сделки тут же появятся?

В это время шурин вернулся к столу. Васильич, морщась, оглядел сублильного родственника. Уловив, что основной вопрос уже озвучен, брат Лены поспешил вставить своё слово.

– Разве мы много просим? – протянул он плаксивым голосом. – Подумаешь, десять тысяч! Для тебя это копейки.

– А ты-то откуда знаешь, копейки для меня это или нет? – поднял брови Штырь. Кусок пирога, наконец, был отправлен в рот. – Я, между прочим, деньги не печатаю! Я директор винно-водочного завода, а не завода по производству дензнаков!

– Так мы же всё вернем, – переглянулись Виталий с Катериной. – Мы же в долг!

– Конечно, вернёте. Ещё бы вы не вернули! – проворчал зять. – Вопрос только – когда? А что же вы в банке кредит не возьмете? Проценты неохота платить?

– Конечно, – закивала Катерина, – и проценты бешеные, и волокиты сколько! Пока все бумажки соберёшь, все проверки пройдёшь...

– Да знаю, знаю, – перебил её Васильич.

– А если знаешь, чего тогда спрашиваешь? – раздражённый Виталий позволил себе даже некий выпад в сторону богатого родственника.

Штырь не удостоил его ответом. Пыхтя, он поедал пирог. Затем, уперев взгляд в Катерину, внезапно произнёс:

– У тебя, Катька, прыщ на подбородке вскочил.

На лице невестки появилось мучительное выражение. А Васильич, прихлёбывая чай, добавил:

– И вообще, растолстела ты сильно! Витальку скоро раздавишь. Виталька, ты её сверху-то не пускай! Пусть под тебя ложится, а то мы твоих костей скоро не соберём!

Шурин натянуто улыбнулся. Снова возникла тягостная пауза.

– Ну так что, Степан? – не выдержал Виталий. – Дашь денег?

– Я тебе не Рокфеллер! – грубо отрезал Штырь. – И водку я не за доллары продаю, а за рубли! И выручку всю, до копейки, показываю! И налоги плачу! И зарплату людям не задерживаю! Перебьётесь!

– Стёпа, не кричи, – попыталась успокоить мужа Лена.

– Что захочу, то и буду делать! Я в своём доме! И ты мне рот не затыкай! – оборвал супругу Васильич. – Вы все у меня на шее сидите и ещё рот мне затыкаете! Родственнички хреновы!

Со звоном опустив чашку на блюдце, обозлённый Васи-

льич начал остервенело чесаться.

– Мошкара зажрала, блин. . .

Затем с новой силой накинулся на притихших женщин:

– Какого чёрта стол на улице накрыли?! Комары меня уже до костей обглодали! Ничего толком сделать не можете!

Лена дёрнулась, устремив тревожный взгляд на мать. Егоровна мгновенно подскочила.

– Да мы сейчас всё в дом занесём! Нам не трудно. Лен, давай быстро стол в доме накроем!

Дочь тоже поднялась, зачем-то принявшись бестолково переставлять чашки.

– Мы, пожалуй, поедем, – засобирился Виталий.

– Да-да, поздно уже, Тёмочка там один, – заспешила вместе с ним Катерина.

– Ага, плачет студент без мамки, – воткнул последнюю шпильку Васильич. – Весь в папку пошёл!

Пропустив обидную фразу мимо ушей, супруги поторопились распрощаться.

– Пирожок-то возьмите Тёмочке! – всполошилась Егоровна. – Совсем внука не вижу, хоть стряпню мою поест.

– Мама, Тёма учится, некогда ему тебя навещать, – проворчал Виталий, но гостинец взял. Косясь в сторону охранников, надраивающих на лужайке шестисотый «мерседес», шурин с невесткой покинули негостеприимный дом.

* * *

– Уф-ф! – В салоне автомобиля Катерина обмякла. –

Неужели выдержали?

– Мне иногда так хочется ему по роже съездить! – прошипел Виталий с лицом, напрягшимся от едва сдерживаемой злобы.

– Не вздумай! – окоротила его супруга, устраивая свой объёмистый зад на сиденье. – Ему твой удар что слону дробина. А вот если он тебе по роже съездит, реанимация обеспечена. А то ещё охранников своих натравит – вообще прибьют! В лесу закопают, и следов не найдёшь. А у тебя семья, между прочим, сын студент!

– Да не бухти ты, сам знаю! – Виталий опустил ручной тормоз. – Унижаться перед ним надоело! Он нам в морду плюёт, а мы улыбаемся.

– И улыбайся! – с нажимом произнесла жена. – Улыбайся! Подумаешь – разок в морду плюнет! Зато потом денег даст.

– Да если бы разок! Он постоянно над нами издевается!

– Ну и что?! А ты терпи! Ради таких деньжищ можно и потерпеть чуток. Ты, главное, от Ленки не отставай. Завтра ей позвони. И на жизнь побольше жалуйся. Пусть думает, что мы бедные. А то сама в шоколаде живёт, мать тоже к себе пристроила, а брат, значит, должен копейки считать?

– Доведёт меня Степан до белого каления! – ворчал муж. – И ведь нравится ему глумиться над людьми! Прямо удовольствие от этого получает. Раньше, когда как все жил, он такой не был.

– Деньги людей портят, – авторитетно заявила Катерина.

– Не деньги людей портят, а люди людей портят! Если бы мы его на место ставили, он бы с нами по-другому разговаривал.

– Тогда бы ты вообще от него ни копейки не получил! А так хоть что-то имеем. Ты, главное, от Ленки не отставай, – твердила своё супруга.

– Может, правда, проще в банке кредит взять? – с надеждой спросил Виталий.

– Ты что! – сверкнула глазами жена. – На процентах разоримся! По миру пойти захотел?!

– Лучше по миру пойти, чем быть ковриком для вытирания ног!

– Я тебе дам – лучше! – пригрозила Катерина. – Я тебе щас такое «лучше» покажу! Придумал! Кредит в банке! Ишь...

Дородная супруга возмущённо запыхтела.

– Ладно, не ори! – поморщился муж. – В ушах звенит.

– Я тебе щас дам – «не ори»! На дорогу вон смотри! Не хватало ещё в аварию попасть...

«Тойота» натужно редела мотором, преодолевая просёлочные ухабы. Виталий остервенело рванул рычаг коробки передач.

– Своими руками бы этого родственника придушил, ей-богу! – злобно прошипел он.

– Ты, главное, от Ленки не отставай, – продолжала наставлять жена.

* * *

Трое охранников, сняв пиджаки, в белых рубашках и отглаженных брюках надраивали «мерседес».

– Расскажите хоть, чё вы там, в ресторане, жрали? – обратился к Сергею один из его подчинённых.

– Мясо, – коротко бросил тот.

– Вкусное? – сглотнув голодную слюну, уточнил парень.

– Нормальное, – отрезал начальник.

– А мы с утра не жрамши!

– На заводе, в столовке, надо было пообедать. – Сергей не проявил ожидаемого сочувствия.

– Так не успели.

– Надо было успеть!

Начальник охраны дал понять, что больше жалобы по этому вопросу не принимаются. Но парень не унимался.

– Сергей Викторович, может, вы на кухне чего-нибудь для нас спросите? Кухарки обычно сердобольные, дают пожрать, если попросить.

– Нет здесь кухарки.

Парень, явно недавно устроившийся на работу, удивился:

– А как же они живут? Кто жрать готовит-то?

– Жена с тещей и готовят. Заткнись, я сказал, со своей жратвой! Машину лучше мой! Быстрее помоем, быстрее в город попадём. Там и пожрёте.

Парень вздохнул и, плеснув полироль на бок автомобиля, взялся за тряпку.

* * *

Васильич молча, постукивая пальцами по столу, наблюдал, как жена с тещей заносят в дом чайные принадлежности. Солнце клонилось к закату и озаряло розовым светом всё вокруг. Воздух застыл, даже близость моря не приносила пролады. Только здесь, под тенью деревьев, хозяин усадьбы находил спасение. Ему, с его весом и комплекцией, в такие дни было особенно тяжело.

Мошкара к вечеру действительно стала заедать, но уходить с улицы всё-таки не хотелось. Немного подумав, Штырь решил переместиться из-за стола в плетёное кресло под сосной, где недавно беседовал с шурином. Очень уютное там было местечко. Но, узрев возле дерева дёрн, заплёванный шелухой от семечек, скривился.

– Лен! – позвал он жену. – Лен! Иди сюда! Прибери здесь.

Супруга покорно пошла на зов.

– Ой, ну а кто это здесь нагадил? – всплеснула она руками.

– Я, – склонив голову набок, капризно произнёс Васильич.

– Ты?! – В голосе жены не было ни удивления, ни негодования, сквозила только беспредельная усталость. – Ты что, семечки стал лузгать? Как базарная баба?

– Ну и что? Мне захотелось! – Муж, подобно маленькому ребёнку, надул губы.

– Захотелось! – в сердцах бросила Лена. – Как я теперь это убирать должна? Пусть так всё и валяется.

– Ну, ты веничком, так это... – Штырь попытался изобразить процесс подметания.

– Как я тебе веничком с травы шелуху смету? – вздохнула жена. – Издеваешься?

– Ну и ладно, – проканючил супруг. – Буду сидеть в грязи! Жена меня не любит, ухаживать за мной не хочет. Я всё для тебя делаю, а ты для меня пол подмести не можешь!

Васильич скорчил обиженную мину и, плюхнувшись на плетёное сиденье, устался в сторону.

– Сядь в другое кресло, – показала рукой Лена.

– Не хочу! Мне здесь больше нравится!

Женщина пожала плечами, повернулась и пошла обратно к столу.

– Стёпа! – позвала она через какое-то время. – Мы в доме чай накрыли, пошли!

– Не пойду! – отозвался хозяин усадьбы. – Не буду я ваш чай пить, сколько можно!

– Как не будешь? – подошла ближе супруга. – А для кого мы с мамой накрыли?

– Не знаю, для кого. Сами пейте свой чай. Я на вас обиделся.

– Ладно, – согласилась Лена, – чай можешь не пить. Но хоть просто нам компанию составь. Или так и будешь здесь сидеть?

– Так и буду сидеть.

Женщина снова пожала плечами и направилась в дом. Зайдя внутрь, она прошла в гостиную. Как и все комнаты в доме, гостиная имела прямоугольную форму, без каких-ли-

бо выступов или закруглений. Дальний угол перегораживал камин, стену полностью занимал огромный плазменный телевизор. Посреди комнаты стоял дубовый стол с резными ножками, на который с улицы перекочевали белоснежная скатерть, чашки, пирог и сласти. Вокруг стола громоздились массивные стулья, на одном из которых сидела Егоровна. В жилище большого человека маленькая женщина затерялась, как муха в картонной коробке.

– Ну что? – Егоровна тревожно подняла глаза на дочь.

– Сидит в кресле, дуется, – устало произнесла Лена.

– А к столу придёт?

– Нет. Сказал, сами пейте свой чай.

– Ну и ладно, – повернулась к телевизору мать. – Посидим, подождём. Со стола убирать не будем. А то придёт, скажет – опять накрывайте. Чёрт его знает, твоего мужа, что ему в голову стукнет! А мы опять бегай, как две савраски!

– Да уж! – Дочь тоже присела на стул и уставилась в телевизор.

С огромного экрана что-то вещал Борис Николаевич Ельцин. Невнятная речь резала слух, оплывшие щёки совсем заслонили щёлочки глаз. Распухший нос, некогда подкорректированный пластическими хирургами, краше не стал.

– Совсем плохо выглядит Борька-то, – кивнула Егоровна в сторону главы государства. – Вконец уж спился. Всю страну развалили, разворовали, а он знай – водку хлещет. Выбрали на свою голову президента.

– Мам, ладно тебе, – махнула рукой Лена. – Страну развалили... Тебе-то от этого хуже стало, что ли? Ты что, плохо живёшь?

– Хорошо живу! – воскликнула мать. – Лучше некуда! Барину, мужу твоему, каждый день в пояс надо кланяться. А у меня тоже гордость есть! Была бы возможность достойно жить, хрен бы вы меня здесь вместо прислуги держали!

– Тише, мам, – зашипела Лена, – с ума сошла? Если услышит, озвереет!

– Да не услышит, не бойся, – успокоила Егоровна дочь, – вон он сидит, я его в окошко вижу.

– Охранники могут зайти, – продолжала шипеть Лена. – Узнают – донесут!

– Охранники уехали уже, – ответила мать. – Машину помыли и уехали.

– Точно?

– Точно!

Дочь облегчённо вздохнула и с укоризной взглянула на пожилую женщину.

– Как ты можешь такое говорить, мама? – произнесла она. – Сколько я сил потратила, чтобы уговорить Стёпу взять тебя сюда! А ты всё недовольна. Чем тебе тут плохо? Живёшь на свежем воздухе, со всеми удобствами, ешь что хочешь и сколько хочешь!

– Ты ещё будешь меня куском хлеба попрекать! – проворчала Егоровна. – Я всю жизнь провалявала, вас с Виталь-

кой вырастила и чего дождалась на старости лет? В приживалках живу у зятя, из милости! Домработницу из меня сделали! К кастрюлям приставили! И я ещё должна за это спасибо сказать?

– Во-первых, мама, – Лена говорила, всё время тревожно поглядывая в окно на сидящего под сосной супруга, – никто тебя не попрекает. Во-вторых, растила ты нас не одна. У тебя вообще-то муж был, если помнишь.

– От вашего папеньки никакого толку никогда не было! – продолжала бухтеть Егоровна. – Много он вами занимался? А, вспомни? Уроки хоть раз проверил? Хоть один выходной с вами провёл? В цирк, в кино сводил? А когда вы с Виталькой грудными были, он ни одной пелёнки не постирал, ночью ни разу не встал, если плакали! Считал, что не мужское это дело – с сопливыми детьми возиться. У него занятия поинтереснее находились – театры и любовницы.

– Но ведь он деньги зарабатывал, мама!

– Да, – согласилась Егоровна, – морским офицерам тогда много платили, денег нам хватало. На зарплату медсестры я бы вас в таком достатке не смогла вырастить. Потому и терпела всю жизнь выходки вашего папеньки.

Лена пристроила стул так, чтобы получше видеть в окно мужа, и спросила:

– А что, ты считаешь, тебе было бы лучше развестись с отцом?

– Тогда я так не считала, – вздохнула мать, – жила с ним

ради вас, о себе не думала.

– И что? Разве это плохо – жить ради детей? Я тебя не понимаю, мам!

– О себе тоже надо думать, – ответила та, – о собственном достоинстве. Иначе всю жизнь будешь пресмыкаться. И я – тому пример. Сначала отец твой власть надо мной имел, а теперь вот зять то же самое делает.

– Мама, не надо всё так воспринимать, – принялась Лена её уговаривать. – Ничего ужасного в твоей жизни не происходило и не происходит. Ну, развелась бы ты с папой, и дальше что? Влачить полунищенское существование, одной, с двумя детьми? Квартиру бы пришлось разменять, офицерских продуктовых пайков не было бы. В очередях за колбасой стоять – это что, жить с достоинством? А смогли бы мы с Виталиком высшее образование получить? Неизвестно.

– А на хрена тебе твоё высшее образование? – грубо спросила Егоровна. – Вот выучили тебя, и что? На втором курсе замуж выскочила, на третьем родила. Еле до диплома тебя дотянули, мучились сколько. А толку? Сколько ты по специальности проработала? Дома сидеть и борщи варить можно и без института!

– Да, мама, – вспыхнула Лена, – я сижу дома и варю борщи! Потому что я замужем за человеком, который может меня обеспечить! Потому что я не хочу преподавать в школе за тысячу рублей в месяц! Потому что я не желаю тратить свои нервы на полудебилльных детей, которых интересуют толь-

ко жвачка, кола и мультфильмы про черепашек-ниндзя. Хочешь, чтобы я развелась с мужем и пошла работать учительницей? А как мы будем жить, мам? Нам тогда придётся переехать обратно в свою квартиру! А там живёт Вера с мужем и ребёнком! Забыла? Хочешь ютиться впятером в трёх комнатах? А если Вера ещё родит?

– У Веры есть муж! – тоже повысила голос Егоровна. – Вот пусть он и обеспечивает свою семью жилплощадью! А не пристраивается жить в моей квартире!

– Мама, пожалей Веру! Где её муж возьмёт квартиру? Ну где?

– Я не обязана об этом думать! – Голос матери сорвался на крик. – Пусть снимает, пусть катятся к его родителям!

– Да, мама, давай, выгони родную внучку на улицу! – всплеснула руками Лена. – Пусть в подворотне живет, а ты будешь жить одна в трёхкомнатной квартире и думать о своём достоинстве! Только вот на какие деньги ты будешь жить, а? На свою грошовую пенсию? С раннего утра будешь бегать по булочным, выскивая хлеб подешевле? Ходить в дырявых туфлях? Латать старые платья? Так ты сохранишь своё достоинство?

Мать сгорбилась, закашлялась, взгляд её потух. Затем скрипучим голосом произнесла:

– Вот и не спрашивай больше, Лена, хорошо ли я живу. всю жизнь медсестрой проработала, с самой юности. В войну ещё, девчонкой сопливой, санитарам помогала, бинты

стирала. И чего дождалась на старости лет? Копеечной пенсии, на которую прожить невозможно... И ту государство не выплачивает, с декабря вон ни рубля в сберкассе не дали. А президенту нашему хоть бы что! Только водку жрёт с утра до вечера, а на простой народ плюёт! Харю жирную откормил... У, сволочь! – Егоровна погрозила кулаком в сторону вещающего с экрана телевизора Бориса Ельцина. – Старик в нищете живут, кругом одно ворьё, бандиты и пьяницы. Людей до нитки обобрали! Где моя пенсия? Где, а? – спросила пожилая женщина главу государства, как будто он мог ей ответить. – Пропил её небось гад... Как же тут с достоинством прожить? Вот и остаётся только – перед богатеями на коленях стоять. Сколько лет уж перед зятем на коленях стою и помру, видать, на коленях.

Егоровна обратила взгляд на дочь.

– И ты, смотрю, такая же. Вся в меня. Муж тебя вместо прислуги держит, а сам по любовницам бегаёт. А ты терпишь. Нет у нас в роду гордых женщин. ..

Лена вздрогнула, но справилась с собой, подошла к матери, обняла её за плечи и тихо сказала:

– Мы хорошо живём, мама. Да миллионы женщин посчитали бы за счастье оказаться на нашем месте. У нас есть огромный дом, есть достаток. Мы не заботимся, где нам спать, как согреться зимой, где взять еду. У тебя двое замечательных детей, двое внуков, правнук. Все здоровы, все пристроены. Да, нам с тобой приходится убирать в доме и

варить еду. Но все женщины делают это и не считают себя прислугой. А насчет любовниц, так это всё сплетни. И папа тебе не изменял, и мой муж мне не изменяет. Это всё бабы от зависти брешут.

– Да, действительно, бог с ним, – вздохнула Егоровна, – и уберём, и приготовим. Но хоть бы отношение человеческое было. А то как собачек шпыняет.

– Мам, не выдумывай. – Дочь слабо улыбнулась. – Тебя Стёпа вообще не трогает. Если кому достаётся, так это мне. А я терпеливая, мне всё нипочем.

Женщины замолчали.

– Лен, – подала голос Егоровна. – А почему Степан Верке квартиру не купит?

– Не задавай глупых вопросов, мама, – ответила та. – Потому что Вера – не его дочь.

* * *

Васильич просидел на воздухе где-то около часа. Ему хотелось прогуляться до моря, разуться, потрогать ногой мягкие волны. Но очень уж лень было вставать. Его стало клонить ко сну. Побоявшись заснуть прямо на улице, хозяин усадьбы сделал над собой усилие и поднял тяжёлое тело с кресла. Дойдя до дома, он ввалился в гостиную и, узрев жену, стоящую у окна, капризно протянул:

– Ле-ен, спа-ать хочу!

– Да, Стёпушка, сейчас, – всполошилась та. – Пойдём, я тебе постель разберу.

Муж устало поморгал слипающимися глазами и поковылял в спальню.

Супруги спали раздельно. Васильич выделил себе комнату на первом этаже, чтобы не утруждаться подъёмом по лестнице. Широкая кровать громоздилась посреди комнаты, декорированной в тёмно-синем цвете. Лена быстро сдёрнула покрывало, поправила пуховые подушки. Хозяин прошёл в комнату прямо в уличной обуви. Кряхтя, уселся на край кровати и вытянул ногу. Жена сняла с него один ботинок, потом другой, затем помогла стянуть рубашку и брюки. Завалившись в постель и повернувшись на бок, Васильич заканючил:

– Спинку почесать!

Лена покорно заскребла ногтями по спине мужа. Штырь удовлетворённо засопел, засыпая.

– А! – Васильич издал такой звук, что жена вздрогнула. – Совсем забыл! Завтра Бабенко в гости приедет. Тебе надо стол накрыть. Соорудишь там всё, как полагается.

– Как Бабенко?! Как в гости?! – У Лены бессильно опустились руки. – Почему же ты раньше не сказал? У нас даже продуктов нет!

– Утром в город съездишь, купишь, – сонно пробормотал муж.

– На чём? – простонала жена. – Ты водителя домой отпустил!

– Да? Чёрт! Позвони, пусть приедет, отвезёт тебя на рынок. – Штырь недовольно задвигался, требуя, чтобы его

опять чесали.

– Хорошо, – устало и покорно произнесла Лена, снова начиная скрести спину мужа. – Бабенко один будет? Или с женой?

– Один. Или с женой. – Васильич уже засыпал, язык его заплетался.

– А во сколько они приедут? – заторопилась супруга задать последний вопрос.

– К обеду. – Муж сладко зачмокал и захрапел.

– К обеду, – тупо повторила Лена и посмотрела на часы. Стрелки показывали половину двенадцатого ночи.

– Мам! – Лена вышла в гостиную, где Егоровна убирала со стола. – У нас завтра к обеду гости. Мэр с женой приедут. Стёпа сейчас сказал.

Егоровна замерла с блюдами в руках.

– О боже! Опять на рынок в шесть утра ехать! – охнула она. – Неужели нельзя было заранее предупредить, чтоб нам, как савраскам, не бегать?

– Мам, ты спи, я одна за продуктами съезжу, – произнесла дочь. – Потом только на стол собрать поможешь, хорошо? Господи, ещё же надо Славе позвонить, – схватилась она за голову.

До постели жена Васильича добралась только в половине первого ночи. Спать ей оставалось всего пять часов.

Глава 7

Серебристый «ауди» тяжело переваливался по ухабистой дороге на окраине посёлка. Вдоль пыльной улицы, за скобоченными заборами, выстроились деревянные домишки довоенной постройки. Во дворах бегали куры, лохматые псы лениво брехали на прохожих. Наглые коты настороженно наблюдали за машиной – редким гостем в этих местах. В домишках не было ни газа, ни канализации, водопроводную воду давали по часам, а ванная считалась роскошью. Летом дворы утопали в пышной зелени, хоть как-то скрывающей убогость жилищ. Слякотной зимой постройки выглядели жалко. И только близость лимана делала эти места привлекательными. Пройди сто метров – и вот они, вожделенные волны, тихо плещущиеся у берега. Не портили впечатления ни грязновато-серый песок, загаженный окурками, ни безжизненная мутная вода, слишком тёплая, почти горячая. Чтобы хоть как-то в ней поплавать, надо было тащиться от берега в глубь лимана по илистому дну.

Но солнце грело всю, давая страждущим тепло и загар. На пляже можно было валяться с утра до ночи, снять угол в ближайшем домишке стоило копейки. Что ещё надо человеку? В былые времена от желающих отдохнуть в этих местах не было отбоя.

Летом прошлого, 1998 года дефолт ударил по стране, как залп миномётных орудий. Лето нынешнего, 1999 года на отдыхающих было бедновато. Люди, ещё не оправившиеся от потрясения, заделывали бреши в собственных бюджетах. Не до жиру, быть бы живу. Местные жители, раньше отбивавшиеся от желающих снять комнатку на побережье, сейчас охотились за каждым туристом.

Славкина мать, Галина Сергеевна, каждый день как на работу, ездила встречать поезда, прибывающие из Москвы. Выстругала палочку, на палочку прибила дощечку. На дощечке кнопками прикрепила листочек с надписью: «Сдам комнату/койку. Очень дешёво» Вставала у выхода из вокзала в один ряд с такими же, как она, и хватала за руки прибывших на отдых сограждан.

– Снимите у меня комнатку, ну пожалуйста! Вам с ребёнком лучше всего будет на лимане! Там мелко, как раз для малышей! Грязь? Ну и что – грязь?! Грязь у нас лечебная, ею в пансионатах за деньги мажут. А у нас бесплатно – мажься сколько влезет! Снимите у меня комнатку! Я вам и скину чуток...

Деньги, вырученные за сдачу жилья, были единственным средством существования Галины Сергеевны. Была ещё пенсия, но эти гроши, положенные государством, не выплачивали уже полгода. Кризис в стране, как всегда, ударил по самым бедным. Когда-то были ещё накопления на сберкнижке

– Галина Сергеевна сдавала комнаты давно, ещё со времён социализма. Дефолт превратил эти деньги в пыль. Был ещё сын Славка, с трудом пристроенный на винно-водочный завод водителем и исправно получающий зарплату. Но мать денег у сына не просила. «Пусть поживёт в своё удовольствие, пока молодой», – рассуждала она.

Не поехала женщина на вокзал только сегодня. Сын родной сестры, Сашка, прибывал к ним в город утренним поездом. И чего его чёрт принёс? Десять лет носа не казал, а тут вдруг – здрассти, заявился! Не хотелось Галине Сергеевне, чтобы племянник увидел её в толпе бабулек с дощечкой на палочке. Стыдно было. И дом разваленный показать стыдно. С тех пор как помер муж (шестой год уж пошёл), дом стал приходить в упадок. Рассохлись полы, барахлила проводка, без конца прорывало кран на кухне. У Славки руки не из того места росли, чтобы чинить всё это, да и не жил он здесь последнее время. Так, поесть иногда приезжал. Хорошо всё-таки что сына она пристроила. Вот и в своей собственной квартире начальник разрешил пожить. Славка говорит – ремонт там везде, всё новое, блестит. Надо бы хоть выбраться когда, посмотреть.

А вот сейчас сынуля снова у матери поживёт. В квартиру-то братца поселил.

Вон и Славик!

Галина Сергеевна увидела сына, с трудом распахивающего покосившиеся ворота, чтобы загнать «ауди» во двор.

Две местные девки шли мимо, загребая дорожную пыль и плюясь шелухой от семечек. Заметив иномарку, они остановились, с интересом наблюдая за её водителем.

– Слав, привет! – вытянула шею одна.

Воробьёв, то ли не расслышавший слов за шумом мотора, то ли не желающий отвечать, вниманием её не удостоил. Сел в автомобиль, эффектно хлопнул дверцей и въехал во двор, обдав девиц пылью. Затем вышел, закрыл ворота и, приметив-таки застывших подруг, слегка наклонил голову в знак приветствия. Развернувшись, вразвалку пошёл в дом. Только когда он скрылся за дверью, девки отмерли.

– Славка к матери приехал, – произнесла одна.

– Вижу, не слепая! – ответила другая.

– Чего это вдруг? Навестить, что ли, решил? Вроде он в городе сейчас живёт... Говорят, директор завода ему квартиру подарил!

– Пряма-таки подарил? С чего бы?

– Откуда я знаю, с чего? Захотел и подарил! У богатых свои причуды.

– Так это что – Воробьёв теперь при квартире?!!

– А ты думала?

– Ни фиги себе! – Девица жадным взглядом уставилась на дверь дома, за которой скрылся Славка. – Во как! А в школе троечником был последним, уроки вечно списывал. А сейчас и при машине, и при квартире, и в нашу сторону не смотрит.

– Да, вот за кого замуж надо было выходить... – задумчиво протянула её подруга.

– О-ой, типа он тебе предлагал! – насмешливо произнесла девица.

– А я не особо старалась, вот он и не предлагал! А вот сейчас постараюсь – может, и предложит!

– Ну-ну, давай, старайся! Нужна ты ему сто лет!

– А кто – ты, что ль, нужна?

– Да пошла ты!

– Сама пошла!

Рассерженные девицы разбежались в разные стороны.

– Привет, мам! – с порога поздоровался Славка и тут же заявил: – Дай пожрать что-нибудь.

– Здравствуй, сыночек! – закивала та. – Иди на кухню, сейчас накрою.

Помыв руки, Воробьёв уселся на шаткую табуретку.

– Чё-то, мать, у тебя табуретки шатаются! – недовольно произнёс он.

– Почини! – послышалось в ответ.

– Ладно, починю. Пожрать дай сначала!

Несмотря на изрядное количество свинины, съеденной за обедом, голод уже давал о себе знать. Славка принялся уплетать здоровенную котлету, закусывая картошкой и хрустящими свежими огурцами с грядки.

– Глянь-ка, что это за девки у нас под забором встали? –

Галина Сергеевна, подслеповато прищурившись, смотрела в окно. – Твои невесты, что ль, Славк?

– Кто там? – Сын с набитым ртом привстал и бросил взгляд туда, куда показывала мать. – А, эти... Да одноклассницы мои. Что ты, не помнишь, что ли? Акимова с Матюшиной.

– Глянь, ссорятся, что ль? Сейчас подерутся, точно! Во девки дают! – комментировала Галина Сергеевна. – Не, не подрались – разбежались! Чего это они?

– Да дуры! – пожал плечами сын. – Что ты на них смотришь?! Они и в школе тупые были, овцы две. Даром что отличницы! Сядь, не маячь!

Мать присела рядом.

– Ну что, встретил Сашку? – спросила она.

– Угу, – промычал Воробьёв.

– Отвёз на квартиру?

– Угу.

– Ну и как?

– Что – как? Нормально.

– Что рассказывает?

– Ничего не рассказывает.

– Что – совсем ничего? – удивилась Галина Сергеевна.

– Не-а.

Мать примолкла с непонимающим видом, затем снова спросила:

– Так что ж вы, молчали всю дорогу, что ль?

– Мам, чё ты хочешь? – повысил голос Славка. – Я не спрашивал ничего, он ничего и не рассказывал. Дай пожрать спокойно!

– Ага, – произнесла та, пытаясь что-то сообразить.

– А чего он приехал-то, вообще? – спросила она, помолчав. – Десять лет не виделись, и тут – нате! К себе, в Москву, так не зовут! А тут без приглашения прикатил. Телеграмму прислал: «Я еду – встречайте». Вот счастье-то привалило!

– Не знаю я, чего он приехал! – пробурчал сын. – На море, отдыхать.

– Ага, на море! Как раньше, так всё по санаториям ездили. А тут, видать, дефолт бабахнул, деньги кончились, так про родственников вспомнили! Чего он в пансионат путёвку не взял? Купил бы путёвку, отдохнул, как человек, – с кормёжкой, со всеми делами.

– Да уж, в пансионат! – хмыкнул Славка. – В наших пансионатах сейчас такие цены, что без штанов можно остаться.

– И что теперь? Можно родственников стеснять?

– Мам, чё ты завелась? – Сын дожеввал ужин и заложил руки за голову. – Где он тебя стесняет, в каком месте? Он вообще у Васильича в квартире живёт!

– Ага, нашёлся барин! – не унималась Галина Сергеевна. – Квартиру ему предоставили со всеми удобствами. Сами в дерьме живём, а он там шикаует. Бесплатно причём! Он тебе денег за проживание предложил?

– Не-а. – Славка принялся выковыривать из зубов за-

стрявшее мясо.

– Вот! И не предложит! Родственничек хренов. На халяву-то летом на море пожить – как хорошо!

В коридоре раздался звук шагов. Воробьёв скосил глаза и увидел пузатого, низкорослого мужичка в плавках и шлёпанцах, с надувным матрасом под мышкой. Мужичок явно хотел прошмыгнуть мимо кухни незамеченным, но разошедшиеся деревянные половицы громко и натужно скрипели, выдавая его присутствие.

– Здравствуйте! – кивнул он хозяевам, разом на него уставившимся.

– Здравсти! – ответила Галина Сергеевна за себя и за Славку. – Мужчина!

Мужичок вынужден был остановиться на окрик.

– Матрасы свои на улице оставляйте! Пускай там сохнут! – скомандовала хозяйка. – Намочите тут, а мне потом убирай за вами!

Мужичок покорно развернулся и потопал на улицу.

– Так вот... О чём это я? – задумалась Галина Сергеевна. – Ах, да! Родственничек хренов! Десять лет не виделись, и ещё бы столько не видеть!

– У тебя пиво есть, мам? – Славка вытянул ноги, с хрустом потягиваясь всем телом.

– Не помню, – недовольно произнесла та. – Глянь в холодильнике, если только твоё с прошлого раза осталось.

– Эх! – Сын разом подскочил с табуретки и открыл дверцу холодильника. Увидел бутылку, откупорил и принялся с наслаждением потягивать янтарную жидкость.

Галина Сергеевна продолжала бурчать:

– И сюда Сашку не вози, нечего ему тут делать. Потом Ольге будет рассказывать, что мы в развалюхе живём.

– А то твоя сестра не знает, где ты живёшь, – крикнул Славка.

– Не знает! – убеждённо произнесла мать. – Она считает, что мы живём в особняке на берегу моря. Когда она тут была последний раз? До перестройки ещё. Тогда и дом был как дом, и море как море. А сейчас и дом – развалина, и море – помойка. И нечего ей про это знать. А Сашка будет сюда проситься – скажи, все углы отдыхающим сдали, гостей принимать негде.

– А я так и сказал, – ответил сын.

– Вот и правильно сделал! Они там, в своей Москве, жируют в квартире со всеми удобствами. Пусть думают, что мы здесь не хуже живём!

– Да ладно! Насочиняешь сейчас! – хмыкнул Воробьёв. – «Жируют..., в квартире с удобствами!...» Халупа однокомнатная на окраине Москвы. Даже не Москва, а деревня там какая-то – выселки. И живут в ней вдвоём – сестрица твоя и этот чудака на букву «м». Здоровый лоб, а всё с маменькой в одной комнате спит.

– Зато у них, в Москве, все удобства! – парировала Галина

Сергеевна. – И центральное отопление, и горячая вода, и в туалет на улицу бегать не надо, одно место морозить. И даже телефон в квартире! А у нас до сих пор, чтобы «скорую» вызвать, надо на почту топать. А если почта закрыта, ложись и помирай!

Мать с громким стуком убирала тарелки.

– Конечно, они там, в Москве, жируют! Вся страна на столицу пашет, а они только сливки снимают! Ещё при социализме мы тут в очередях за колбасой стояли, а у них всегда от продуктов прилавки ломались! Мы в приморском городе рыбы не видели! Потому что всю рыбу сразу в Москву отправляли! Судно только успеет из рейса прийти – уже фуры стоят, ждут. Загрузились и погнали в столицу! Если твой папаша из трюма чего утянет – значит, поедем рыбки, а нет – так и не увидим. И на проходной ещё шмонали. Плохо спрячет, так и отнимут. Зато как приедешь к Ольге в Москву – в магазинах рыба какая хочешь! Только сумки загружай и лопай, сколько влезет!

– Мам, достала уже, хватит бухтеть! – оборвал её Славка. – Сходи на рынок и купи себе рыбы! Там её – завались!

– Конечно, сейчас всего полно, – согласилась мать. – Да только покупать не на что. Государство нас обворовало, ободрало как липку. Всю жизнь провакальвали, а что имеем? Нищую пенсию, которую полгода уже не платят! Где наши денежки, а? Ясно где – в Москве! Там вся сволота сидит, которая нас ограбила! Взорвать бы эту Москву к чёртовой ба-

бушке!

– Да, тебе только волю дай, – констатировал сын. – Ты всех взорвёшь и перестреляешь. Террористка номер один.

Славка швырнул пустую бутылку в мусорное ведро.

– Ладно! – произнёс он. – Пойду телек погляжу, а то от твоей болтовни голова пухнет.

Галина Сергеевна сердито натирала полотенцем чистые тарелки.

– Слава! – окликнула она сына.

– Чего ещё? – с недовольной миной повернулся тот.

– Ты же обещал табуретку починить!

– А! – отмахнулся парень. – Потом почию!

И зашаркал к вожделенному дивану. По пути вытащил из кармана сотовый телефон, глянул на экран. «Поиск сети» – мигала на нём издевательская надпись. Мысленно выругавшись, Воробьёв вошёл в комнату и встал на стул. Снова глянул на экран. Приём не помог – надпись продолжала мигать. Пришлось тащиться на второй этаж. Мать наблюдала из кухни за манипуляциями сына. Поднявшись наверх, Славка пристроил стул напротив окна и взгромоздился на сиденье. Только в таком положении телефон наконец-то поймал сеть. Нажав кнопку вызова, парень принялся слушать длинные гудки, мерно идущие ему в ухо.

Трубку никто не брал – Сашки в квартире не было.

Глава 8

Для Иры этот субботний день ничем не отличался от будней. Когда работаешь по графику «сутки через трое», общепринятые выходные теряют для тебя смысл. Девушка служила администратором в гостевом доме.

Гостевые дома пришли в курортные города вместе с новой жизнью, начавшейся для России в девяностые годы двадцатого века. Аккуратные двух-, трёхэтажные особнячки вырастали, как грибки, на тихих зелёных улочках. В них не жили миллионеры. Большинство богатых людей даже никогда не бывали в построенных на их деньги домах. Они обитали в Москве, а отдыхать ездили в Ниццу. Особнячок, построенный в маленьком курортном посёлке на кусочке земли, подвернувшемся по дешёвке, был всего лишь вложением денег. Когда, после дефолта, недвижимостъ резко упала в цене, некоторые особо предприимчивые её владельцы сделали из таких коттеджей гостевые дома. Эдакая судорожная попытка хоть как-то вернуть потерянные денежные средства.

Попав внутрь такого домика, обнаруживаешь, что это небольшая гостиничка номеров на пять-шесть. И сервис в ней имеется, как в настоящей большой гостинице. Есть и повар, и горничная, и администратор. К вашим услугам бильярдный зал, бассейн, сауна. В маленьком ресторанчике вам могут предложить блюдо из меню, а могут выслушать

ваши пожелания и приготовить на обед, к примеру, борщ по рецепту вашей мамы. Тишина, спокойствие и домашняя обстановка сопровождают вас на протяжении всего отдыха. В гостевом доме вам просто некому мешать – цены на проживание бешеные и все имеющиеся номера редко бывают полностью заняты.

Ира работала как раз в таком заведении. Её должность называлась «администратор», но на самом деле регистрировать постояльцев ей приходилось нечасто. Большинство из них попадали сюда по рекомендации хозяина и паспорт предъявлять не спешили. Ира насмотрелась и на областных чиновников, занимающих высокие посты, и на московских депутатов, и даже на звёзд кино и эстрады. Все они старались не афишировать своё пребывание в маленькой частной гостиничке. У разных людей на то были разные причины, но в основном известные личности новой России отдыхали здесь от жён.

– Привет! – Ира вошла в комнатку, где было её рабочее место. В малюсеньком помещении едва разместились диван, стол и телевизор. Узенький проход был перегороден гладильной доской, на которой сменщица Ксения Прохина рьяно что-то наглаживала.

– Привет! – Ксюша обнажила в улыбке ряд испорченных зубов. Оглядела с ног до головы вошедшую девушку и спросила: – Все выходные на море, что ль, провалялась? Красная

как рак...

– Ну да...

– Совсем мозгов нет? Теперь облезать будешь.

– Ну, может, обойдётся... – Ира повернулась к висящему на стене зеркалу, расстроено поглядела на своё отражение. Потрогала пальцами уже облупившийся нос и вздохнула. – Что гладишь?

– Джинсы, – шмыгнула носом сменщица.

– Чьи?

– Мужика из четвёртого номера.

– А зачем стрелки загладила? На джинсах стрелки не делают.

– Постоялец попросил со стрелками.

– Что за постоялец?

– Фиг его знает. Москвич какой-то.

– А что, у них, в Москве, джинсы со стрелками носят?

Ксения с громким стуком отставила утюг.

– А мне без разницы, как у них, в Москве, носят. Мне сказали – я и глажу. Кстати, уже твоя смена началась. Так что бери-ка, дорогая, утюжок и наглаживай сама! – заявила она.

Ира безропотно подчинилась. Сменщица плюхнулась на продавленный, пыльный диван и закурила, выпуская струю дыма в открытое окно. Утреннее солнце весело пробивалось сквозь листву раскидистых дубов, растущих вокруг гостевого дома.

– Как смена-то прошла? – поинтересовалась Ира, разгла-

живая наведённые Ксенией стрелки.

– Да нормально, – отмахнулась та, – как всегда. Ивановну только вчера замучили.

(Ольга Ивановна была здешним поваром.)

– Кто замучил-то?

– Тётка из первого номера житья не давала. «Приготовьте, – говорит, – мне на ужин блюдо с местным колоритом!» – скривилась Прохина.

– Что? – приподняла брови Ира.

– «Блюдо с местным колоритом», – с расстановкой повторила сменщица.

– С местным – это с каким?

– С местным – это с местным, Ира! Что тут непонятного?

– А какой у нас местный колорит?

– Не знаю, – пожала плечами Ксения.

– А тётка откуда приехала?

– Да тоже из Москвы. В этом году москвичей как собак нерезаных.

– Тогда понятно, – Ира закончила глажку и сложила джинсы. – Куда их?

– Положи пока на стол, – показала подбородком Прохина. – Потом в номер отнесёшь. Или не носи, пусть постоялец сам придёт. Спустится со второго этажа, не переломится. Что тебе понятно-то?

– Про местный колорит понятно. Такое только москвичи могут сморозить, у них гононр зашкаливает. Считают, что

езде, кроме Москвы, аборигены едят кузнечиков.

– Во-во, – согласилась сменщица, – Ивановна тоже так сказала.

– Ну и как она выкрутилась? – Ира тоже присела на диван.

– Ивановна-то? Принесла им абрикосовое варенье, – усмехнулась Ксения.

– И как? Сошло за местный колорит?

– Не-а. Тётка нос сморщила, говорит: «Я хотела чего-нибудь оригинального!»

– А варенье из абрикосов, значит, неоригинальное?

– Нет. У них, в Москве, такое же варят.

– Надо было ей консервы в магазине купить, «Бычки в томате» называются.

– Ха-а! – скривилась сменщица. – Точно! Скажу Ивановне, пусть в следующий раз так и сделает!

– Конечно! Захотели местного колорита – нате вам бычки азово-черноморские. Кушайте, не подавитесь только.

– Они не подавятся, – скептически произнесла Прохина. – Они нам эту банку консервную на голову наденут.

– Не наденут. Мы им рыбку на блюдо выложим, укропчиком украсим, картошку на гарнир сварим. Еще добавки просить будут!

– Ты что, серьёзно? – Ксения глянула на Иру с подозрением.

– Шучу, конечно! А ты что подумала?

– Девушки! – на пороге возник высокий, импозантный мужчина средних лет. – Я вам джинсы отдавал на глажку. Можно получить?

– Да, конечно, – привстала с дивана Прохина. – Вот они лежат – возьмите, пожалуйста.

– Спасибо!

Мужчина взял со стола сложенные джинсы, расправил их и нахмурился.

– Девушки! Я же просил загладить на брюках стрелки! Где они?

Ксения метнула рассерженный взгляд в сторону Иры. Та, сделав невинное лицо, произнесла:

– Извините, но стрелки на джинсах не заглаживают! Не принято.

– Где не принято? В вашей деревне? – возмутился мужчина.

– Вообще не принято, – пояснила Ира. – Во всём мире – в Европе, в Америке.

– Нам, в Москве, об этом ничего не известно, – с издёвкой ответил постоялец. – Сделайте мне, пожалуйста, стрелки на джинсах. Во второй раз прошу.

Мужчина швырнул брюки на диван.

– Третий раз просить не буду. Обращусь непосредственно к хозяину вашего заведения! – злобно выплюнул он и скрылся за дверью.

– Ну вот! – Ксения подскочила с дивана и схватила злопо-

лучные джинсы. – Вечно ты, Ирка, на рожон лезешь. Какая тебе, блин, разница – со стрелками он будет ходить или без стрелок? Сказали, как надо сделать, – делай и молчи.

– Ладно, наглажу ему стрелки, – Ира взяла из рук сменщицы брюки и снова встала к гладильной доске.

– Кстати, девушки, кто здесь только что курил? – Импортантный постоялец опять возник на пороге.

– Никто, – быстро среагировала Прохина. – Мы вообще не курим!

– Кто-то здесь, на первом этаже, курил в открытое окно, и весь дым поднимался прямо ко мне в номер! – Мужчина переводил возмущённый взгляд с одной девушки на другую.

– Кто-то где-то, но не мы! – распахнула Ира честные глаза.

– Ясно, – постоялец поджал губы, – тогда передайте этому кому-то, что больше сигаретного дыма я не потерплю! Пожалуюсь вашему хозяину!

Мужчина снова исчез, раздражённо хлопнув дверью. Ира показала закрытой двери язык и произнесла, обиженно надув губы:

– Ябеда. А стрелки на джинсах всё равно не заглаживают!

– А если он правда хозяину пожалуется? – встревожилась сменщица.

– А ты, Ксюш, кури поменьше, он и не будет жаловаться.

Та сверкнула глазами, но промолчала, не найдя, что ответить.

Закончив глажку, Ира сложила джинсы и вручила их Ксе-

нии.

– На, отнеси постояльцу, а то меня он с лестницы спустит.

– Давай. – Сменщица, кряхтя, встала с дивана и потопала на второй этаж. Ира уставилась в окно.

В десятом часу утра посёлок ещё не проснулся. Тихая улочка, на которую смотрела девушка, была пустынна. Деревья слегка шелестели листьями, пели птицы, ласковое солнце нежно поглаживало лучами зелёную траву.

– Ой, белка! – вырвалось у Иры. Действительно, маленький пушистый зверёк резво скакал с ветки на ветку огромного раскидистого дуба, росшего под самым окном.

– Чего орёшь? – Ксения, благополучно вернувшаяся от постояльца, стояла в дверях. – Белок, что ль, не видела? Иди лучше в ресторан, Ивановна зовёт столы накрывать.

– Иду. – Ира покорно поднялась с дивана. Она уже привыкла к тому, что на своей работе ей приходилось делать всё: гладить белье, накрывать столы, убирать номера, зашивать дырки, лечить постояльцев от простуды и перепоя... В общем, обеспечивать комфортные условия проживания.

Под ресторан в гостевом доме отвели максимально возможное количество квадратных метров. Пять столиков располагались на приличном расстоянии друг от друга, чтобы люди, сидящие за ними, не сталкивались спинами и не слушали разговоры соседей. Стены, задрапированные органзой и увешанные репродукциями картин, выглядели даже изысканно. По соседству с рестораном размещалась кухня. На

кухне, подбоченившись, стояла Ивановна.

– Долго я буду тебя ждать? – «поприветствовала» она Иру. – Быстро столы накрывай! Сейчас постояльцы с голоду подохнут!

– Не подохнут, – ответила девушка, – они живучие.

И, захватив лоток со столовыми приборами, отправилась в зал.

Рабочий день начался.

После завтрака обитатели гостевого дома разошлись по своим делам. Перемыв посуду, три представительницы обслуживающего персонала уселись на кухне отдохнуть и почесать языками.

– Ксюха, ты чего домой не идёшь? – распаренная Ивановна обмахивалась полотенцем. – Твои сутки уж давно закончилась.

– А что мне дома делать? – Сменщица Иры вытащила пачку сигарет, намереваясь закурить.

– А ну убери сигареты! Все продукты мне прокуришь! – рывкнула повариха. – Иди на улицу дыми!

Ксения спрятала сигареты.

– Ты здесь скоро поселишься, – продолжала Ивановна.

– Не хочу домой идти, – отмахнулась Прохина. – Там родственников толпа. Все друг у друга на головах сидят, орут, скандалят. Здесь лучше, спокойнее.

Ксения жила в семье, где странным образом скопилось много народа. Её бабушка в своё время родила трёх дочерей, которые вышли замуж и привели в отчий дом троих мужей. Дочери также исправно начали рожать и произвели на свет пятерых детей – бабушкиных внуков. У Ксении имелись две двоюродных сестры и два двоюродных брата, которые выросли и так же, как их матери, из бабушкиного дома уезжать не спешили. Сёстры были уже замужем и успели родить; братья, слава богу, жениться пока не торопились. Вся эта орда умудрялась размещаться в старом двухэтажном деревянном особняке с котловым отоплением и туалетом на улице. Ночью храп попеременно с криками младенцев раздавался из каждого закутка. Днём, когда все, кроме старой бабушки и кормящих матерей, уходили на работу, Ксении, дежурившей сутки через трое, ещё как-то можно было существовать. Но сегодня суббота, а значит, вся семья в сборе. Провести день в обществе драгоценных родственников Прохиной не улыбалось, поэтому домой она попросту не шла.

– Замуж тебе надо, Ксюха, – со знанием дела заявила Ивановна. – Чтоб из дома уехать и жить спокойно.

– Ага, – хмыкнула администраторша. – Вон, сёстры мои повыходили замуж. Да что-то из дома не уехали – как жили с нами, так и продолжают. В добавок мужей привели. Сейчас мужики такие пошли – норовят сами к жене пристроиться.

– А ты с квартирой жениха найди, – не унималась пова-

риха.

– Где? – без всякой надежды в голос спросила Ксения.

– А хоть бы и у нас, в гостевом доме. Вон сколько мужчин приезжает. И все, между прочим, обеспеченные.

– Да. И все жаждут на мне жениться, – усмехнулась Прохина.

– Не жаждут. Мужики вообще редко жениться хотят. Пока не появится баба, которая их окрутит.

– Ольга Ивановна, да к нам одни женатики с любовницами селятся, – подала голос Ира. – Как их окрутишь? И зачем?

– И паспорт никто не показывает, – добавила её сменщица. – А там, может, ещё и детей десяток.

– Ну и что! Если мужик денежный, то и десяток детей – не помеха. У него денег на всех хватит – и на отпрысков, и на тебя, – не сдавалась повариха.

– Может быть, – согласилась Ксения. – Только богатым мужикам красотки нужны. А я рожей не вышла.

– Кто тебе такое сказал? – возмутилась Ивановна. – Рожей не вышла... Да как можно про себя такое говорить! Молодая девчонка, симпатичная. А эти фотомодели – тьфу на них! Смотреть не на что! Вон, ходят тут эти жерди – все одинаковые, одна на другую похожа. Волосья пергидролью вытравят, морду намазюкают и дефилируют, костями громыхают. Ну все же, ну все на одно лицо! Не поймешь, то ли мужик одну и ту же привозит, то ли каждый раз разных. И ты видела, чтобы хоть одна из них в качестве жены приехала? А?

Фигушки! Все в любовницах ходят! Потому что нормальные мужики на таких не женятся. Переспать он с ней переспит, а женится на другой! Так-то вот.

– Это на какой же – на другой? – подняла взгляд Ксения.

– На обыкновенной! – продолжила свои рассуждения повариха. – На такой, которая уют может создать, обед вкусный приготовить, детей нарожать. Мужик в первую очередь нужен борщ понаваристей да котлетки позажаристей, рубашки чистые. Ну какая фотомодель с хозяйством справится? Они только могут краситься да трахаться – больше ничего.

– Ивановна, у тебя в мозгах старые стереотипы, – отмахнулась Прохина. – Может, тридцать лет назад так оно и было, как ты говоришь. А сейчас денежный мужик себе прислугу наймёт, чтоб борщи варить. А жена ему нужна красивая, именно для постели, а не для кухни.

– Ксюшенька, – произнесла повариха, – плохо ты знаешь мужиков. А уж я-то их на своём веку много повидала – и богатых, и всяких. Какие тридцать лет назад были, такие и сейчас остались. Если у мужика деньги водятся, он их, как раз наоборот, лучше на любовницу потратит или, того хуже, на проститутку, но никак не на прислугу. Или ты не видишь, с кем сюда постояльцы приезжают? На кого денежки расходуют? Или забыла, сколько у нас номерочек в сутки стоит?

– Вижу, – ответила администраторша. – Ну и зачем мне такой муж? Чтобы я дома вместо прислуги сидела, а он по любовницам бегал?

Ивановна, не ожидавшая такого поворота, осеклась.

– А ведь и правда, – подпёрла она рукой подбородок. – Что-то я сразу не сообразила... Получается, у нас здесь кобели одни ходят. Так, что ли? Ир? Ты как думаешь?

– А я что? – пожалала плечами та. – Получается, так.

– Нет, кобель нашей Ксеньке не нужен, – задумчиво протянула повариха. Прохина шумно вздохнула, махнула рукой и отвернулась.

– Да нет, девчата, ну не одни ж кобели! – снова оживилась Ивановна. – Бывает, и порядочные мужчины к нам селятся. Вот сейчас мужчина в четвертом номере живет – один, и не водит никого. Ксенька! Ты ж сегодня ему, кажись, штаны гладила!

– Мы их вдвоем гладили, – вместо сменщицы ответила Ира. – Так нагладили, что он нас чуть не загрыз.

– Как? – удивилась повариха. – За что? Плохо погладили, что ль?

– Не мы, а ты нагладила! – повернулась Ксения. – Стрелки ему на джинсах не сделала.

– Ага. А ты его сигаретами задымила! – парировала Ира.

– Ой, девки, глупые вы! – покачала головой Ивановна. – Какое вам замужество, господи! Мозгов совсем нет. Я им жениха сватаю, а они его, оказывается, уже до белого каления довели. Хорошо ещё, если хозяину не пожалуется.

– Да и пусть жалуется! – с вызовом произнесла Ира.

– Ой, смелая какая, – с укоризной сказала повариха. –

Премии лишат – будешь знать.

– А за что лишать? – Девушка распахнула абсолютно честные глаза. – Джинсы мы ему перегладили – сделали, как просил. А кто курил, мы понятия не имеем. Правда, Ксюш?

– Да! – подтвердила сменщица. – Может, ему запах дыма вообще почудился. Всё ведь бывает.

– Ох, девки-девки, – закричала Ивановна. – Доиграйтесь! – И, выдержав секундную паузу, добавила: – А тебе, Ксенька, всё равно, замуж пора. Двадцать шесть лет, а ты сидишь – неизвестно чего ждёшь. Подружки все, поди, уж давно замужем и дитяи обзавелись. А ты одна болтаешься как неприкаянная.

Та в ответ промолчала.

– Замуж надо по любви выходить, – решила сказать своё слово Ира. – Без любви никакой муж не нужен. Я вот только по любви замуж выйду – я давно решила.

– Да мы уж знаем, – хмыкнула Прохина. – Только влюбляешься ты всё время в кого-то не в того.

– А в кого она влюбляется? – полюбопытствовала повараха.

– Да всё в звёзд каких-то, – махнула рукой Ксения, – причём голливудских. Все стены дома плакатами обвешала. То в Тома Круза влюбилась, то в Рики Мартина. Последняя любовь-то у тебя кто, а, Ирка? А, вспомнила – Леонардо ди Каприо! С такими возлюбленными тебе, подруга, до конца жизни в девках куковать! – Сменщица иронично улыбнулась.

– Господи, я и не знаю звёзд-то этих, – пожалала плечами Ивановна. – Чего они делают? В кино играют или поют, по сцене скачут?

– Да и то, и другое. А наша Ирка по ним убивается, – хитро прищурилась Ксения.

– По всем сразу? – удивилась повариха.

– Ага.

– Ну что ты чушь порешь?! – возмутилась Ира. – Ни по кому я не убиваюсь! Я просто их поклонница, и всё. Я же не совсем дура! Я понимаю, что они далеко, в Америке, куда я никогда в жизни не доеду...

– Глянь, Ивановна, она уже в Америку собралась! – картинно всплеснула руками Ксения. – В Голливуд! К ди Каприо в невесты записываться!

– Никуда я не собралась!

– Да я тебя знаю! Тебе в голову стукнет, ты и поедешь! И будешь там, у него под дверью, слёзы лить! «Леона-ардо, возьми меня за-амуж!»

Администраторша принялась тереть кулаками глаза, изображая рыдания.

– Дура! – надула губы Ира.

– Ой, обиделась! Значит, правда, в ди Каприо влюбилась!

– Да не трогай ты её, – встала на защиту Иры Ивановна. – Ну влюбилась и влюбилась! Молодая ещё. Повзрослеет, ума наберётся и перестанет по этому Карпу убиваться.

– По какому Карпу? – опешила Ира.

– Ди Каприо, Ивановна! – захохотала Ксения.

– Во-во! Ему самому! – закивала повариха. – По-молодости ещё можно влюбляться, пока время есть. Но и то... Пора бы уже начинать головой думать. А то после двадцати пяти лет уже никто на тебя не посмотрит. Будешь, как Ксенька вон, на работе сутками сидеть, курить и вздыхать.

– Да что ты прицепилась ко мне, Ивановна?! – возмутилась Прохина. – Ну не ухаживает за мной никто, ну что я сделаю? Самой, что ли, мужикам на шею вешаться?

– Нет, на шею вешаться не стоит, а то за гулящую примут, – веско заявила повариха. – А вот первый шаг самой сделать можно. И даже нужно. Приличные парни всегда стеснительные. Это кобелям всё нипочем, они с любой бабой легко шашни заводят, а потом так же легко бросают. А к хорошему мужчине чаще всего женщина сама должна подход найти. Это я, девчата, по своему опыту знаю. Был у меня один случай в жизни, до сих пор себе простить не могу.

– Какой? – наострила уши Ксения, падкая до чужих любовных историй.

– Да ничего особенного, – попыталась замять стряпуха, видимо, не особо приятную для себя тему.

– Нет уж, Ивановна, если заикнулась – давай рассказывай. Нам же интересно! Да, Ирка? – загорелась Прохина.

– Да ну! – отмахнулась Ивановна. – Ничего интересного!

– Расскажи! Ну расскажи! – заныла Ксюша.

– Вот прилипла, липучка! Ладно, слушайте... – Повари-

ха подпёрла кулаком щёку и начала рассказ: – Возрастом я такая как Ирка, была. Молодые девчонки, на танцы бежали. Здесь, недалеко от посёлка, санаторий есть для военных. Офицеры туда отдыхать приезжали со всего Союза. Женихов – море. Все красавцы, все при погонах. Многие с семьями отдыхали, но много и холостых было. Это сейчас здравницы по полгода пустуют, только летом заполнены. А раньше здесь жизнь круглый год кипела. Ну вот, а при том санатории был клуб. Туда на танцы всех пускали – и гражданских тоже, особенно девушек. На танцах-то я его и заметила.

– Кого – его? – спросила Ксения.

– Его, – вздохнула Ивановна, – парня.

– И что?

– Понравился он мне. Лейтенант. Не писанный красавец, но такой... – повариха попыталась сделать какой-то жест, – ну, в общем, понравился.

– Ага. А дальше-то что?

– Да что. Дура была, молодая. Взяла с подружкой поделилась. Люськой ее звали. Говорю: «Так мне вон тот парень нравится – сил нет!» А она и давай смеяться, всем девчонкам трепать – мол, Ольга влюбилась.

– Ну и ладно!

– Вот и не ладно! Забраковали моего лейтенантика подружки. Как стали жужжать: «Да у него нос картошкой, да ноги кривые, да штаны на коленках пузырятся». Всея гурьбой смеяться стали. А я стою – чуть не плачу. В туалет убе-

жала, чтобы никто слёз моих не видел. Пока в туалете сидела, белый танец объявили. Прибегаю – стоит мой лейтенантик. Я и пригласить хочу, и решиться не могу. Подружки-то засмеяли. Думаю, приглашу – ещё больше засмеют. А пока стояла да думала, Люська, зараза, взяла да и позвала его на танец. Я так и обомлела. Меня на смех подняла, а сама, под шумок, моего парня отбила! И потом, после этого танца, он весь вечер от неё не отходил! – Повариха горестно вздохнула.

– Ну и что? Подумаешь, один вечер! – пожала плечами Ксения.

– Нет, не подумаешь, – отозвалась Ивановна, – они потом встречаться стали. Лейтенант этот из Ростова оказался – отдохнуть приехал, по путёвке. Каждый день Люська к нему на свидания бегала, а я дома рыдала в подушку. А потом он ей предложение сделал.

– Как? – ахнули разом Ира с Ксюшей.

– А вот так!

– И что, она согласилась?

– А как же! Согласилась, конечно. Вышла замуж и в Ростов укатила. Так до сих пор там и живёт.

Воцарилось молчание. Затем Ира осторожно спросила:

– Ивановна, и ты до сих пор об этом жалеешь? У тебя ведь, получается, с тем лейтенантиком ничего и не было...

– Не было, – согласилась повариха. – Но ведь могло быть. Никогда себе не прощу, что побоялась тогда к нему подой-

ти. Может, у меня сейчас бы совсем другая жизнь была... Счастливая...

– Да брось ты, Ивановна, – скинула оцепенение Ксюша. – Такая же бы у тебя жизнь была. Ну, уехала бы ты в Ростов помидоры окучивать! А всё остальное так же было бы. Детей бы родила да поварихой работала. К тому же все военные пьют. И твой лейтенантик тоже, небось, закладывал, будь здоров. Ещё бы и морду тебе бил по пьяни. А нынешний твой муж чем хуже? Всю жизнь в море ходил, шмотки импортные привозил. Привозил или нет?

– Привозил, – кивнула та.

– Ну вот. Квартира есть, детей родила – выросли уже. Внуки пошли. Чего тебе ещё надо?

– Да, – стараясь казаться равнодушной, пожала плечами повариха, – я и не жалею. Нормальную жизнь прожила, как все. Я просто вам, дурёхам, пример привела. Если будете сиднем сидеть, неизвестно чего ждать, так и без женихов останетесь! Уведут из-под носа, как у меня увели когда-то...

– Подожди, Ивановна, – что-то соображая, произнесла Ира. – А как же муж-то, а? Выходит, если ты до сих пор о лейтенантике жалеешь, мужа ты не любила?

– Ну почему, любила, – как-то неуверенно ответила собеседница. – Он за мной шибко ухаживал, цветы через день дарил. Вот и вышла за него. Ничего, нормально. Жизнь прожили.

– А Люську больше не видела?

– А как же – видела. Она к родителям часто приезжала. На улице я её встречала, но не подходила. Да и она морду воротила, не здоровалась. Сейчас уж не приезжает – родители померли, дом ихний она продала. Давно её не видела.

– А я бы её убила! – вдруг выпалила Ира.

– Кого? – удивилась Ивановна.

– Люську!

– За что?

– А чтобы чужих женихов не отбивала!

Повариха растерянно захлопала глазами. Ксения оценивающе и даже с каким-то подозрением посмотрела на Иру.

– Ну-ну, – произнесла она.

Раздался мелодичный звонок домофона.

– Иди послушай, кто там пришёл, – отправила Прохина сменщицу. Ира сорвалась с места и кинулась к трубке.

– Такси приехало, постояльцы из второго номера уезжают, – через секунду возвестила она.

На лестнице, ведущей со второго этажа, раздался топот. Обрюзгший мужчина лет пятидесяти с испытанным лицом и мешками под глазами направился к выходу. Его сопровождала длинноногая красотка лет восемнадцати. Ира заученно заулыбалась и начала прощаться:

– До свидания! Рады были вас видеть! Приезжайте к нам ещё!

– Ага, – пропыхтел толстяк. Юная красавица, взяв под руку своего покровителя, не удостоила Иру даже взглядом. Ко-

гда пара исчезла, на пороге появился таксист.

– Здравсти! Чемоданы где? – воззрился он на Иру. Та молча повела его на второй этаж. Поднявшись наверх, она открыла дверь, на которой была прибита металлическая цифра «два». Посреди комнаты стояли чемоданы. Подхватив поклажу, таксист удалился, а Ира стала придирчиво оглядывать гостиничный номер. Заглянула в спальню, в ванную комнату.

Интерьер здесь не отличался особым шиком. Конечно, евроремонт, конечно, новая мебель и сантехника. Но знающий человек сразу бы понял, что вся эта «роскошь» российского производства и не особо высокого качества. У Иры же, обитающей в нищей дыре, подобная обстановка вызывала чувство благоговения и ощущения того, что она прикасается к какой-то другой, дорогой и недоступной жизни.

Постояльцы особой грязи за собой не оставили, если не считать морского песка, хрустящего под ногами во всех комнатах. «Надо сменить постельное бельё, пропылесосить и проветрить», – отметила про себя девушка. Внезапно взгляд её упал на посторонний предмет, валяющийся в гостиной на диване. Жестяную коробку цвета обивки трудно было сразу заметить. Взяв её в руки и приоткрыв, Ира обнаружила внутри нечто сухое, сыпучее и приятно пахнущее. «Чай!» – промелькнула догадка. «Какой запах! – Девушка с удовольствием вдохнула аромат. – Надо на кухню отнести!»

Через секунду она уже стучала каблучками по лестнице.

– Ксюха! Ольга Ивановна! Нам в подарок чай оставили! Так вкусно пахнет!

– Дай погляжу, – протянула руку администраторша. – Импортный – тут по-иностранному написано. Дорогой, наверное.

– Хоть раз в жизни хорошие постояльцы попались, – одобрительно проворчала повариха. – Подарочек оставили. А то ни от кого благодарности не дождёшься. Все на тебя смотрят, как на мебель, и только приказы отдают!

– Что-то я за этими, из второго номера, тоже особой приветливости не заметила, – засомневалась Прохина.

– Почему? Хороший мужчина, – заступилась за постояльца стряпуха. – Тихий, не капризный. И девица при нём приятная – не нахамила ни разу.

Снова раздался звонок домофона, Ира сняла трубку.

– Алло!

– Девушки! Я там, в номере, коробку с чаем оставил, – донёсся до неё голос вроде бы уже выбывшего постояльца. – Принесите!

– Хорошо. Минуточку подождите, пожалуйста.

– Кто там? – взглянула на Иру Прохина.

– Постояльцы вернулись, просят принести забытый чай.

– На! – хмыкнула Ксения и вручила Ире несостоявшийся подарок. – Неси! С полдороги небось вернулись.

Глава 10

Васильич прислугу в доме не держал. Во-первых, ей надо платить деньги, а с деньгами расставаться он не любил. Во-вторых, до усадьбы так просто не доберёшься, а значит, прислуге надо предоставить условия для проживания. Это что – в доме круглые сутки будут находиться чужие люди? Чужих людей в доме Штырь тоже не любил. Ну а в-третьих, если держать прислугу, то для чего тогда жена? Чем она будет заниматься? Ногти красить целыми днями? Нет, такое положение вещей Васильича категорически не устраивало. Воспитанный при социализме, он считал, что домашнее хозяйство супруга должна вести самостоятельно. Тем более, если не работает и живёт на иждивении мужа. Ну, можно ещё тёщу к кастрюлям приставить. Но не более того.

В шесть утра заспанный и отчаянно зевающий Славка припарковал «ауди» у ворот усадьбы. Лена, обвешанная сумками, уже ждала. Каждую неделю ей приходилось совершать этот утомительный вояж за покупками. За городом можно, приобрести кое-какие продукты. Но выбор в поселковых магазинчиках очень бедный, а цены высокие. Чтобы накормить привередливого супруга, предпочитающего всё свеженькое и на дух не переносящего полуфабрикаты, требовалась поездка на городской рынок. А уж к встрече такого уважаемо-

го гостя, как мэр города, надо было подготовиться особенно тщательно.

Устроившись на заднем сиденье, Лена прилегла вздремнуть. И как прилегла, так и уснула, провалившись в серый вязкий туман забытья. Открыла глаза она, лишь когда почувствовала, что машина остановилась. Приподнявшись на локте, женщина увидела красный свет светофора. Значит, уже город. Вот и замечательно.

За годы, проведённые в усадьбе, Лена успела соскучиться по городской жизни. Ей стало не хватать того, от чего раньше она уставала и раздражалась. С интересом она смотрела на асфальтированные улицы, умытые водой из поливальных машин, разглядывала встречные автомобили, от обилия которых уже отвыкла. Нарядные и цокающие каблучками по тротуарам женщины вызывали у неё лёгкую зависть. Когда живёшь за городом, глупо разгуливать на шпильках по просёлочным дорогам и покрывать лицо слоем макияжа. Жена Штыря проводила жизнь в удобной обуви, практически не пользуясь косметикой. Кстати, сегодня, раз приедут гости, можно будет привести себя в порядок и немного пощеголять. Лена стала жадно всматриваться в витрины магазинов одежды, которые из-за раннего часа были ещё закрыты.

Наконец, «ауди» подъехал к рынку, и женщина вышла из машины.

Рынок находился в черте города и был отгорожен от остального мира глухой бетонной стеной. Он всегда радовал местных жителей удобством расположения и низкими ценами. Но при этом был бельмом на глазу у городских властей, имеющих бесперебойный источник мусора и рассадник преступности прямо у себя под носом. Несколько раз его собирались закрыть, вынести за городскую черту, но всё напрасно. Рынок как птица феникс, снова возрождался на прежнем месте робкими ростками стихийной торговли, которая ширилась день ото дня, питаемая покупателями, охочими до дешевизны. Такую торговлю проще было упорядочить, чем извести в корне, и рынок, на радость простому люду, открывали вновь.

Что ж, иногда с болезнью легче свыкнуться, чем бороться.

Лена пошла вдоль торговых рядов. Рабочий день ещё только начинался. Торговцы, все, как один, кавказской национальности, носились с громыхающими железными телегами, наполненными фруктами и овощами. Ароматные яблоки, груши, персики, абрикосы и бог знает что ещё выкладывали на прилавки аккуратными пирамидами. Весело блестя алые бока помидоров, огурцы топорщили свои пупырышки по соседству с пучками яркого редиса и свежей зелени. Всё хотелось потрогать, понюхать и тут же съесть, наслаждаясь сочным, неповторимым вкусом.

Лена начала делать покупки. Сперва зашла в мясной па-

вильон, где приобрела огромный кусок свиной шейки, розовый, пахнувший теплом и испещрённый мелкими белыми прожилками сала. Балык, какой вы можете найти только в приморских городах – свежий, с кожей янтарного цвета, не заветренной долгими перевозками, – тоже перекочевал в её сумку. Различные колбасы и колбаски, истекающая слезой ветчина и ароматная буженина – всё скупалось рачительной хозяйкой. Славка, кряхтя, тащил за ней неподъёмную поклажу. Лена не удержалась и купила даже свежей барабульки, хотя и не собиралась подавать её сегодня к столу.

* * *

Знаете ли вы, жители мегаполисов, потребляющие лежащие продукты из своих супермаркетов, что такое свежая барабулька? О, это небольшая рыбка, размером меньше селёдки, но больше кильки. Деликатес Чёрного моря. Её вкус способен вызвать у вас стон восторга. Купив килограммчик – другой этой рыбки, вы должны рысью бежать домой, обвалить её в сухарях и тут же бросить на раскалённую сковородку. Проглотите вы всё, что приготовили, вместе с пальцами, даже не заметив.

А пробовали ли вы домашний творог, уважаемые жители мегаполисов? Не тот, перекисший и обезжиренный, который формуют на заводах в квадратные безликие пачки. Настоящий, домашний творог, сделанный лишь вчера, а сегодня уже лежащий на прилавке? А клубнику, только что сорванную с грядки, ели? Знают ли ваши дети, как выглядят чер-

ника и брусника? А как растёт картошка? Бедные вы, бедные, замученные суетой, издёрганные и нервные, питающиеся консервантами, дышащие выхлопными газами жители мегаполисов!

* * *

Славка еле успевал относить сумки в машину, как Лена наполняла новые. Овощи, фрукты, картофель, зелень, ягоды... Многие продавцы знали супругу Васильича в лицо и, завидев, начинали заискивающе улыбаться, не забывая при этом обвешивать и обсчитывать. Женщина понимала, что её обманывают, но никогда не скандалила. Зато товар выбирала тщательно, чтобы не подсунули испорченный. Каждую покупку записывала в блокнотик, обозначая вес, цену и общую стоимость. Делалось это для отчёта перед мужем о потраченных деньгах.

Загрузив под завязку багажник автомобиля и завалив сумками задние сиденья, Лена со Славкой присели отдышаться. Супруга Васильича подбила отчёт, посчитала сдачу и, вздохнув, произнесла:

– Всё, Слав, с продуктами закончили. Теперь вези меня в бутик.

Воробьёв, до этого меланхолично лузгающий семечки, сплюнул за окно остатки шелухи и тронулся с места.

Бутик, в который решила заглянуть Лена, выглядел странным образом. Помещение с наглухо занавешенными окнами

ми было заперто. Рядом с дверью, на стене, располагалась кнопка звонка. Надавив её, супруга Штыря замерла в ожидании. Дверь приоткрылась. Наружу выглянула дама средних лет, облачённая в отутюженный брючный костюм, с безупречным макияжем и высокой причёской. Два аккуратно подведённых глаза настороженно впились в посетительницу.

– Боже мой, Елена Вячеславовна! – отутюженная дама расслабилась и как будто обмякла. – Проходите! Какое счастье, что вы к нам снова заглянули!

Дама раскрыла дверь пошире, и Лена юркнула в просторное помещение. Позади тут же раздался щелчок замка.

Попав сюда, мало кто мог догадаться, что это элитный бутик. Нигде не наблюдалось ни одной вешалки, ни одного платья или костюма, ни одной пары обуви. Посреди довольно большой комнаты, стены которой были увешаны зеркалами, стояли журнальный столик и несколько мягких пуфиков. На столике лежали глянцевые женские журналы, зачастую даже не распечатанные. Окна занавешены плотными портьерами, не пропускающими ни лучика дневного света. Единственное, что напоминало о магазине одежды, – две примерочные кабинки, расположенные по углам помещения.

– Присаживайтесь, Елена Вячеславовна! Сейчас я пришлю к вам моих девочек. Жанна! Ева!

Хозяйка бутика скрылась в подсобном помещении. Через мгновение оттуда вынырнули две девицы, такие же ухоженные, как и их начальница. Одну из них, Жанну, Лена знала

давно, а вот вторая явно была новенькой. Жанна, как более опытная, сразу взялась за дело.

– Здравствуйте, Елена Вячеславовна! – расплылась она в улыбке. – Чаю-кофе хотите? Или сразу приступим?

– Жанночка, у меня так мало времени, – тоже улыбнулась Лена. – Давайте сразу приступим.

– Хорошо, – кивнула та. – Что вы хотите сегодня приобрести?

– Вы знаете, сегодня я принимаю у себя мэра. Принесите мне что-нибудь летнее, лёгкое, не пафосное, но элегантное. Подходящее для приёма гостей за городом.

– Я поняла. Посидите минутку, мы вам что-нибудь подберём.

И обе девушки удалились.

Лена осталась одна. Потеребила край блузки, посмотрела на ногти. Встала с пуфика, поглядела на себя в зеркало, призадумалась. Повернулась боком, приподнялась на цыпочки, втянула живот. Опустилась на всю ступню, выдохнула.

В свои сорок шесть лет Лена выглядела очень даже неплохо. Конечно, фигура далеко не девичья, но лишнего веса не было. Зато имелась неплохая грудь, несколько обвисшая после давних родов, но при правильном подборе бюстгалтера очень даже аппетитная. Лицо, если не считать трагической складки на переносице, было практически без морщин – всё-таки жизнь на свежем воздухе давала положительный эф-

фект. Женщина подошла поближе к зеркалу. Как бы избавиться от этой складки на переносице? Лена потрогала её пальцами и тут увидела свои глаза – усталые и потухшие. Рука сама собой опустилась. Не от складки на лбу надо избавляться, а от такой жизни. Лена снова присела на пуфик и задумалась.

А ведь когда-то она была совсем другой – жизнерадостной, сияющей, воздушной, искрящейся. Счастливой. Любила без оглядки и в первый раз вышла замуж именно по любви. Верку родила...

* * *

Лене тогда было восемнадцать, она только успела окончить первый курс университета. Статный, белозубый, невероятно красивый курсант Высшего военно-морского училища покорила её сердце с первого взгляда. Учёбу он уже завершал, ему оставался всего год. Родители Лены были против их брака – они решили, что дочь должна сначала закончить вуз. Но девушка объявила, что беременна, и мать с отцом сдались. Свадьбу сыграли в августе, а зимой 1972 года родилась Вера. Супруг Лены окончил училище, и тесть капитан первого ранга взял его под своё крыло. Чуть позже молодая семья получила служебную квартиру. Казалось бы, всё шло так хорошо... Лена помнила себя в то время – она была счастлива. Каждый час, каждую минуту, каждую секунду – много-много мгновений счастья. Ей даже снились радужные сны, в которых она танцевала, кружилась и смеялась. Но ко-

гда Вере исполнилось 8 лет, беда постучалась в их дом – умер папа Лены. Инфаркт. Ещё через полгода счастье совсем от-вернулось от неё – муж ушёл к другой женщине. Служебную квартиру им с дочерью пришлось освободить...

* * *

– Боже мой, эти вертихвостки бросили вас здесь одну! И даже кофе не предложили! – Хозяйка бутика выпорхнула из подсобного помещения и всплеснула руками.

– От кофе я отказалась, – улыбнулась Лена. – А девочки мне наряд подбирают.

– Давно уж пора подобрать, – проворчала хозяйка и предложила: – А может, всё-таки, кофейку? Со мной за компанию. Я вам сейчас сама приготовлю!

– Ну давайте! – согласилась клиентка.

Через минуту на столике перед Леной возникла чашка ароматного кофе и вазочка с печеньем.

– Умница вы, Дина Игоревна, – произнесла Лена, с наслаждением отпивая глоток из чашки. Только сейчас она поняла, что проголодалась. – Как вы всё здесь хорошо придумали!

– А что делать, моя дорогая, – посетовала хозяйка бутика, тоже потягивая ароматный напиток, – если не скрываться, задушат налогами. Цены придётся взвинтить до небес, а кто в нашей провинциальной дыре будет покупать дорогую одежду? У нас и так немного обеспеченных людей, но даже они предпочитают экономить. Клиентура уйдёт, бизнес надо

будет закрыть. И что – идти на рынок торговать турецкими тряпками? Ни за что на свете! Я всю жизнь проработала с элитным товаром и не собираюсь опускаться до ширпотреба.

Дина Игоревна была женщиной, в определённых кругах очень известной. До перестройки нынешняя хозяйка бутика долгие годы работала заведующей магазином «Альбатрос», вариантом московской «Берёзки». Только основными клиентами в этом магазине были не иностранцы, а простые советские моряки. Практически всё мужское население области ходило в море. И каждый моряк хотя бы раз в жизни побывал в заграничии и заработал валюту. Свободное хождение иностранных денежных знаков в Советском Союзе было, как известно, запрещено. Поэтому валюту официально обменивали на так называемые «чеки» или «боны» – цветные кусочки бумаги с водяными рисунками. И вот на них в «Альбатросе» моряки приобретали самые настоящие импортные товары.

С приходом рыночной экономики и массовым ввозом в страну товаров иностранного производства «Альбатрос» сначала превратился в рядовой магазин, а потом и вовсе закрылся. Дина Игоревна сначала растерялась. За долгие годы пребывания на должности заведующей элитным торговым заведением она привыкла к жизни в достатке, обросла нужными связями. И тут, в один момент, всё рухнуло. Но, просидев пару лет на иждивении мужа, дама заметила, что

ситуация на рынке постепенно стала меняться. Вдруг оказалось, что в городе, по самую макушку заваленном импортными товарами, по-настоящему качественную вещь купить нигде. Турецкие тряпки, болтающиеся на вешалках в магазинах, обеспеченным людям были не нужны. А вот товаров оригинального производства известных западных марок попросту не было. И тут Дина Игоревна поняла, что надо делать.

Сначала она попыталась открыть бутик легальным путем. Но магазин очень быстро разорился. Аренда, непомерные налоги, бандитские наезды привели Дину Игоревну к финансовому краху. И тогда она решила уйти в подполье. Всё равно её товар не был рассчитан на массового потребителя. Тогда зачем же держать двери магазина открытыми для всех? Арендовав просторное помещение в центре города, Дина Игоревна сделала из него... склад. По-крайней мере, так значилось в уставных документах. Весь товар хранился в подсобном помещении и никогда не вывешивался в зале. А раз нет торгового зала, то нет и торговли. А значит, нет прибыли, нет налогов. И цены можно не задирать. Клиенты приходили только старые и проверенные, новые появлялись исключительно по рекомендациям знакомых. Очень удобно.

Дина Игоревна была довольна собой.

– Елена Вячеславовна, посмотрите, пожалуйста, что мы вам подобрали! – Жанна и Ева вынырнули из подсобки, дер-

жа в руках охапки одежды.

Лена с интересом поднялась из-за стола.

Вот он, вожаделенный момент! То единственное, что ещё приносило в жизни радость и откровенное удовольствие – примерка новых платьев. Женщина облачалась в одежду, вертелась перед зеркалом и так, и эдак, то убирала волосы, то вновь распускала. Из подсобки возникла и обувь. Вздыхнув, Лена отставила ту, что была на каблуках, но и та, что осталась, была хороша.

– Леночка Вячеславовна, примерьте этот шикарный брючный костюм! – ворковала Дина Игоревна. – Можете не верить, но когда я его брала у поставщика, то думала именно о вас. Вам он непременно подойдет!

Через час абсолютно счастливая Лена, приобретя костюмчик и пару обуви, выпорхнула из салона Дины Игоревны.

Хозяйка бутика осторожно отвернула край плотной портьеры, закрывающей окно, и проводила клиентку взглядом. Из-за её спины на Лену глазели девушки-продавщицы.

– С водителем ездит, – тихо, с легкой завистью проговорила Ева. – На иномарке.

Дина Игоревна строго посмотрела на подчинённую, но промолчала. Аккуратно задвинув край портьеры, хозяйка вышла в подсобку.

– Кто это была? – спросила Ева у напарницы.

– Пошли покурим, – вместо ответа сказала Жанна, поко-

сившись в сторону двери, за которой скрылась начальница.

Оказавшись на заднем дворе, Жанна повертела в пальчиках тонкую дамскую сигарету и произнесла:

– Это жена директора вино-водочного завода.

– А-а! – протянула Ева, затягиваясь дымом. – Вон оно что!

Буду знать.

Жанна, прищурившись, продолжала:

– Видела, какие бабки она за костюмчик отвалила? Нам с тобой за эти деньги два месяца пахать надо. А она – раз, – Жанна сделала широкий жест рукой, – и выложила, даже не моргнув.

Ева молча курила. А напарница не унималась:

– Мой папаша на этом заводе вкалывает. Знаешь, сколько получает? Три тысячи рублей в месяц! И те задерживают, вовремя не выплачивают. Зато у директора жена костюмчики по триста баксов скупает.

– И босоножки за сто, – добавила Ева.

– В машину с водителем села и поехала, – выпустила струю дыма Жанна. – Королева, блин.

– А сама страшная, как сто подвалов, – поддержала её собеседница. – Ни рожи ни кожи!

– Ага, старая – лет пятьдесят, сразу видно.

– Толстая.

– Вся в морщинах.

– На башке чёрт-те что и маникюра нет.

– И педикюра, кстати, тоже.

- Слониха.
- Росомаха.

– Девочки, вы чем тут заняты? – Дверь бутика открылась, недовольная Дина Игоревна выглянула на улицу. – Марш в помещение, ещё одна клиентка пришла!

* * *

В усадьбу Лена вернулась к двенадцати часам дня. Солнце уже припекало не на шутку. Васильич в широких шортах с изображением пальм и попугаев, без футболки, но в кепке и шлёпанцах, нежился на любимом плетёном кресле, потягивая из бутылки пиво.

– Бабенко звонил, часам к трём подъедет, – подойдя к машине, известил он жену.

– Доброе утро, Стёпа! – произнесла Лена, принимаясь выгружать сумки из багажника.

– Ага. Доброе утро, – ответил Штырь и отвернулся.

Когда покупки с помощью Лены и Славки перекочевали на кухню, хозяин усадьбы возник на пороге.

– Чего вкусенького привезли? – спросил Васильич, сунув нос в одну из сумок.

– Всё вкусенькое, – ответила супруга. – Стёпа, не хватай, пожалуйста, продукты. Гостям ничего не достанется!

Но Штырь, азартно урча, как кот, завидевший сметану, уже отшматовал себе кусок копчёной свинины и принялся его поедать.

– Отчёт где? – поинтересовался он с набитым ртом. Лена молча протянула блокнотик. Цапнув его жирными пальцами, супруг удалился на улицу. Славка отправился к машине.

На кухне появилась Егоровна. Помогая дочери запикивать продукты в холодильник, поинтересовалась:

– Ну как, поспала ночью хоть сколько?

– Да, мам, поспала, – кивнула дочь. – В дороге ещё прикорнула. Нормально.

– Смотрю, глаза вон красные... – Мать придирчиво заглянула ей в лицо.

– Это от жары, мам.

– Ну да, от жары, – проворчала та. – Заедит тебя скоро твой муженёк, в могилу сляжешь!

– Мам, – возмутилась Лена, – типун тебе на язык!

– На кой чёрт нам сдались эти гости?! – не унималась Егоровна. – Припрутся сейчас, зады свои усадят – а мы бегай, их обслуживай! Никита водки нажрётся и спать завалится! А утром проснётся, и опять покоя не будет – завтраком его корми. А это снова на стол накрывай, снова с тарелками носись! Как в прошлый раз.

– Ну нажрётся и нажрётся, – отмахнулась дочь. – Подумаешь, спать уложим! Места полно! Давай шашлык замачивать, времени мало осталось.

С улицы раздался голос Васильича.

– Лена! – звал он жену тоном, не предвещающим ничего хорошего. – Ну-ка, подойди сюда!

Супруга Штыря замерла.

– Что? – тревожно глянула на неё мать. – На «ковёр» зовёт?

Лена пожала плечами.

– Что он там делает? – Егоровна выглянула в окно и посмотрела на зятя.

– Отчёт мой проверяет, – ответила дочь. – Как я на рынок съездила.

– Ну всё, значит, точно – на «ковёр». Иди, получай по мозгам. – Мать сочувственно посмотрела на Лену.

– Иду, – обречённо ответила та.

Штырь восседал за столом, напялив на нос очки и постукивая карандашом по столешнице. Перед ним, весь испещрённый вопросительными знаками, лежал блокнотик Лены.

– Садись! – Васильич глянул на жену поверх очков.

Та покорно села.

– Опять всё дорого купила! – недовольно проворчал муж.

– Разве, Стёпа?

– Конечно! Икру по пятьдесят рублей за банку взяла! Дешевле не могла поискать?!

– На рынке брала. Где я ещё дешевле найду?

– На оптовый склад могла бы съездить!

– Так времени не было, Стёпа! И потом, на оптовый склад ехать – на бензине больше прокатаешь.

– Бензин я из заводской кассы оплачиваю. А икру из соб-

ственного кармана! Есть разница?

Лена промолчала.

– Дальше, – стучал карандашом Штырь. – Свинину аж по семьдесят рублей за килограмм купила.

– Ну я же шейку взяла, – попыталась оправдаться жена. – Шейка всегда самая дорогая!

– Так. Хорошо. Балык за двести рублей! Масло по шестьдесят рублей за килограмм! Тоже самое дорогое взяла? Яблоки по пятнадцать рублей! Лен, ты что, обалдела – яблоки по пятнадцать рублей брать? Им красная цена – десятка! Помидоры, огурцы, клубника... Всё остальное тоже дорого!

Супруга молчала, уставившись в стол.

– Я тебя спрашиваю! – повысил голос Васильич. – Что молчишь? Почему яблоки по пятнадцать рублей взяла?!

– Стёпа, на рынке такие цены, – тихо ответила Лена.

– На рынке, Лена, надо торговаться! – начал заводиться Штырь. – Если бы я так бизнес вёл, как ты на рынок ходишь, вы бы давно все с голыми задками бегали! Я на заводе за каждую копейку торгуюсь, а она яблоки по пятнадцать рублей покупает! Совсем одурела!

– Стёпа, ты же знаешь, я не умею торговаться, – произнесла жена.

– Что?! Что ты сказала?! – Супруг бросил карандаш на стол. – Торговаться не умеешь?! А жрать ты умеешь?! Ты семь лет уже дома сидишь, не работаешь, ни копейки в дом ни приносишь, а жрёшь и пьёшь по первому классу! Ещё раз

вякни мне, что торговаться не умеешь! Что ты вообще умеешь? Учись! Рот открыла и начала торговаться! Язык есть? Или проглотила?!

Лена встала и, оскорблённая, попыталась уйти.

– А ну стой! – злобно прошипел муж. – Куда собралась?!

Я ещё не закончил!

Жена встала, как вкопанная.

– На что четыреста долларов потратила?

Проглотив комок в горле, охрипшим голосом Лена произнесла:

– Костюм купила. И босоножки.

– Кому костюм? – поинтересовался Штырь.

– Себе.

– Угу. И босоножки тоже, стало быть, себе.

– Да.

– Значит, чтобы шмотки купить, у тебя и время нашлось.

На оптовый склад за икрой некогда было съездить, а в магазин за тряпками зайти – куча времени появилась!

Женщина молчала, отвернувшись в сторону.

– Неси костюм, показывай!

Обиженная и расстроенная, супруга пошла в дом. Принесла костюм и коробку с обувью.

Штырь глянул на шмотку, помял в пальцах материал, вытащил босоножку, повертел её в руках и бросил обратно в коробку.

– И вот это дерьмо четыреста баксов стоит? – брезгливо

произнёс он. – Лен, ты совсем дура, да? Ты где это купила?
На барахолке, у кавказцев?

– Нет. У Дины в бутике, – тихо ответила жена.

– У Дины? – Васильич резко сменил тон. Снова схватил босоножку, повертел её, посмотрел через очки, потом поверх очков. Ещё раз помял материал костюма, почитал название торговой марки и спросил:

– А что это за фирма?

– Какая-то немецкая. Название не на слуху, но вещи выпускает очень качественные.

– Это Дина так сказала?

– Да.

– Ну, ладно... – сбавил обороты Штырь. – Дина – баба толковая, в тряпках понимает. И цены не задирает... Если она так сказала, значит, так и есть. Ладно, всё, иди, – махнул он рукой. – И давайте там, на кухне, зады свои быстрее поворачивайте! А то провозитесь, гости к пустому столу приедут!

Лена на деревянных ногах пошла обратно в дом.

Егоровна, резавшая на столе мясо, застыла с ножом в руке.

– Ну как? Живая?

Дочь молча кивнула.

– Ничего, обошлось.

– Аж здесь было слышать, как орал, – произнесла мать. – Опять выступал, что всё дорого купила?

Лена снова кивнула.

– Вот гад! Деньги лопатой гребёт, а за копейку удавить готов, – высказалась Егоровна и с неприязнью посмотрела в сторону окна, за которым виднелась фигура зятя.

– Мама, всё нормально. Покричал и перестал. Давай лучше на стол накрывать. А то скоро гости приедут, а у нас ничего не готово.

Пожилая женщина вздохнула и продолжила свою работу.

Глава 9

Ровно в три часа дня у ворот усадьбы просигналил чёрный «мерседес» с мигалкой на крыше. Васильич самолично отправился открывать ворота. Плавно въехав на территорию, автомобиль замер. Дверца его открылась, выпустив из металлической утробы весьма молодого мужчину, которому явно не было ещё и сорока. С переднего пассажирского сиденья выпорхнула женщина в лёгком платье. Мужчина стал топтаться на месте, дожидаясь, пока хозяин усадьбы закроет ворота. Взгляд гостя не отрывался от шестисотого «мерседеса», нарочито выставленного посреди лужайки прямо перед домом.

– Здорово, Никита! – заорал Васильич, лязгая замком ворот. – Чего топчешься? Иди гляди какого я «мерина» приобрёл!

– Здравствуйте, – поздоровалась женщина.

– Здравствуйте, Илона. – Штырь подбежал, схватил женщину за кисть правой руки и весьма ловко приложил к губам. – Прошу, проходите в наш маленький домик! Мы вас ждали!

– Отчего же? – Илона вздёрнула аккуратно подведённые брови. – Мы, кажется, не опоздали. Так ведь, Ник?

– По-моему, нет, – ответил супруг, взглянув на часы. – Три часа ровно. Как обещали, так и приехали.

– Вот видите, – мило склонив голову набок, улыбнулась женщина. – Так что вы не должны были нас заждаться.

– Илоночка, я вас жду всегда! – возвестил хозяин усадьбы. – Даже три секунды ожидания заставляют трепетать моё сердце!

– Степан Васильич! – погрозила пальчиком та. – Сейчас Ник начнёт ревновать!

– Не начнёт, – отмахнулся Штырь. – Мы его шашлыком накормим, у него на ревность сил не останется. Позвольте, я вас сопровожу к столу!

Васильич подхватил под руку супругу мэра и повлёк её в сторону дома.

– Эй, эй! – шутливо закричал Бабенко. – Ты куда мою жену потащил?

Проводив парочку взглядом, Никита Петрович подошёл к автомобилю, красовавшемуся на лужайке. В глазах мэра мелькнула зависть. Он начал обходить машину кругом, за чем-то стуча по каждому колесу носком своей кроссовки. Затем заглянул внутрь через стекло.

– Открыто, садись! – раздался за спиной голос хозяина усадьбы, уже успевшего вернуться.

Бабенко вздрогнул, усмехнулся и ленивым жестом, как бы нехотя, открыл дверцу.

– Садись-садись! – пригласил Васильич. – Оцени степень комфорта.

Никита Петрович присел на водительское сиденье, потро-

гал ногами педали, попытался покрутить отделанный кожей руль.

– Да то же самое, что у меня, – притворно-равнодушным тоном вынес он вердикт.

– А что ты сюда уселся? – спросил Штырь. – Ты на пассажирское сиденье сядь.

– А какая разница?

– Большая. Иди, сядь сзади.

Пожав плечами, Бабенко перешёл на заднее сиденье. Слегка поёрзал.

– Да у меня так же, – произнёс он.

– Где так же? – возмутился Васильич. – Здесь салон намного шире. Я в твоей «ешке» вообще не помещаюсь, а тут – смотри!

Штырь шустро влез на заднее сиденье рядом с мэром.

– Смотри! Спокойно влез и нормально себя чувствую!

– Ну, с твоими-то габаритами, конечно, просторный салон нужен, – не без иронии согласился Никита Петрович. – А мне, костлявому, и в «ешке» много места.

– Ну так! Солидному человеку – солидная машина. А несолидному человеку – «мерседес» Е класса! – парировал Васильич.

– Не понял! – вздёрнул брови мэр.

– Да ладно-ладно, шучу, – захохотал Васильич. – Извини, а то обидишься ещё.

– Да что на тебя, дурака, обижаться?!

– Не понял! – Хозяин усадьбы вздёрнул брови с таким же выражением лица, как это только что делал мэр. – Ты кого дураком назвал? – Но потом снова захохотал.

– Ну, салон вроде красивый, ничего не могу сказать, – решил всё-таки сделать комплимент Никита Петрович. – Панель деревом, что ли, отделана?

– А как же, орех, – Васильич, развалившись на сиденье, сделал вальяжный жест. – А сиденья из какой кожи, посмотри! Бархат просто! Сама нежность, можно сказать! Люк вон, в потолке. У тебя такого нет.

– Угу, – мэр поднял глаза вверх. – Только зачем он нужен?

– Как зачем? Чтобы воздух шёл! Приоткроешь – и в лицо дует свежий ветер!

– А климат-контроля нет, что ли? – Глаза у Бабенко загорелись. Неужели сейчас можно будет хоть немного сбить с приятеля спесь?

– Это у тебя его нет! – Васильич подавил порыв мэра в зародыше. – А здесь всё есть! Тут столько электроники, что Славка вторую неделю разобраться не может. Вон, смотри – всё в кнопках! И климат-контроль, и чёрт с рогами! Тут такая вентиляция – даже в зад будет дуть, если захочешь! А телевизор видишь?

– Угу, – откликнулся мэр. – Телевизор вижу. А зачем всё-таки люк?

– Зачем-зачем! – взбрыкнул Штырь. – Затем! Бабам нравится – они туда башку любят высовывать. Вот найду себе

тёлку молоденькую и буду возить. Люк открою, она башку высунет, а я тем временем ей трусы, р-раз – и сниму!

– И что дальше? – повеселел Бабенко.

– Что дальше... Будет тёлка без трусов – вот что дальше!

– Понятно, – усмехнулся мэр. И, старательно подавляя приступ зависти, с большим трудом выдавил из себя фразу: – Авто солидное, что скажешь! Когда по городу едешь, небось все машины врассыпную?

– А то! – довольно изрёк Васильич. – Славка как на педальку нажмёт! Да ещё «гелендваген» сзади! Еду, как Борис Николаевич, по чистой трассе! Гаишники честь отдают! На всех светофорах только зелёный свет зажигают!

– Да ладно, треплешься почём зря, – отмахнулся Бабенко. – Если на каждом светофоре лично для тебя зелёный свет зажигать, гаишников не хватит.

– А вот ты бы взял и позаботился, чтоб хватило, – заявил хозяин усадьбы. – Постарался бы для друга.

– Это не ко мне, – замотал головой мэр. – Это к начальнику ГИБДД.

– Да ладно, обойдусь, – произнёс Штырь. – У меня мигалка есть, я и на красный проехать могу. Вот лучше бы ты дороги в городе сделал, чтобы ямы на такой машине не считать!

– Ага, – кивнул Бабенко. В голосе его послышалось злорадство. – Дороги у нас плохие! Твой навороченный «мерин» как по ямкам поскачет, сразу сыпаться начнет – это факт. Здесь ему не Европа! Стоечки сразу полетят, как ми-

ленькие, и подвеска вряд ли справится. А запчасти дорого стоят, да и не найдёшь их.

– Мне по заказу из Германии привезут, – запыхтел Васильич.

– Ну вот, весь твой заводик на запчасти и будет работать, – съязвил Никита Петрович. – И на бензин ещё. Сколько эта тачка жрёт?

– Не знаю, не считал, – Штырь равнодушно посмотрел в сторону. – Меня такие мелочи не волнуют. Ты от темы-то не уходи. Когда дороги в городе сделаешь?

– На какие шиши? – нахмурился мэр. – Давай деньги – сделаю тебе дороги.

– На свои деньги я и сам могу дороги сделать, – усмехнулся хозяин усадьбы.

– Ну, так и делай, – пожал плечами Никита Петрович.

– Нет, дорогой! Для этого ты существуешь и городской бюджет!

– В городском бюджете денег нет!

– А куда ж они подевались?

– А откуда они там возьмутся? – взвился Бабенко. – Ты вот налоги платишь?

– Плачу, – не моргнув глазом соврал Штырь.

– Платишь... Брешишь как сивый мерин! Если бы ты налоги платил, ты бы сейчас на шестисотом «мерине» не ездил.

– Ага. Тогда ты бы ездил! – захохотал Васильич.

– Вот именно, – криво улыбнулся мэр. – Так что отвали

со своими дорогами!

– Что значит – отвали? Во всей области только по федеральной трассе нормально можно ездить! А на городские улицы хоть не выезжай совсем – яма на яме!

– Ну и не выезжай!

Последнюю фразу Бабенко сказал уже с явным раздражением.

– Ладно, – пошёл на попятную хозяин усадьбы и миролюбиво добавил: – Да шучу я, шучу. Давай, вылезай, пошли к столу. Наши жёны нас потеряли уже.

* * *

Стол накрыли на улице, в тени сосен. Лена с Егоровной постарались на славу. Помимо многочисленных закусок и салатов, был замочен и уже нанизан на шампуры шашлык, отварена и ароматно благоухала молодая картошечка, крупная сочная клубника лежала аккуратными горками в вазочках. Илона Бабенко, усевшись в плетёное кресло, чинно брала наманикюренными пальчиками алую ягоду, откручивала зелёный хвостик и – ам! – быстро проглатывала. В процессе еды она приподнимала тщательно подведённые бровки, а розовые маленькие ушки сосредоточенно двигались в такт жевательным движениям. Лена, успевшая не только накрыть стол, но и облачиться в обновки, взирала на гостью, подперев подбородок рукой.

– Боже мой, какая благодать! – Илона успевала не только есть, но и вещать тонким, высоким голосом. – В городе сей-

час такая духота – просто ужас. Раскалённые дома, асфальт плавится, дышать нечем. Мне чуть дурно не стало, когда я вышла из подъезда! Слава богу, в машине есть кондиционер, иначе дорога сюда превратилась бы в пытку! А у вас здесь просто прелесть – тень, свежий морской воздух. Нам тоже надо где-нибудь в этом месте построить дачу. Обязательно скажу об этом Нику.

– Конечно, – ответила Лена в тон собеседнице. – Здесь замечательно! Вам просто необходимо обзавестись кусочком земли в этом районе.

– Да. – Гостья слизнула с губы клубничный сок. – Примерно таким же, как ваш. Сколько у вас здесь соток?

– Пятьдесят, – с невозмутимым видом ответила хозяйка усадьбы.

– Скажу Нику – нам нужно сто соток. Или лучше, сто пятьдесят. – Илона вновь принялась поедать клубнику, а Лена подавила ироничную улыбку.

Мадам Бабенко получила титул первой леди города всего год назад. Вершина власти пока ещё не принесла «монаршей» чете желаемого уровня материального достатка. Илона этот факт переносила очень болезненно – особенно когда ей доводилось лицезреть чужое богатство. Например, усадьба Штыря доводила её до нервической дрожи в коленках, а шестисотый «мерседес», нагло выставленный хозяином на обозрение гостям, уязвил мадам Бабенко в самое сердце. Что

же оставалось делать бедной супруге мэра, чтобы всё-таки доказать, кто в городе хозяин? Только дать понять противной Елене Штырь, что потенциал у господина Бабенко гораздо выше, чем у какого-то директора винно-водочного завода. Погодите-погодите, мы тоже отхватим участок на побережье, и гораздо больше вашего! Вот!

– Илона, а как ваши детки? – сменила тему Лена и, подперев подбородок другой рукой, приготовилась слушать.

– Хорошо, – дожёвывая ягоду, заморгала глазами гостья. – Я их в летний лагерь отправила, в Америку. Прекрасное заведение на берегу океана, отличные условия. Мне картинки показывали – так мило! Небольшие коттеджи среди пальм. В коттедже проживают всего четыре человека, у каждого своя комната. Санузел, правда, один на всех, но, по-моему, это нормально. Отдельный санузел для каждого ребёнка – это уже слишком! Как вы считаете?

– Да, – кивнула Лена, – конечно. Санузел должен быть общий.

– Ага. Так вот. Питание четырёхразовое. У них там воспитатели есть, занимаются с детьми постоянно. Конной езде даже обучают! Лошадь запрягать, сбрую всякую на неё вешать. Всё по-английски!

– Что по-английски? – удивилась Лена. – Лошадь в телегу запрягать?

– При чём тут телега? – в свою очередь удивилась Илона.

И, презрительно поджав губки, объяснила непонятливой собеседнице: – Разговаривают там все по-английски! Это же Америка!

– А-а! – протянула хозяйка усадьбы. – А ваши сыночки знают английский?

– Конечно! – дёрнула плечом мадам Бабенко. – Оба моих мальчика язык знают в совершенстве. Бывает, знаете, они даже дома забываются и начинают друг с другом общаться на английском! Прямо так, сидят и старший младшему говорит: «Ду ю спик инглиш?» Представляете?!

– Да вы что? – покачала головой Лена. – «Ду ю спик инглиш?» Ну надо же! Какие молодцы! А младший ему что отвечает?

– И младший ему тоже отвечает! – Гостья расплылась в довольной улыбке. – Только что – я не понимаю. Я в школе французский учила.

– А-а, – закивала Лена.

Рассказ о летнем лагере тоже имел предназначение воткнуться шпилькой в бок супруге Штыря. Это явственно читалось в глазах мадам Бабенко – она смотрела на Лену с вызовом, как бы говоря: «Ну, чем мою карту бить будешь?»

Лена подтекст слов Илоны прочитала сразу. И ненадолго задумалась, что бы ей такое ответить. Костюмом новым, что ли, похвастать? Стоп! А зачем вообще отвечать? «Сделаю вид, что меня её рассказ никак не впечатлил. Подумаешь –

Америка! У нас «мерседес» шестисотый на лужайке стоит, и рассказывать ничего не нужно».

Проигнорировав вызывающий взгляд собеседницы, Лена равнодушно спросила:

– Так, и что же летний лагерь?

– А? – опомнилась жена мэра. – Летний лагерь – замечательно! Джунгли кругом, прерии! Свежий воздух и океан! И ещё, знаете, Лена, удалённость от родителей полезна для воспитания детей. Мои мальчики в лагере становятся намного дружнее. А дома ссорятся постоянно... Старший младшего без конца задирает, тот обижается. А потом младший за старшим шпионит и ябедничает, куда тот пошёл и чем занят!

На этих словах Илона прикусила язык. Чёрт, сболтнула лишнее! Ну как же можно признаваться, что в семье есть какие-то проблемы – пусть даже небольшие, пусть даже с воспитанием детей. У Бабенко всё должно быть идеально.

Лена сделала вид, что не заметила промаха собеседницы, а та, пытаясь оправдаться и загладить досадное упущение, сморозила очередную глупость:

– Вы знаете, Лена, они у нас с раннего детства живут в постоянной кон-фронтации! – Мадам Бабенко с трудом выговорила длинное слово. – Я раньше не понимала, почему. А тут мне подруга сказала, что если у детей четыре года разницы в возрасте, то всегда так происходит. Представляете?

– Да, если четыре года разницы, то конечно, – с серьёзным видом подтвердила хозяйка усадьбы. – Четыре года –

это очень неприятная разница.

– Вот! И вы тоже так считаете? А я же не знала! – расстроилась Илона. – Надо было младшего на год позже рожать. Тогда бы не было у них кон-фронтации! -

И замолчала, довольная тем, что нашлось объективное объяснение.

Лена подавила улыбку и мысленно себя поздравила. Иногда важно суметь вовремя промолчать, и твоя «оппонентка» сама себя посадит в лужу. А начини Лена хвастать в ответ, неизвестно, чем бы всё закончилось. Самолюбие Илоны Бабенко лучше открыто не уязвлять. На всякий случай.

– О чём задумались? – донёсся до Лены голос супруги мэра. Хозяйка усадьбы встрепенулась. Гостья сидела над пустой вазочкой из-под клубники, держа в пальчиках зелёный хвостик от последней съеденной ягоды.

– Ни о чём. Не выспалась просто, – улыбнулась жена Васильича. – Отключилась на секунду.

– Да? А чем вы таким по ночам занимаетесь, что не высыпаетесь? – игриво хихикнула Илона.

– Она по ночам дом сторожит, – внезапно раздался в ответ голос Штыря. Хозяин усадьбы подошёл к столу и явно услышал последнюю фразу, произнесённую гостьей.

– В каком смысле? – вздёрнула брови мадам Бабенко.

– А без смысла, – хохотнул Васильич. – Надо же кому-то дом сторожить. Вот она и караулит на коврике у двери. Да,

Ленусик?

Супруг положил руку на шею жены и потрепал, как собаку, по загривку. Лена раздражённо дёрнула плечом, но быстро справилась с собой и произнесла:

– Илона, не обращайтесь внимания. Это у Степана Васильича шутки такие. Полные юмора и скрытой иронии.

Штырь хмыкнул и, узрев обильно накрытый стол, потёр руки.

– Ну что, Никита Петрович, по сто грамм?

– Святое дело, Степан Васильич!

Мэр присел к столу и первым делом взял бутылку водки, вознамерившись наполнить рюмки присутствующих. Лена поднялась со своего места и принялась накладывать закуски в тарелки гостей.

– Что ж, Степан Васильич, давай выпьем за твою покупку, – предложил Бабенко.

– погоди с покупкой, – окоротил его Штырь. – «Мерина» мы отдельно обмоем, как полагается. А первый тост должен быть за здоровье всех присутствующих!

– О`кей, – не стал спорить Никита Петрович. – За здоровье, так за здоровье. Только дамам надо налить.

– Я не пью! – оповестила хозяйка дома.

– Леночка, почему же вы никогда не пьете? – развёл руками мэр. – Уж за здоровье-то грех не выпить. Ну? Леночка? Пять капель!

– У меня и так здоровья нет, а если ещё пить за него, то

совсем не будет, – отказалась та.

– Степан Васильич! Повлияй на жену! – обратился Бабенко к Штырю.

– Да ну её! Не хочет – пусть не пьёт. Нам больше достанется, – отмахнулся тот.

– Илона, тебе налить? – переключился Никита Петрович на свою супругу.

– Конечно, налить. Только не водки, естественно, – жеманно произнесла жена.

Бабенко воззрился на бутылку в своей руке.

– Пардон! – отставил он тару. – Что будешь пить? Выбери! – предложил он ей широким жестом.

А выбор-то, собственно, был не особо велик. Спиртное Васильич, естественно, не покупал. Глупо было бы тратить деньги на то, что можно взять бесплатно на собственном заводе. В подвале усадьбы всегда громоздились ящики с водкой, запасы которой периодически пополнялись. Любил ещё Штырь коньячок – ради этого напитка даже запустил на заводе отдельную линию. Но вот про ассортимент дамского алкоголя хозяин усадьбы просто позабыл.

Хотя завод выпускал пару сортов вина, особым спросом в городе оно не пользовалось. Качество было не то, да и, как ни крути, а душа русского человека тянется к водочке. Вот и Васильич этот алкоголь уважал особенно и в доме держал в изобилии. А вино не употреблял и даже брезговал.

Потому на столе сейчас громоздились лишь бутылки с водкой и коньяком. Мадам Бабенко, пытливно оглядев небогатый ассортимент, удивлённо хлопнула глазами:

– А что, «винчика» нет?

– Детских напитков не держу! – крикнул Васильич. И тут же посоветовал:

– Илона, пейте лучше водку. Чистый продукт, натуральный. Сам произвожу, сам отвечаю за качество! Попробуйте!

– Спасибо, конечно, – замялась супруга мэра. – Но я водку не очень... У меня от неё наутро голова болит. Мне бы «винчика»!

– От вина голова скорее заболит, чем от водки! – авторитетно заявил Штырь. – Вино – это что? Перебродивший ягодный сок! Гниль, одним словом. А в водке никакой гнили, чистейший спирт и родниковая вода!

– Водки тоже палёной полно, – возразил Никита Петрович.

– Но-но, попрошу! Только не на моём заводе! – погрозил пальцем Васильич.

– Согласен. Но водку с твоего завода не укупишь – цену задрал, выше некуда, – посетовал Бабенко.

– А как же, за качество надо платить! А ты-то чего жалуешься? Пей, сколько влезет – вон, весь стол уставлен.

– А я не жалуюсь, я за народ радею. Мне чего переживать? У меня ещё и вся квартира твоей водкой завалена. Подарки

от твоих щедрот, – произнёс мэр.

– Не понял! Тебе что, мои подарки не нравятся? – поднял брови Васильич. – Могу больше не дарить.

– Почему? Дари. Такой подарок, как водка, всегда нужен. Правильно я говорю, девчата? – Бабенко переводил взгляд с одной женщины на другую.

– Угу, правильно. Только налей мне чего-нибудь, уже, – подала голос его супруга.

– Пардон! Так что тебе – коньячок или беленькую?

– Илона, у меня есть бутылка чудесного французского вина. Хотите? – вдруг предложила Лена.

– Не понял! – воззрился на жену Штырь. – Откуда вино?

– Купила, – запальчиво произнесла та. – Сейчас принесу.

Лена поднялась из-за стола и прошла в дом.

– Тратит деньги на всякую дрянь, – заворчал хозяин усадьбы. – Вино французское! Небось в соседнем подвале бомжи разливали.

– У тебя по соседству бомжи в подвалах живут? – усмехнулся Никита Петрович.

– У меня соседей вообще нет, как видишь, – отрезал недовольный Васильич.

– Вот! – Лена вернулась, неся в руке бутылку. – Замечательное французское вино!

– А ну дай сюда! – протянул руку муж. – Чем ты моих гостей травить собралась?

Штырь, прищурившись, принялся изучать этикетку.

– Ни черта не понимаю! Что тут накорябали? – раздражённо произнёс он. – Лу.. Ло..

– Здесь написано «Луи Жадо». – Лена взяла бутылку из рук Васильича и продемонстрировала присутствующим. – Вино молодое, урожая девяносто седьмого года, но сказали – очень вкусное. Никита Петрович, откройте, пожалуйста.

Не успела Лена произнести эти слова, как Штырь снова протянул руку.

– Дай сюда, я сказал! – повысил он голос. Схватив бутылку, повертел её и так, и эдак. – На этикетке тебе чего хочешь понапишут! – вынес вердикт супруг. – А внутри неизвестно что, бурда какая-нибудь. Бомжи в соседнем подвале разливали, а тебе, дура, продали!

Васильич отставил вино в сторону.

– Илона, лучше это не пейте, – посоветовал он. – Давайте я вам водочки налью! Безопасней и для здоровья полезней.

– Но Илона хотела вина! – вспыхнула Лена.

– Она уже не хочет, – ответил за гостью Штырь, наполняя рюмку супруги мэра водкой.

– Илона, давайте свой бокал, я налью вам вина. – Хозяйка снова взяла бутылку и сама принялась её открывать.

– Да я правда вина уже не хочу, – начала отказываться мадам Бабенко, видя, что назревает скандал.

– Хотите, Илона, я же вижу, что хотите! – Лена судорожно орудовала ножом, срезая фольгу с горлышка.

– Не хочет, тебе сказали! – произнёс Васильич, смерив

жену взглядом.

Та молча взяла штопор и принялась ввинчивать в пробку. Понаблюдав за действиями супруги, Штырь так же молча выхватил бутылку из её рук и шарахнул о дерево. Мелкие осколки брызнули во все стороны, ароматная пахучая жидкость потекла по стволу. Лена вздрогнула и застыла.

– Что смотришь? – Хозяин усадьбы спокойно откинулся на спинку кресла. – Убирай! Напорется ещё кто-нибудь на стекло...

Сорвавшись с места, жена опрометью бросилась в дом. Было видно, как у неё судорожно трясутся плечи.

– Я же ей сказала, что уже не хочу вина... – растерянно пробормотала Илона.

– Не обращайтесь внимания, она за мусорным ведром пошла, – равнодушно бросил Васильич. – Давайте выпьем лучше, а то водка греется.

Мужчины опрокинули по стопке.

В глазах мадам Бабенко читалось явное удовлетворение – она взяла реванш. Оказывается, у семьи Штырь тоже есть проблемы, да ещё какие. Завтра надо будет рассказать близким подругам об увиденной сцене.

Блиzkих подруг у супруги мэра было двадцать семь человек.

* * *

Лена влетела в кухню, едва сдерживая рыдания. Егоров-

на заваривала чай. Завидев дочь, она замерла с чайником в руке.

– Что? – тревожно вскрикнула пожилая женщина.

Не отвечая ни слова, жена Васильича металась по кухне, как раненый зверь.

– Лена! – Мать поставила чайник на стол. – Лена!!

Егоровна подскочила к дочери, схватила её за плечи и стала трясти, повторяя без конца:

– Лена! Лена! Что? Что случилось?!

Дочь, всхлипнув, отстранила мать и, спотыкаясь о кухонные стулья, кинулась на второй этаж, в свою спальню. Егоровна побежала за ней. Супруга Штыря распахнула дверцы антресолей и стала вытаскивать чемодан. Тот застрял, и она рванула его изо всех сил. Чемодан неожиданно легко поддался, и несчастная упала, ушибив копчик. Уже рыдая в голос, женщина принялась выгребать из шкафа свои вещи, сдирая их с вешалок. Комкая, она кидала платья на пол. Егоровна наблюдала, стоя на пороге и теребя передник.

– Лена! – позвала мать упавшим голосом. – Ты можешь сказать, что случилось? Что он тебе сделал? Ударил, да?

– Всё, мама! – истерически закричала дочь. – Я уйду от него! Сил больше нет! Я... я не могу больше это терпеть! Он издевается! Он без конца надо мной издевается! Я для него всё равно что собака! Хуже собаки! Люди к животным так не относятся, как он ко мне! Я устала! Я рабыня! Пашу, как лошадь, а вместо благодарности одни унижения! Он уже на

людях меня унижает! Мама, он сейчас меня унизил, отвратительно прилюдно унизил!

Егоровна присела на стул.

– Ну и правильно, Леночка, – осторожно произнесла она. – Правильно! Давай от него уйдём, бросим его к чёрту. Вот прямо сейчас чемоданы соберём и уйдём. Дай я тебе помогу!

Пожилая женщина принялась ползать на коленях, подбирая разбросанные дочерью вещи.

– Ты только платья не комкай, аккуратно складывай, – бормотала она, собирая чемодан. – Сейчас к Верке поедem. Будем впятером жить, а что тут такого? Зато сами себе хозяйки. У меня пенсия, ты на работу устройшься. Уходи от него, Леночка, уходи! Он тебя в могилу сведёт, живьём сожрёт. Он же кровь из тебя пьёт, вурдалак проклятый. Девочка моя, правильно ты делаешь! Уйдём, прямо сейчас и уйдём! Слава богу, решилась наконец!

По щекам Егоровны потекли слёзы. Лена судорожно меряла шагами спальню.

– Всё, ухожу, – твердила она как заведённая. – Ухожу, ухожу! Пусть живёт, как хочет. Я не рабыня! Я не прислуга! Правильно ты говорила мама, надо жить с достоинством! Иначе тебя просто втопчут в грязь! И будут до конца жизни в эту грязь мордой тыкать! Хватит, надоело пресмыкаться! «Стёпушка – то, Стёпушка – это!» Ботинки сними, пятки почеси, подай, принеси! На черта мне его деньги! За каждую

копейку сгноить готов! Он меня уничтожает, просто уничтожает! Хочет, чтобы я валялась у него в ногах и кланялась за крошку хлеба!

Лена выдохлась, всхлипнула, села на пол и застыла, уперев горестный взгляд в пустоту. Егоровна собирала чемодан, с состраданием глядя на дочь.

* * *

Лене было тридцать, когда она вышла замуж за Штыря. Свёл их, как ни странно, Виталий. Женщина до сих пор не знала, где и как её дорогой братишка познакомился с начальником отдела производства винно-водочного завода. Но полезное знакомство он постарался не упустить. Виталий убил одним махом двух зайцев: устроил личную жизнь сестры и заимел обеспеченного родственника. На заводе и во времена социализма платили высокие зарплаты.

Лене Степан не показался. Будучи её ровесником, он выглядел много старше своего возраста. Уже тогда он страдал излишним весом и любил выпить. Но жених начал дарить дорогие подарки, был смешлив, понравился матери. Да и какого такого принца ждать в тридцать лет? После развода замуж Лену больше никто не звал.

Свадьбы у них не было. Пришли в ЗАГС, расписались и поехали обратно домой. Штырь стал жить с женой и тещей в трёхкомнатной квартире, доставшейся Егоровне от покойного мужа.

С первых дней совместной жизни молодой супруг резко

изменился. Дорогие подарки дарить перестал. Куда-то испарилась и его смешливость, уступив место жёсткости. Лена понимала, в чём причина этих перемен, но боялась сказать правду даже самой себе. Егоровна тоже что-то подозревала и с сочувствием смотрела на дочь. При этом деньги в дом Степан приносил исправно, кормить семью считал своей обязанностью. Однако транжирства не терпел и требовал от жены экономного ведения хозяйства. Веру особо не любил, но и не обижал. В конце концов такие отношения все приняли как данность. В общем, как-то сжились, стерпелись.

Лена работала в школе, преподавала математику. Егоровна трудилась медсестрой в поликлинике.

А дальше случилось то, чего никто не ждал – через пять лет Штырь стал директором завода.

Это был 1988 год, самый разгар горбачёвской борьбы с пьянством. Повсеместно запрещали продавать спиртные напитки, вырубали элитные виноградники, закрывали винно-водочные заводы. Собрались закрыть и завод, где работал Степан, прислав для этой цели предписание из Москвы. Но местное партийное начальство начинать ликвидацию не спешило – уж больно хороший доход приносило производство алкоголя, в том числе и в их собственные карманы. Времена уже были далеко не сталинские и даже не брежневские. Разгул гласности и демократии подточил партийную дисциплину, и предписание из Москвы решили временно отложить. А

чтобы в случае чего отвечать не пришлось, спешно назначили нового директора. Если хвост прижмут, можно будет на него свалить – мол, он, негодяй, указы сверху не выполняет. На эту роль выбрали не очень умного, но исполнительного Штыря. И тот, ни сном ни духом не ведая о коварных планах вышестоящих органов, с радостью должность принял.

Москва больше не вспомнила про небольшой винно-водочный завод на юге страны. Степан проработал директором четыре с лишним года.

* * *

Из ступора Лену вывел женский голос.

– Мама! Мам! Где вы тут?

– Бабушка! – шепеляво вторил детский голосок.

По лестнице зашлёпали маленькие, торопливые, семенящие шажочки и лёгкие, почти бесшумные шаги.

– Бабушка! – В комнату, как небольшой вихрь, ворвался ребёнок лет четырёх, в смешном коротком костюмчике, загорелый, озорно поблёскивающий глазками.

– Костик! – одновременно воскликнули Лена и Егоровна. Мальчишка кинулся к ним обеим. Не зная, к кому подбежать сначала, заколебался и остановился в нерешительности. Бабушка и прабабушка сами обняли его с двух сторон, затискали, зацеловали.

На пороге комнаты возникла молодая женщина в джинсовых «капри» и стильных тёмных очках с дымчатыми стёкла-

ми. На её блузке виднелся маленький торговый знак французского дома моды. Женщина приподняла очки и воззрилась на картину, представшую её глазам.

– Мама! – Вера деловито подбоченилась. – Мам! Что тут у вас происходит?! Вы зачем вещи на полу разбросали?

– А у меня есть масина! – гордо заявил Костик, демонстрируя родственницам белый пластмассовый джип с дистанционным управлением. – Она сама ездит!

– Ой, какая красивая машина! – воскликнула Лена. – Сама ездит?! Надо же! Ну-ка, покажи бабушке!

– Сейчас! – кивнул мальчик. Он опустил джип на пол и принялся нажимать на кнопки автоматического пульта управления. Автомобиль резво закрутил колёсами, но по ковру, устилавшему пол комнаты, ехал плохо, а потом и вовсе запутался в валявшихся повсюду вещах.

– Мам! Ты меня слышишь? Я спрашиваю: что здесь происходит? – снова задала вопрос Вера.

– Смотри-ка, твоя машинка забуксовала! – всплеснула руками Лена, обращаясь к внуку. – Давай-ка её в другом месте покатаем.

– Костик, иди вниз! – приказала сыну Вера.

– Я не хочу! – запротестовал мальчуган.

– Иди вниз, я сказала!

– Не хочу!

– Пойдём со мной, касатик! – Егоровна подхватила правнука на руки. – Пойдём на кухню, я тебе конфетку дам.

– «Чупа-чупс»?

– Да, зайчик, «чупа-чупс».

– Ну, пойдём, – согласился Костик. – Пусти меня, я сам пойду!

– Хорошо, только со мной за ручку, а то лестница крутая, вдруг упадёшь!

Егоровна, бросив на Лену подбадривающий взгляд, удалилась вместе с правнуком на первый этаж. Оставшись наедине с матерью, Вера плюхнулась на стул.

– Ну?! Так ты мне скажешь, что тут происходит, или нет? – тоном следователя на допросе обратилась она к матери. – Там, внизу, гости сидят, напились уже. Вы с бабушкой тут по полу ползаете. В чём дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.